

ISSN 2409-1634

НАУЧНЫЙ РЕЗУЛЬТАТ

ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

RESEARCH RESULT. ECONOMIC RESEARCH

8(1) 2022

16+

Сайт журнала:
reconomic.ru

сетевой научный рецензируемый журнал
online scholarly peer-reviewed journal

НАУЧНЫЙ РЕЗУЛЬТАТ. ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ RESEARCH RESULT. ECONOMIC RESEARCH

Журнал зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор)

Свидетельство о регистрации средства массовой информации Эл. № ФС77-55674 от 28 октября 2013 г.

Свидетельство о регистрации средства массовой информации Эл. № ФС 77- 69098 от 14 марта 2017 г.

The Journal is registered at the Federal Service for Supervision of Communications, Information Technology and Mass Media (Roskomnadzor)

Mass media registration certificate El. № FS 77-55674 of October 28, 2013

Mass media registration certificate El. № FS 77- 69098 of March 14, 2017

Том 8, № 1. 2022

СЕТЕВОЙ НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

Издается с 2014 г.

ISSN 2409-1634

Volume 8, № 1. 2022

ONLINE SCHOLARLY PEER-REVIEWED JOURNAL

First published online: 2014

ISSN 2409-1634

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР:

Ваганова О.В., профессор, доктор экономических наук, заведующая кафедрой инновационной экономики и финансов института экономики и управления НИУ «БелГУ» (Белгород, Россия).

ЗАМЕСТИТЕЛЬ ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА:

Соловьева Н.Е., доцент, кандидат экономических наук, доцент кафедры инновационной экономики и финансов института экономики и управления НИУ «БелГУ» (Белгород, Россия).

ОТВЕТСТВЕННЫЙ СЕКРЕТАРЬ:

Гордя Д.В., ассистент кафедры инновационной экономики и финансов института экономики и управления НИУ «БелГУ» (Белгород, Россия).

РЕДАКТОР АНГЛИЙСКИХ ТЕКСТОВ:

Ляшенко И.В., доцент, кандидат филологических наук, доцент кафедры английской филологии и межкультурной коммуникации Институт межкультурной коммуникации и международных отношений НИУ «БелГУ» (Белгород, Россия).

ЧЛЕНЫ РЕДАКЦИОННОЙ КОЛЛЕГИИ:

Бархударов Мансур Иса Оглы, доцент, кандидат экономических наук, директор Русской экономической школы (РЭШ) Азербайджанского государственного экономического университета (UNEC), (Баку, Азербайджан)

Валинурова Л.С., профессор, доктор экономических наук, заведующая кафедрой инновационной экономики Башкирского государственного университета (Уфа, Россия)

Джаилова А.Д., кандидат экономических наук, заведующая кафедрой «Банковская деятельность и страхование», Кыргызский экономический университет им. Мусы Рыскулбекова, (Бишкек, Кыргызская Республика)

Жуковская И.Е., доктор экономических наук, профессор кафедры «Цифровая экономика и информационные технологии» Ташкентского государственного экономического университета (Ташкент, Узбекистан)

Зимакова Л.А., доцент, доктор экономических наук, профессор кафедры инновационной экономики и финансов института экономики и управления НИУ «БелГУ» (Белгород, Россия).

Колесников А.В., профессор, доктор экономических наук, профессор ФГАОУ ВО Белгородского государственного технологического университета им. В.Г.Шухова, (Белгород, Россия).

Кулов А.Р., профессор РАН, доктор экономических наук, профессор, главный научный сотрудник, Федеральное государственное бюджетное научное учреждение «Федеральный научный центр аграрной экономики и социального развития сельских территорий – Всероссийский научно-исследовательский институт экономики сельского хозяйства, (Москва, Россия)

Ломазов В.А., доктор физико-математических наук, доцент, доцент кафедры информатики и информационных технологий, ФГБОУ ВО Белгородский государственный аграрный университет им. В.Я.Горина, (Белгород, Россия).

Ляхова Н.И., доктор экономических наук, профессор, Старооскольский филиал НИУ «БелГУ» (Старый Оскол, Россия)

EDITORIAL TEAM:

EDITOR-IN-CHIEF:

Oksana V. Vaganova Professor, Doctor of Economics, Head of the Department of Innovative Economy and Finance, Institute of Economy and Finance, Belgorod State National Research University (Belgorod, Russia).

DEPUTY EDITOR-IN-CHIEF:

Natalia E. Solovjeva, Candidate of Economic Sciences, Associate Professor of the Department of Innovative Economy and Finance, Institute of Economy and Finance, Belgorod State National Research University (Belgorod, Russia).

EXECUTIVE SECRETARY:

Daria V. Gordya, Assistant Lecturer, Department of Innovative Economics and Finance, Institute of Economics and Management, Belgorod State National Research University (Belgorod, Russia).

ENGLISH TEXTS EDITOR:

Igor V. Lyashenko, Associate Professor, Candidate of Philological Sciences, Associate Professor of the Department of English Philology and Intercultural Communication, Belgorod State National Research University (Belgorod, Russia).

CONSULTING EDITORS:

Mansur I. Ogly Barkhudarov, Associate Professor, Candidate of Economic Sciences, Associate Professor, Director of the Russian Economic School (NES), Azerbaijan State Economic University (UNEC), (Baku, Azerbaijan).

Valinurova Lilia Sabikhovna, Professor, Doctor of Economics, Head of the Department of Innovative Economics, Bashkir State University (Ufa, Russia)

Arsel D., Dzhailova Candidate of Economic Sciences, Head of the Department of Banking and Insurance, Musa Ryskulbekov Kyrgyz Economic University, Kyrgyz Republic, Bishkek.

Irina E. Zhukovskaya, Doctor of Economics, Professor of the Department of Digital Economy and Information Technologies, Tashkent State University of Economics (Tashkent, Uzbekistan)

Lilia A. Zimakova, Associate Professor, Doctor of Economics, Professor of the Department of Innovative Economy and Finance, Institute of Economy and Finance, Belgorod State National Research University (Belgorod, Russia).

Andrey V. Kolesnikov, Professor, Doctor of Economics, Professor of Shukhov Belgorod State Technological University (Belgorod, Russia).

Aslan R. Kulov Professor of the Russian Academy of Sciences, Doctor of Economics, Professor, Chief Researcher, Federal State Budgetary Scientific Institution "Federal Scientific Center of Agrarian Economics and Social Development of Rural Territories – All-Russian Research Institute of Agricultural Economics", (Moscow, Russia)

Vadim A. Lomazov, Doctor of Physical and Mathematical Sciences, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Informatics and Information Technologies, Gorin Belgorod State Agrarian University, Russia, Belgorod.

Natalia I. Lyakhova, Doctor of Economics, Professor, Starooskolsky Branch of Belgorod State National Research University, (Stary Oskol, Russia)

Zahid F. Mamedov, Professor, Doctor of Economics, Azerbaijan State University of Economics (UNEC) (Baku, Azerbaijan).

Oksana V. Mashevskaya, Candidate of Economic Sciences, Associate Professor, Department of Bank Economy, Belarusian State University, (Minsk, Republic of Belarus)

Мамедов З.Ф., профессор, доктор экономических наук, Азербайджанский государственный экономический университет (Баку, Азербайджан).

Машевская О.В., кандидат экономических наук, доцент кафедры банковской экономики Белорусского государственного университета (Минск, Республика Беларусь)

Молчан А.С., доктор экономических наук, профессор, директор института экономики, управления и бизнеса, заведующий кафедрой экономической безопасности, ФГБОУ ВО Кубанский государственный технологический университет, (Россия, Краснодар).

Пенджиев А.М., академик Международной академии наук экологии и безопасности, член-корреспондент и профессор Российской академии естественных наук, кандидат технических наук, доктор сельскохозяйственных наук, доцент кафедры автоматизации производственных процессов Туркменского государственного архитектурно-строительного института (Ашхабад, Туркменистан).

Старикова М.С., доктор экономических наук, доцент, профессор кафедры маркетинга, ФГБОУ ВО Белгородский государственный технологический университет имени В.Г. Шухова, (Белгород, Россия)

Тен Т.Л., профессор, доктор технических наук, профессор кафедры «Информационно-вычислительных систем» Карагандинского экономического университета (Караганда, Казахстан).

Титов А.Б., профессор, доктор экономических наук, ректор АНОО ВО «Водная Академия», (Санкт-Петербург, Россия).

Хайитов Ш.Н., кандидат экономических наук, доцент, заведующий кафедрой менеджмента Бухарского инженерно-технологического института (Бухара, Узбекистан)

Христова В., доцент, д-р, зам. декана по научной-исследовательской деятельности и международного сотрудничества, преподаватель кафедры «Управление хозяйством» Великотырновского университета «Святых Кирилла и Мефодия», (Велико-Тырнов, Болгария)

Alexey S. Molchan, Professor, Doctor of Economics, Director of the Institute of Economics, Management and Business, Head of the Department of Economic Security, Kuban State Technological University, (Krasnodar, Russia)

Ahmet M. Pendzhiev, Academician of the International Academy of Sciences of Ecology and Safety, Corresponding Member and Professor of the Russian Academy of Natural Sciences, Candidate of Technical Sciences, Doctor of Agricultural Sciences, Associate Professor of Automation of Production Processes of the Turkmen State Institute of Architecture and Construction (Ashgabat, Turkmenistan).

Maria S. Starikova, Doctor of Economics, Professor, Department of Marketing, Shukhov Belgorod State Technological University (Belgorod, Russia)

Tatiana L. Ten, Professor, Doctor of Technical Sciences, Professor of the Department of Information Systems, Karaganda Economic University (Karagandy, Kazakhstan).

Anton B. Titov, Professor, Doctor of Economics, Rector of Water Academy, (St. Petersburg, Russia).

Sh. N. Khaitov, Candidate of Economic Sciences, Associate Professor, Head of the Department of Management, Bukhara Engineering and Technology Institute (Bukhara, Uzbekistan)

Veneta Hristova, Associate Professor, Vice Dean for Research and International Relations, Professor of the Department of Economic Management, University of Saints Cyril and Methodius of Veliko Turnovo, (Veliko Turnovo, Bulgaria)

СОДЕРЖАНИЕ

CONTENTS

СТАТЬЯ НОМЕРА	MAIN FEATURE
Ваганова О.В. Россия и санкции	Oksana V. Vaganova Russia and sanctions
4	4
ОТРАСЛЕВАЯ И РЕГИОНАЛЬНАЯ ЭКОНОМИКА	BRANCH AND REGIONAL ECONOMY
Владыка М.В., Горбунова Е.И., Лесунова А.Е. Влияние экспортного потенциала на внешнеэкономическую деятельность Белгородской области	Marina V. Vladyka, Elena I. Gorbunova, Anna E. Lesunova The impact of export potential on the foreign economic activity of the Belgorod region
12	12
Кулов А.Р., Успенская И.Н., Кулова А.И. Инвестиции в человеческий капитал в сельском хозяйстве	Aslan R. Kulov, Inna N. Uspenskaya, Alla I. Kulova Investments in human capital in agriculture
25	25
Сюй Чжэньпэн Обзор ключевых инновационных показателей российских регионов: аналитический обзор инновационно-активных территорий Центрального федерального округа	Xu Zhenpeng Overview of Key Innovation Indicators of Russian Regions: An Analytical Profile of Innovation Active Territories of the Central Federal District
34	34
ЭКОНОМИКА, УПРАВЛЕНИЕ И УЧЕТ НА ПРЕДПРИЯТИИ	ECONOMICS, MANAGEMENT AND BUSINESS ACCOUNTING
Погребцова Е.А. Стратегическое планирование как главный фактор стабильного развития предприятия	Elena A. Pogrebtsova Strategic planning as the main factor of stable development of the enterprise
45	45
Щетинина Е. Д., Кочина С. К. Оценка компетентности предприятия на основе ключевых бизнес компетенций	Ekaterina D. Schetinina, Svetlana K. Kochina Assessment of the competence of the enterprise based on key business competencies
55	55
Тогба Стефани Сарах Обзор малых инновационных предприятий ВУЗов – лидеров Московского международного рейтинга «Три миссии университета» за 2021 год»	Togba Stephanie Sarah Overview of small innovative businesses of universities – leaders of the Moscow International Ranking “Three University Missions” for 2021
65	65
ФИНАНСЫ	FINANCE
Мадатова О.В., Писаренко К.В. Организационно-правовой механизм обеспечения экономической безопасности граждан России от мошенничеств других физических лиц в сфере банковского- кредитования	Oksana V. Madatova, Kristina V. Pisarenko Organizational and legal mechanism for ensuring the economic security of Russian citizens from fraud by other individuals in the field of bank lending
74	74
Захид Фаррух Мамедов, Эльхан Нариман оглы Велиев, Вейсов Емин Назим оглы Оценка Национального банковского сектора Азербайджана: становление и развитие	Zahid F. Mammadov, El'khan N. Valiev, Emin N. Veysov Assessment of the national banking sector of Azerbaijan: formation and development
85	85
Соловьева Н.Е. Финансовый механизм осуществления государственной поддержки агропроизводителей	Natalia E. Solovjeva A financial mechanism of state support for agricultural producers
99	99
МИРОВАЯ ЭКОНОМИКА	WORLD ECONOMY
Аржаев Ф. И. Евразийский банк развития как консолиди- рующий финансовый инструмент Евразийской инициативы: роль, возможности, перспективы	Fedor I. Arzhaev Eurasian development bank as a consolidating financial instrument of the Eurasian Initiative: role, opportunities, prospects
109	109
Тинякова В.И., Лавриненко Я.Б., Чемерис О.С. Исследование уровня инновационности стран мира во взаимосвязи с их расходами на высшее образование	Victoria I. Tinyakova, Yaroslav B. Lavrinenko, Olga S. Chemeris Study of the level of innovation of countries of the world in relation to their expenditures on higher education
121	121

**СТАТЬЯ НОМЕРА
MAIN FEATURE**

УДК 338.14

DOI: 10.18413/2409-1634-2022-8-1-0-1

Ваганова О.В. | **РОССИЯ И САНКЦИИ**

Белгородский государственный национальный исследовательский университет, Россия,
308015, г. Белгород, ул. Победы, 85

e-mail: vaganova@bsu.edu.ru

Аннотация.

Санкционное давление на Россию осуществляется на протяжении последних 100 лет. Но, это не помешало России первой освоить космос, стать ядерной державой, создать оборонно-промышленный комплекс, превосходящий многие государства. В марте 2022 года Россия снова столкнулась с очередными мероприятиями, пытающимися сдержать ее развитие. Страны Евросоюза, США, Австралия, Канада и Новая Зеландия, Тайвань, Южная Корея, Япония объявили санкции России. В работе рассматривается два основных блока санкций: финансовый и торгово-промышленный. Проведен исторический экскурс столетнего санкционного давления и доказывается, что санкции наносят ущерб российской экономике, но не являются губительными для нее. Представлены примеры положительного и отрицательного воздействия санкций, как на российскую промышленность, так и на европейскую. Рассмотрен коллапс на фондовой бирже. Доказано, что российская финансовая инфраструктура будет работать бесперебойно, даже если ее отключат от SWIFT. Мнение автора сводится к тому, что санкции носят больше психологический характер, нежели разрушительный для экономики.

Ключевые слова: санкции, мировая экономика, российская экономика, темпы роста, экспортно-импортные операции, эмбарго

Информация для цитирования: Ваганова О.В. Россия и санкции // Научный результат. Экономические исследования. 2022. Т.8. № 1. С. 4-11. DOI: 10.18413/2409-1634-2022-8-1-0-1

Oksana V. Vaganova | RUSSIA AND SANCTIONS

Belgorod State National Research University,
85 Pobedy St., Belgorod, 308015, Russia

e-mail: vaganova@bsu.edu.ru

Abstract.

Russia has been under sanctions pressure for the past 100 years. However, this did not prevent Russia from being the first to explore space, becoming a nuclear power, creating a defense and industrial complex surpassing many states. In March 2022, Russia again faced another set of measures trying to hold back its development. The EU countries, the United States, Australia, Canada, and New Zealand, as well as Taiwan, South Korea, and Japan have announced sanctions against Russia. The article considers two main blocks of sanctions, which are financial sanctions and commercial and industrial sanctions. A historical overview of the hundred-year sanctions pressure has been drawn up and it has been proved that sanctions damage the Russian economy but are not fatal for it. Examples of positive and negative impact of sanctions, both on the Russian industry and on the European one, have been presented. The collapse on the stock exchange has been considered. It has been proven that the Russian financial infrastructure will work smoothly even if it is disconnected from SWIFT. The author's opinion is that the sanctions are more psychological in nature than destructive to the economy.

Key words: sanctions; world economy; Russian economy; growth rates; export-import operations; embargo

Information for citation: Vaganova O.V. "Russia and sanctions", *Research Result. Economic Research*, 8(1), 4-11, DOI: 10.18413/2409-1634-2022-8-1-0-1

Introduction

Today is a very difficult time, when the world economy is being transformed, its structure and key players on the world stage are changing. The economic development of many countries is subject to severe fluctuations that could lead the country to fundamentally new positions in the global economic space. It should be noted that these positions can have both positive and negative dynamics. Undoubtedly, this process is influenced by the aggravation of contradictions between different states. Those who had a leading position may gradually fade into the background, thus the states at all costs want to maintain their primacy, using various methods and instruments, including military ones. One of the most popular methods of influence is the sanctions pressure, which is expressed in the ban on the movement of capital, its access to world markets, in limiting export-

import operations, especially for strategically important and high-tech goods. Economic weakening of the state and the imposition of its political will by the dominants is supposed to be the result of the sanctions pressure.

In 2022, Russia faced another sanctions pressure when it recognized the independence of the Luhansk People's Republic and the Donetsk People's Republic. Since then, Russia became the leader in terms of the number of sanctions imposed against it.

Main part

History of sanctions pressure on Russia

When examining global pressure and its consequences on Russia, it is necessary to start with the fact that sanctions pressure is not new for the Russian economy and has a century of history [Vaganova, 2019].

Таблица 1

ОСНОВНЫЕ ПОКАЗАТЕЛИ ЭКОНОМИКИ РОССИИ

Table 1

Main indicators of the Russian economy

Period of imposition of sanctions, year	Sanctions measures	Basis for imposing sanctions	Consequences for Russia
1917-1920	Commercial and naval blockade	Soviet Government's refusal to pay off debts of the Russian Empire and nationalizations of enterprises owned by foreign capital	Decline in the volume of foreign trade of the RSFSR, which fell almost to zero. (Turnover amounted to 14.4 million rubles. In 1913, this figure was 12.6 billion rubles)
1925-1934	"Gold blockade": gold was no longer accepted from the USSR as payment for imported equipment and technology	Decision of the RSFSR on the monopolization of foreign trade	Mechanism has been developed to replace equipment purchased abroad with domestic one. (The volume of external trade reached 9.1 billion rubles)
1949-1970	Coordinating Committee for Multilateral Export Controls (restrictions on the export of "strategic" goods and technologies to the countries of the Socialist Camp)	Unification of the countries of the Socialist Camp	European and American companies have lost a large sales market (Foreign trade turnover with the USSR fell to 17%)
1974	The USA passed the Jackson-Vanik Amendment. Restriction on trade, government loans and loan guarantees	Legislation adopted by the USSR restricting the freedom of emigration of citizens	
1980	The USA issued an order to use economic measures on the economy of the USSR	Introduction of Soviet troops into Afghanistan	Joint construction of the Urenгой-Pomary-Uzhgorod gas pipeline. Acquisition of high-tech equipment for the oil and gas sector
2014	Prohibition of dual-use goods and technologies from the US and EU countries; Expansion of restrictions for 5 Russian state banks; Prohibition of European structures to provide investment services	Crimea joined the Russian Federation	The import substitution program has been strengthened. The country has achieved food security
2022	Freezing the assets of major companies and banks; Freezing the International Reserves of the Russian Federation; Prohibition of the supply of goods and technology from the USA and EU countries; Ban on the use of foreign information channels in Russia	Recognition of independence of the Luhansk People's Republic and the Donetsk People's Republic	Mechanisms of public-private partnership have been launched. Tax preferences have been determined for the opening of new production facilities. Priority R&D is financed from the federal budget

Источник: составлено автором

In 1917, when the new Soviet state was formed, the countries of Western Europe and America tried to hinder the development of Russia and imposed a commercial and naval blockade. Such behavior of the Entente countries had been dictated by the desire to get payments on debts of the Russian Empire and to return the capital invested in the enterprises that were nationalized. The blockade was unsuccessful on the part of the Entente and was ended in 1920. Some foreign sources claim this blockade had affected the decline in foreign trade, which fell almost to zero. However, if we consider that the entire national economic complex of Soviet Union in those years was destroyed and the state had to build a New Economic Policy (NEP), then we can say that the embargo measures had been untenable.

Since 1925, foreign countries have made a number of attempts to inflict an economic blow on the USSR. They demanded payment for the supplied equipment and new technologies not in monetary units, but in natural products, including wood, grain, oil, gold. Such calculations were made until 1934. In the same years, a financial blockade was introduced, which was crediting the Soviet economy on deliberately unfavorable terms.

After World War II, the situation began to improve, because the Soviet state had had allies that entered the so-called contour of the socialist camp. Ever since, the relations of the USSR began to develop rapidly, the country actively used foreign technology and equipment, and created thousands of new plants and factories. Such economic growth could not fail to interest unfriendly countries, and in 1949 the USA, the United Kingdom, Canada, France, Germany, Australia, Japan, etc., had formed the Coordinating Committee for Multilateral Export Controls (CoCom), which for decades compiled lists of strategic goods and technologies that are not subject to export to the countries of the Socialist Camp.

The impact of sanctions on the economy of the USSR had not become disastrous. USSR government authorities made many efforts to restore and normalize economic re-

lations with the West. In 1952, an International Economic Conference was held in Moscow. It was attended by business representatives, trade unionists, scientists and journalists from several dozen countries. The main issue of the event was an attempt to jointly search for opportunities to develop peaceful cooperation between various political systems through the development of economic ties.

In 2014, after the Crimea joined Russia, restrictions were imposed by the EU and American countries on the supply of dual-use goods to the Russian Federation for enterprises of the military-industrial complex and on the transfer of equipment for the development of deep-sea, Arctic and shale oil fields. Nevertheless, Russia is among the leaders in oil and gas sales. In the same year, a food embargo was introduced on Russia, i.e. a ban on the import of certain agricultural products, raw materials and food from the countries of the European Union, the United States, Australia, Canada, Norway, etc.

For Russia, the embargo contributed to the growth of agricultural production and the food industry. The production of meat, dairy products, and vegetables increased 3, 2.8, and 3.5 times, respectively. All these achievements have reduced import dependence in the agro-food sector and increased the country's food security. Some countries that imposed sanctions against Russia also benefited from the embargo. For example, the Faroe Islands of Denmark have increased the supply of fish products to Russia.

Russia still has a friendly attitude towards economic relations with all countries, and only some are still trying to dictate their terms to it, not realizing that the sanctions imposed against Russia may create the opposite effect.

Current state of the Russian economy

For some reason, Western countries consider Russia's economy to be weak, thus they have probably started to impose various types of sanctions, believing that they should cause enormous damage to the already not very developed economy. But, according to a number of scientists, including foreign ones,

the Russian economy is in a relatively healthy and stable state.

It is possible to prove the success of the development of the Russian economy by analyzing the main indicators characterizing the

economic situation in the country over the past eight years, starting in 2014, when sanctions were imposed because of Crimea joining the Russian Federation (Table 2).

Таблица 2

ОСНОВНЫЕ ПОКАЗАТЕЛИ РОССИЙСКОЙ ЭКОНОМИКИ

Table 2

Main indicators of the Russian economy

Indicator	2014	2015	2016	2017	2018	2019	2020	2021
GDP, billion rubles	87 170.2	85 450.6	85 616.1	87 179.3	89 626.6	91 596.7	89 138.9	93 372.3
Annual GDP Growth Rate, %	100.7	98.0	100.2	101,8	102.8	102.2	98.3	105.3
GDP per capita, billion rubles	79 030	83 087.4	85 616.1	91 843.2	103 61.7	109 08.3	107 315.3	130 795.3
Inflation Rate, %	11.36	12.91	5.38	2.52	4.27	3.05	4.91	8.39
Interest Rate, %	5.5	12.5	11.0	10.0	7.5	7.5	4.25	4.5
Unemployment Rate, thousand people	3 889	4 263	4 243	3 969	3 658	3 464	4 321	4 231
Wages	32 495	34 030	36 709	39 167	43 724	47 867	51 344	56 545
International Foreign Exchange Reserves, billion US dollars	388.5	370.2	385.3	432.1	466.9	549.8	587.5	630
State Debt, billion rubles	55 794.2	54 355.4	50 002.3	51 211.8	49 827.3	49 156.5	54 848.3	56 702.9

Source: compiled by author based on the materials of the Federal Service for State Statistics (Rosstat). URL: <https://rosstat.gov.ru/>.

Examining the data in the table, we observe that the Russian economy has been operating at full capacity over the past eight years. Its economic growth averages 4.1%. Slight fluctuations were seen in 2020 due to the introduction of some restrictions related to COVID-19, but already in 2021, GDP growth rates are gaining strength again. This positive trend can be explained by rapid credit growth, investment activity on the demand side, high household consumption, return to the full-fledged retail market, and the functioning of the transport network. The construction industry has had a positive impact on the growth rate of the Russian economy, which has become more active due to the implementation of state concessional lending programs and the application of direct state support

measures. All sectors of the economy have shown positive dynamics, surpassing the pre-pandemic indicators.

It is possible to change the role of Russia in global markets and to acquire a new quality of development. To do this, it is necessary to increase the share of investment in GDP to 25% by 2025, which can be obtained from both own funds of enterprises and funds from the federal and regional budgets. In the face of uncertainty, external pressure and tightening restrictions in international financial markets, the role of foreign business investment is minimized, because it can be withdrawn from the economy at any moment, while public investment comes to the fore. Therefore, the Development Fund created by the state, which in 2018 was equal to 3.5 tril-

lion rubles, effectively influences economic processes in the country and contributes to the development of Russian entrepreneurship.

In terms of world economic trends, the economy is growing at a rate of 3.3%, according to the Organization for Economic Cooperation and Development (OECD) [World economy, 2017]. It is obvious that the structural elements of the world economy are developing at different rates. The average growth of advanced economies is 6.1%, while developing economies have a lower growth rate of 3.1%, and transition economies are even lower at 2.2%. Consequently, Russia, with an economic growth rate of 4.1%, is a worthy partner in the world market.

Sanctions pressure on Russia

Today, Russia is facing perhaps the heaviest sanctions in modern Russian history, both in terms of the scale of economic restrictions and in terms of the number of countries that have joined the sanctions pressure. World economic leaders have long used constraining instruments for the development of other countries, exposing them to the risks related to increased protectionism, financial vulnerability, potential energy price volatility, and imposing economic sanctions.

Conventionally, economic sanctions can be divided into two main blocks. The first one is a ban on capital movements, i.e. limiting the access of domestic credit institutions to the European capital market. The second is a restriction of export-import transactions, limiting trade and production interaction with a number of sectors of the Russian economy, which include aviation, military-industrial, and fuel and energy complexes.

In 2014, according to a number of Russian scientists, the losses of the Russian economy from the sanctions regime amounted to 258 billion US dollars per year. It is too early to calculate a loss from today's sanctions, but we can assume that they will not have a devastating impact on the Russian economy, as in previous periods. Russia can acquire positive aspects for its development, and, as the Presi-

dent of the Russian Federation noted, get additional competencies.

Financial block of sanctions. This block includes sanctions against public debt, freezing the assets of major companies and banks. However, such restrictions will not place a heavy burden on the Russian economy, because it has its own resources. There are accumulated funds in the amount of almost 40 trillion rubles due to the successful functioning of the domestic industry, as well as the savings of Russian citizens. Moreover, Russia took advantage of the economic and political situation and earned about 20 billion US dollars on the stock exchange in a few days at the beginning of March 2022. The Government of the Russian Federation allocated funds from the Russian National Welfare Fund (NWF) and bought out about 30% of the shares of Russian monopolies. This was facilitated by the collapse of Russia's energy companies, caused by the uncertain political situation in Russia and Ukraine. Max Otte, a well-known economist, financial expert and writer, in an interview with DWN notes that the tense military-political situation between Russia and Ukraine is turning the stock market upside down, now there are many transactions on the market [Otte, M. Der Krieg wirbelt..., 2022]. Shareholders tried to sell their shares at any price, as long as they did not depreciate completely. As a result, a part of the shares of energy companies now is owned by Russian investors, not foreign (American or European) ones. Consequently, the bulk of the oil and gas revenues will fall into the Russian treasury, and not leak out of the country or settle off-shore as before. Replenishment of the budget will have a positive impact on the financing of social sectors such as education, medicine, culture, sports, social security.

As for the disconnection from the SWIFT international interbank payment system, it should be noted that the Russian financial infrastructure will work uninterruptedly through the domestic alternative System for Transfer of Financial Messages (SPFS) which started to operate in December 2020. Besides that, such types of money transfers as elec-

tronic wallets of Russian operators (QIWI, UMoney) continue their functioning. Thus, the disconnection from SWIFT will not affect or have a minimal impact on domestic transfers of individuals. But how foreign partners will pay for oil, gas and fertilizers bought in our country, is a big question.

The second sanctions block includes restrictions on export-import operations. Sanctioners plan to significantly restrict access to technical solutions necessary not only for the development of the defense industry, but also for strategically important industries such as petrochemical production, automobile and aircraft industries, railway and space industries, information and communication technology (ICT). But are these measures really that effective?

Many important companies in the global market are suspending their activities, rather than refusing to cooperate and operate in Russia completely. For example, the EU has banned the operation of its aircraft and closed the skies for Russia. In response to this step, the Russian side banned flights over its country. In this situation, European and British airlines incur a loss of almost 0.5 million US dollars daily [Closed Skies: ..., 2022], flying to Asia not through the Trans-Siberian route, but through the southern corridor, making a huge detour. But the American Boeing did not impose such sanctions and will continue to operate, taking market share and profit from Europeans.

This type of sanction will have a positive impact for the Russian economy, as well as for Boeing. The aviation and aircraft manufacturing industries will receive an unprecedented impetus for their development. Instead of purchasing or leasing foreign aircraft, domestic manufacturers will be supported to expand the production of civil aircraft and aircraft engines. The number of domestic flights will be increased.

If we consider the automotive industry, then by banning the import of European cars into Russia, the EU countries are losing a huge Russian market and ruining their indus-

try, giving a great opportunity to develop the Russian automotive industry.

While exploring the situation on the commodity market, Russia is again in a better position than the Western countries. It is the largest supplier of energy, titanium and palladium to the world market. Therefore, obviously, it can dictate own terms of delivery. At the beginning of March 2022 there has been a rise in gas prices in Europe from 900 to 3,800, an increase in oil prices, which amount to more than 100 US dollars per barrel. Describing the financial block of sanctions, it has been mentioned that the main part of the revenue from the oil and gas industry will go to the treasury of Russia, and not settle offshore. Therefore, Russian citizens will benefit from the sanctions, although they will suffer some inconvenience, for example, in the information and communication space. But here there is the second side of the coin, after having banned the broadcasting of Russian channels on the territory of Europe, a ban on the use of foreign information channels in Russia was introduced. This ban is not palpable for the Russians but is painful for the sanctioners. They themselves beat out the trump card and create the prerequisites for stagnation of their economies.

Conclusion

Sanctions pressure is more of a psychological nature than an economic one. It is not profitable to withdraw business from Russia for the majority of large foreign companies. Foreign economic ties are easy to break and take years to recover. Neither business nor the Russian authorities have the goal of weakening their economic position in the global space, so common sense must prevail. Making predictions in a tense military-political situation is difficult and not grateful, but in reality, Europe will soon abandon a number of sanctions, because otherwise the European economy will face, if not a catastrophe, then stagnation in many economic sectors. There may be a stagnation of production and trade for a sufficiently long period of time, due to the displacement of European companies

from the market by American ones. Europe could lose exports of fertilizers and grains from Russia and Ukraine, an increase in the cost of gas would hit European industry, making European goods expensive and unprofitable, and banning specific products would have a double impact on the economies of producer countries. All these factors will negatively affect the competitiveness of the prosperous European economies and allow the Russian economy to reach a new leading level of development.

Список литературы

1. Ваганова О. В., 2019. Влияние экономических санкций на инновационное развитие России // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия: Экономика. Информатика. 2019. Т. 46. № 1: 21-30. DOI 10.18413/2411-3808-2019-46-1-21-30.

2. Закрытое небо: чем обернется для Британии запрет на полеты через Россию Режим доступа: <https://smotrim.ru/article/2682239>. (Дата обращения: 1.02.2022).

3. Мировая экономика. Рост мировой экономики ускорится до 3,6% в 2017 г. Режим доступа: <http://iee.org.ua/ru/prognoz/5547/>. дата обращения: 1.02.2022).

4. Министерство экономического развития РФ, 2021 год. «Стратегия социально-экономического развития Российской Федерации с низким уровнем выбросов парниковых газов до 2050 года». Распоряжение Правительства Российской Федерации от 29 октября 2021 г. № 3052-р, г. Москва.

5. Федеральная служба государственной статистики, 2022. Режим доступа: <https://rosstat.gov.ru/>. (Дата обращения: 1.02.2022).

6. Max Otte: Der Krieg wirbelt die Börse durcheinander – jetzt sind viele Schnäppchen auf dem Markt 12.03.2022. Режим доступа: <https://deutsche-wirtschafts-nachrichten.de/518040> (Дата обращения: 1.02.2022).

1. Closed skies: what will the ban on flights through Russia mean for Britain Access mode: <https://smotrim.ru/article/2682239>. (Date of application: 1.02.2022). (in Russian)

2. Federal State Statistics Service, 2022. Access mode: <https://rosstat.gov.ru/>. (Date of request: 1.02.2022). (in Russian)

3. Otte, M. Der Krieg wirbelt die Börse durcheinander – jetzt sind viele Schnäppchen auf dem Markt 12.03.2022. Drostup mode: <https://deutsche-wirtschafts-nachrichten.de/518040> (Date of application: 1.02.2022).

4. Ministry of Economic Development of the Russian Federation, 2021. "Strategy of socio-economic development of the Russian Federation with low greenhouse gas emissions until 2050". Decree of the Government of the Russian Federation No. 3052-r Vaganova O. V., 2019. The impact of economic sanctions on the innovative development of Russia // Scientific Bulletin of Belgorod State University. Series: Economics. Computer science. 2019. Vol. 46. No. 1: 21-30. DOI 10.18413/2411-3808-2019-46-1-21-30 of October 29, 2021, Moscow.

5. Vaganova O. V., 2019. The impact of economic sanctions on the innovative development of Russia // Scientific Bulletin of Belgorod State University. Series: Economics. Computer science. 2019. Vol. 46. No. 1: 21-30. DOI 10.18413/2411-3808-2019-46-1-21-30.

6. World economy. Global economic growth will accelerate to 3.6% in 2017. Access mode: <http://iee.org.ua/ru/prognoz/5547/>. date of request: 1.02.2022).

Информация о конфликте интересов:

авторы не имеют конфликта интересов для декларации.

Conflicts of Interest: the author has no conflict of interest to declare.

Ваганова О.В., профессор, доктор экономических наук, заведующий кафедрой инновационной экономики и финансов Института экономики и управления, НИУ «БелГУ», (г. Белгород, Россия).

Oksana V. Vaganova, Professor, Doctor of Economic Sciences, Head of the Department of Innovative Economy and Finance, Institute of Economy and Management, Belgorod State National Research University (Belgorod, Russia)

**ОТРАСЛЕВАЯ И РЕГИОНАЛЬНАЯ ЭКОНОМИКА
BRANCH AND REGIONAL ECONOMY**

УДК 332

DOI: 10.18413/2409-1634-2022-8-1-0-2

**Владыка М.В.,
Горбунова Е.И.,
Лесунова А.Е.**

**ВЛИЯНИЕ ЭКСПОРТНОГО ПОТЕНЦИАЛА
НА ВНЕШНЕЭКОНОМИЧЕСКУЮ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ
БЕЛГОРОДСКОЙ ОБЛАСТИ**

ФГАОУ ВО «Белгородский государственный национальный исследовательский университет», ул. Победы, 85, Белгород, 308000, Россия,

e-mail: vladyka@bsu.edu.ru, gorbunova_e@bsu.edu.ru, 1381061@bsu.edu.ru

Аннотация.

В данной статье рассмотрен экспортный потенциал во внешнеэкономической деятельности Белгородской области в условиях нестабильности политической и экономической ситуации в мире. С этой целью были изучены основные показатели внешней торговли региона в 2013-2020 гг., на основании которых предполагается сосредоточиться на экспортных потоках Белгородской области, которые отражают производственную специализацию региона, стимулируют экономический рост, обеспечивают приток иностранного капитала и способствуют наполняемости бюджета. Также исследованы производственная специализация и конкурентные преимущества региона, рассмотрены основные экспортные потоки и внешнеэкономические связи Белгородской области в 2020 г. Доля экспорта товаров в страны дальнего зарубежья столь велика, так как они являются основными покупателями огромных объемов высококачественных металлов и минеральных продуктов, которыми небогаты их страны. Однако, происходит переориентация основных направлений сбыта товаров Белгородской области. Южное государство, с которым граничит половина территории области, остается достаточно крупным импортером товаров в регион. Проведенный анализ позволил выявить основные тенденции развития экономики региона, определить проблемы, с которыми сталкиваются предприятия-экспортеры, и предложить направления их решения. Среди основных проблем можно выделить следующие: Белгородский регион почти полностью является сырьевым, следовательно, объем денежных доходов экспортеров зависит от волатильности цен на сырьевых рынках, высокая добыча ведет к истощению природных ресурсов, загрязнению окружающей среды и не обеспечивает торговой безопасности в будущем; высокая степень износа оборудования, некоторое функционирует с советских времен; на экспортную политику Белгородской области оказывает влияние неблагоприятная политическая ситуация в мире, находящая выражение в виде санкций против России. Для решения представленных проблем, предлагается предприятиям-экспортерам проводить широкую инвестиционную политику, обновлять производственные мощности, внедрять современные технологии, совершенствовать маркетинговую стратегию и по-

вышать качество продукции, а также необходимо развитие существующих мер льготного кредитования, субсидий и государственных гарантий для экспортеров, возможно налоговое регулирование структуры экспорта региона в случае применения дифференцированных ставок таможенных пошлин для несырьевых и сырьевых товаров с целью ограничения вывоза последних.

Ключевые слова: регион, экономика, внешняя торговля, экспорт, отрасли производства.

Информация для цитирования: Владыка М.В., Горбунова Е.И., Лесунова А.Е. Влияние экспортного потенциала на внешнеэкономическую деятельность Белгородской области // Научный результат. Экономические исследования. 2022. Т. 8. № 1. С. 12-24. DOI: 10.18413/2409-1634-2022-8-1-0-2

**Marina V. Vladyka,
Elena I. Gorbunova,
Anna E. Lesunova**

**THE IMPACT OF EXPORT POTENTIAL
ON THE FOREIGN ECONOMIC ACTIVITY
OF THE BELGOROD REGION**

Belgorod State National Research University,
85 Pobedy St, Belgorod, 308015, Russia

e-mail: vladyka@bsu.edu.ru, gorbunova_e@bsu.edu.ru, 1381061@bsu.edu.ru

Abstract.

This article examines the export potential in the foreign economic activity of the Belgorod region in the conditions of instability of the political and economic situation in the world. To this end, the main indicators of the region's foreign trade in 2013-2020 were studied, on the basis of which it is supposed to focus on the export flows of the Belgorod region, which reflect the region's production specialization, stimulate economic growth, ensure the inflow of foreign capital and contribute to the filling of the budget. The production specialization and competitive advantages of the region are also investigated, the main export flows and foreign economic relations of the Belgorod region in 2020 are considered. The share of exports of goods to non-CIS countries is so large, since they are the main buyers of huge volumes of high-quality metals and mineral products, which their countries are not rich in. However, there is a reorientation of the main directions of sales of goods of the Belgorod region. The southern state, with which half of the territory of the region borders, remains a fairly large importer of goods to the region. The analysis revealed the main trends in the development of the region's economy, identified the problems faced by exporting enterprises, and suggested areas for their solutions. Among the main problems, the following can be distinguished: the Belgorod region is almost entirely raw materials, therefore, the amount of money income of exporters depends on the volatility of prices on commodity markets, high production leads to depletion of natural resources, environmental pollution and does not provide trade security in the future; a high degree of wear of equipment that has been functioning since Soviet times; the export policy of the Belgorod region is influenced by the unfavorable political situation in the world, which is expressed in the form of sanctions against Russia. To solve the presented problems, it is proposed that exporting enterprises pursue a broad investment policy, upgrade production facilities, introduce modern technologies, im-

prove marketing strategy and improve product quality, and it is also necessary to develop existing measures of preferential lending, subsidies and state guarantees for exporters, possible tax regulation of the export structure of the region in the case of the application of differentiated rates of customs duties for non-primary and raw materials in order to limit the export of the latter.

Key words: region; economy; foreign trade; export; industries

Information for citation: Vladyka M.V., Gorbunova E. I., Lesunova A. E. “The impact of export potential on the foreign economic activity of the Belgorod region”, *Research Result. Economic Research*, 8(1), 12-24, DOI: 10.18413/2409-1634-2022-8-1-0-2

Введение

На современном этапе развития экономических отношений возникла тенденция возрастания степени вовлеченности региональных экономик в процессы международной торговли. Внешнеторговая деятельность регионов, состоящая из потоков экспорта и импорта товаров, услуг, капитала, влияет на функционирование государства в сфере международных экономических отношений в целом. В то же время для субъектов Российской Федерации характерна неравномерность экономического развития и уровня жизни населения, обусловленная особенностями заселения, социально-экономическим положением и климатическими условиями, богатством недр, факторами формирования производственных отношений и инвестиционным потенциалом регионов.

Белгородская область, исследованию внешнеэкономической деятельности которой посвящена данная статья, имеет выгодное географическое положение на юго-западе Российской Федерации, что открывает возможности торговли со странами и ближнего, и дальнего зарубежья. В целом, экономика региона основана на богатстве недр – разведано около 229 месторождений полезных ископаемых (железных руд, бокситов, апатита, мела, глин, песка, минеральных вод и др.), а около 70% его территории – плодородные черноземы [Справка о состоянии и перспективах ис-

пользования минерально-сырьевой базы Белгородской области, 2021]. Это позволяет области занимать ключевые позиции в добывающей, обрабатывающей, пищевой промышленности и сельском хозяйстве и входить в топ-30 регионов страны с самым высоким ВРП [Оценка Регулирующего Воздействия, 2021].

Важной составляющей экономического развития территории является успешная реализация его торгового потенциала на международном рынке.

Цель работы состоит в рассмотрении объема и определения значимости внешней торговли Белгородской области, а также в выявлении основных тенденций развития экономики региона, определении проблем, с которыми сталкиваются предприятия-экспортеры, и в предложении направления их решения.

Материалам исследования послужили данные научно-экономической литературы, а также Департамента экономического развития Белгородской области и Территориального органа федеральной службы государственной статистики по Белгородской области. Методы группировки, анализа и табличный применены для изучения показателей, характеризующих внешнюю торговлю Белгородской области. Методика исследования включает совокупность общенаучных методов, таких как индукция, дедукция, синтез и анализ.

Основная часть

С целью рассмотрения объема и определения значимости внешней торгов-

ли Белгородской области необходимо рассмотреть основные ее показатели, приведенные в табл. 1.

Таблица 1

Динамика показателей внешней торговли Белгородской области за 2013-2020 гг.

Table 1

Dynamics of foreign trade indicators of the Belgorod region for 2013-2020.

Показатель	Годы							
	2013	2014	2015	2016	2017	2018	2019	2020
Внешнеторговый оборот, млрд. долл. США	7569,6	6444,2	4248,8	3592,9	4400,3	4838,4	4752,3	4544,4
Экспорт, млрд. долл. США	3412,5	3176,0	2426,1	2190,5	2789,8	3350,4	3264,9	3145,2
Импорт, млрд. долл. США	4157,1	3268,2	1822,7	1402,4	1610,5	1488,1	1487,4	1399,2
Сальдо внешней торговли, млрд. долл. США	-744,6	-92,2	603,4	788,1	1179,3	1862,3	777,5	1746,0
Среднегодовой курс доллара, руб.	31,9	38,4	61,0	67,0	58,4	62,7	64,7	72,1
ВРП, млн. руб.	569006	619678	693379	778028	837307	911598	955952	966700
ВРП, млн. долл.	17862,8	16121,7	11374,7	11606,3	14349,0	14536,9	14766,9	13399,1
Внешнеторговая квота, %	42,4	40,0	37,4	31,0	30,7	33,3	32,2	33,9
Экспортная квота, %	19,1	19,7	21,3	18,9	19,4	23,1	22,1	23,5
Импортная квота, %	23,3	20,3	16,0	12,1	11,2	10,2	10,1	10,4

Источник: рассчитано по данным [Архив курсов доллара ЦБ РФ, 2021; Территориальный орган федеральной службы государственной статистики по Белгородской области, 2021]

Анализ приведенных данных позволяет выявить тенденцию убывания совокупных объемов внешней торговли Белгородского региона, которая выражается в последовательном уменьшении и абсолютных, и относительных показателей. Данный факт обусловлен валютным кризисом 2014-2015 гг., вызванным резким ослаблением рубля (в табл. можно проследить рост доллара в 1,6 раза в 2014 г. по сравнению с уровнем 2013 г.), введением экономических санкций западных стран в отношении России. Стоит отметить, что

этот фактор оказался ключевым для экономики Белгородской области как пограничного, так и транзитного региона, так как было нарушено множество логистических цепочек. В 2017-2019 гг. наблюдался умеренный рост показателей, но в 2020 г. экономика страны и региона, в частности, подверглась влиянию факторов пандемии, вновь вступив в стадию рецессии.

Применительно к детализирующим показателям можно заметить, что в исследуемом периоде экспорт преобладал над импортом. Только в начале динамического

ряда (2013-2014 гг.) сальдо внешней торговли было отрицательным. Но в результате внедрения политики импортозамещения и влияния отмеченной ранее тенденции уменьшения роли Белгородской области как транзитного региона это соотношение пришло в норму.

Рассчитанные значения внешнеторговой, экспортной и импортной квоты соответствуют о значительной степени участия региона в системе международных экономических отношений, так как значения экспорта и импорта товаров составляют более 1/3 совокупного ВРП территории [Камышанченко Е.Н., Дорохова Е.И., 2014].

В контексте данного исследования предполагается сосредоточиться на экспортных потоках Белгородской области,

которые отражают производственную специализацию региона, стимулируют экономический рост, обеспечивают приток иностранного капитала и способствуют наполняемости бюджета. Экспортный потенциал, как способность региональной экономики на данном этапе развития производить и предлагать на международном рынке конкурентоспособную продукцию по мировым ценам, основывается на конкурентных преимуществах территории.

Производственная специализация Белгородской области и, следовательно, структура ее экспорта обусловлены богатством недр региона, природными условиями, наличием производственной инфраструктуры и традициями производства. В табл. 2 отражена структура экспорта по товарным группам за исследуемый период.

Таблица 2

Динамика товарной структуры экспорта Белгородской области за 2013-2020 гг., %

Table 2

Dynamics of the commodity structure of exports of the Belgorod region for 2013-2020, %

Показатель	Годы							
	2013	2014	2015	2016	2017	2018	2019	2020
Продовольственные товары и сельскохозяйственное сырье	6,51	7,40	9,30	12,37	11,91	10,48	11,79	20,63
Минеральные продукты	29,99	23,59	16,82	15,62	15,67	6,12	8,45	11,29
Топливо-энергетические товары	1,90	0,62	0,55	0,74	0,72	0,32	0,06	0,12
Продукция химической промышленности	0,98	1,25	1,47	1,96	1,83	2,75	4,31	3,24
Кожевенное сырье, пушнина и изделия из них	0,04	0,02	0,02	0,00	0,01	0,00	0,00	0,00
Древесина и целлюлозно-бумажные изделия	0,18	0,24	0,21	0,29	0,39	0,37	0,34	0,37
Текстиль, текстильные изделия и обувь	0,10	0,07	0,07	0,06	0,06	0,11	0,09	0,09
Металлы и изделия из них	59,02	64,31	66,72	64,13	64,52	75,53	68,86	60,66
Машиностроительная продукция и оборудование	2,46	2,14	4,15	4,21	4,73	3,81	5,45	3,08
Прочие товары	0,73	0,97	1,24	1,36	0,89	0,83	0,70	0,64
Всего	100	100	100	100	100	100	100	100

Источник: рассчитано по данным [Территориальный орган федеральной службы государственной статистики по Белгородской области, 2021]

Согласно приведенным данным, около 2/3 экспорта Белгородской области составляет металлургическая промышленность, вывоз товаров которой в 2013-2020 гг. имеет положительный тренд, исключая несколько названных кризисных периодов. Для бюджета региона эта отрасль является наиболее значимой, так как Белгородская область расположена на территории влияния Курской магнитной аномалии (КМА), обладает около 80% ее запасов и 40% разведанных в Российской Федерации высококачественных руд [Справка о состоянии и перспективах использования минерально-сырьевой базы Белгородской области, 2021]. Государственным балансом запасов учитываются 14 месторождений железных руд, добычу осуществляют АО «Комбинат КМАруда», АО «Лебединский ГОК», АО «Стойленский ГОК», АО «Северсталь» (Яковлевский ГОК) [WikiProm, 2021]. Крупнейшим предприятием по обработке железной руды является АО «ОЭМК им. А.А. Угарова». Кроме того, существуют такие заводы металлоконструкций и механические заводы, как ООО «Белгородский механический завод» и ООО «Староскольский механический завод» [Заводы РФ, 2021]. Белгородские черные металлы и изделия из них практически полностью направляются в страны дальнего зарубежья. В 2020 г. главными торговыми партнерами были Китай (17%), Италия (12,4%), Турция и ОАЭ (7,3%), Бельгия (4,6%), Германия (4%). Среди стран СНГ также значимы Узбекистан (6,7%) и Казахстан (4,4%).

В структуре экспорта региона второй важнейшей составляющей исторически являются минеральные продукты, более 90% которых железные руды, шлак, зола, добываемые на названных горно-обогатительных комбинатах [Центральное таможенное управление, 2021]. Но в последние три года доля товарной группы значительно уменьшилась, что может быть связано со структурными изменениями на рынке – переориентацией спроса с железных руд на выплавленные металлы и про-

дукты и их обработки, входящие в рассмотренную ранее категорию. Кроме железных руд за границу экспортируются такие минеральные продукты, как штукатурные материалы, известь, цемент, производителями которых являются АО «Белгородский цемент», АО «Белгородасбестоцемент», АО «Осколцемент», АО «Стройматериалы», АО «Мелстром», АО «Шебекинский меловой завод» и др. [Заводы РФ, 2021]. В 2020 г. Белгородская область являлась главным поставщиком минеральных продуктов Германии (24,4%), Китая (19,1%), Словакия (15,9%), Чехии (12,7%), Нидерландов (8,5%), Японии (6,6%), Италии (3,6%).

Следующей ключевой составляющей экспорта является пищевая промышленность, относительное значение которой возросло в три раза за исследуемый период. Регион входит в число лидеров по производству и экспорту сельскохозяйственной продукции в ЦФО. Так, наиболее весомой категорией которой выступают мясо и пищевые субпродукты. Крупнейшими предприятиями-экспортерами являются ООО «Белая птица», АО «ГК Приосколье», ООО «ГК Агро-Белогорье», агрохолдинг «БЭЗРК-Белгранкорм» (Ясные зори), ООО «АПК «ПРОМАГРО» и др. Белгородская область носит неофициальное название «мясной столицы» России, где производится мяса на душу населения в 13 раз больше рекомендуемых норм потребления, в связи с этим развивается сеть экспортных поставок. Кроме того, на данной территории преобладает производство и экспорт молочной продукции предприятиями ООО «Агрохолдинг «Авида», АО «Алексеевский молочноконсервный комбинат», АО «Белгородские молочные продукты», АО «Томмолоко», АО «Белгородский Хладокомбинат» и др. [WikiProm, 2021]. Продукты животного происхождения (мясо и продукты из мяса, молоко, яйца, сыр, масло, мед и др.) у региона в 2020 г. закупили Вьетнам (46,3%), Гонконг (15,9%), Китай (15,8%), Беларусь (10,5%), Украина (2,9%), Казахстан (2,7%), Польша (2,4%).

На территории области функционирует АО «ЭФКО», входящее в тройку крупнейших экспортеров продукции масложировой промышленности в РФ. В 2020 году совокупный экспорт всех предприятий данной отрасли региона составил 298 млн. долл., а крупнейшими торговыми партнерами выступали Китай (24,7%), Казахстан (14,7%), Узбекистан (9,2%), Беларусь (9,1%), Азербайджан (5,3%), Армения (4,6%), Саудовская Аравия (3,2%).

Помимо названных предприятий, свою деятельность в Белгородской области осуществляет группа компаний «Славянка» – одно из старейших предприятий России, входящее в топ-50 мирового рейтинга кондитерских компаний. Также в регионе организовано производство сахара предприятиями АО «Сахарный комбинат «Алексеевский», Валуйский и Чернянский сахарные заводы «ГК РУСАГРО» и др. [Заводы РФ, 2021]. На данной территории функционирует ряд иных мелких и крупных предприятий пищевой промышленности, производится комбикорм. Основными покупателями товаров категории «пищевые продукты, напитки и табак», среди которых особо значимы отходы пищевой промышленности и корма для животных, сахар, продукты из круп, муки, какао-продукты и напитки, являются Узбекистан (17,5%), Беларусь (14,9%), Украина (8,8%), Казахстан (6,5%), Грузия (6,3%), Азербайджан (5,2%), Китай (5,1%).

Благодаря плодородным почвам и благоприятному климату Белгородского региона экспортными товарами также выступают живые деревья и растения, овощи, фрукты и орехи, злаковые культуры и семена. В 2020 г. ведущими покупателями данных продуктов растительного происхождения являлись Беларусь (36%), Бразилия (32,7%), Украина (6,4%), Германия (4,9%), Польша (4%), Нигерия (3,1%), Абхазия (2,3%).

Около 3% в структуре экспорта области представлены такими товарами химической промышленности, как продукты неорганической химии, органические хи-

мические соединения, фармацевтическая продукция, красящие вещества, эфирные масла, ПАВ, пластмассы [Центральное таможенное управление, 2021]. Свою деятельность на территории Белгородского региона осуществляют ООО «ПЛАСТИЛЮКС-ГРУПП», ООО «БЕЛКОЛОР», ООО Завод «Краски КВИЛ», построены цеха фармацевтических предприятий ООО «ВЕРОФАРМ», ООО «Эдвансд Фармасьютикалс» и др. [Заводы РФ, 2021]. Продукция химической промышленности данной территории вывозится в Беларусь (41,1%), Украину (23,3%), Казахстан (10,1%), Таджикистан (7,6%), Киргизию (5%). Отдельно стоит отметить экспорт пластмасс и каучука, где в 2020 г. основными торговыми партнерами выступали Казахстан (24,4%), Украина (22,8%), Беларусь (11,4%), Литва (7,8%), Киргизия (7,1%), Латвия (4,7%).

Исторически важной для региона является отрасль машиностроительной продукции, которая имеет удельный вес в 3%. Экспортируемыми товарами являются реакторы ядерные, котлы, оборудование, электрические машины и оборудование, железнодорожные локомотивы или моторные вагоны и путевое оборудование, прочие средства наземного транспорта [Центральное таможенное управление, 2021]. Важнейшие производители: АО «Шебекинский машиностроительный завод», АО «Старооскольский завод автотракторного электрооборудования им. А.М. Мамонова», ООО «Белгородский завод фрез и специнструмента», АО «Завод котельного оборудования», АО «Белэнергомашсервис», АО «Оскольский завод металлургического машиностроения», АО «Белгородский завод РИТМ», АО «Гормаш», АО «Белгородский абразивный завод», АО «Белшпала», АО «Алексеевка ХИММАШ» [WikiProm, 2021]. Основными потребителями белгородских ядерных реакторов, котлов, оборудования и электрических машин являются Казахстан (43,7%), Украина (17,4%), Беларусь (9,7%), Узбекистан (6,9%), Киргизия (3,8%), Азербайджан

(3,4%), Сербия (2,4%). Средства транспорта, в основном железнодорожные локомотивы, трамваи, путевое оборудование, а также средства наземного транспорта и их части в 2020 г. закупают Украина (55%), Казахстан (37,9%), Беларусь (5,9%). Инструменты и аппараты направлялись в Украину (39,5%), Беларусь (12,6%), Казахстан (10,8%), Израиль (8,6%), Румынию (2,5%), США (2,3%), Англию (2,2%) [Информационная система Ru-Stat, 2021].

Среди прочих товаров значимыми являются древесина, бумага и картон, готовые текстильные изделия, драгоценно-

сти, керамические изделия, мебель, которые в основном направлялись в страны СНГ, около половины из них – в Казахстан.

После подробного изучения структуры производства и экспорта Белгородской области целесообразно обратиться к систематизации стран-партнеров региона, которая позволит точнее оценить его внешнеторговые связи. На рис. 1 показано распределение вывозимых товаров по регионам мира – идущие в страны дальнего зарубежья или страны СНГ, соответственно.

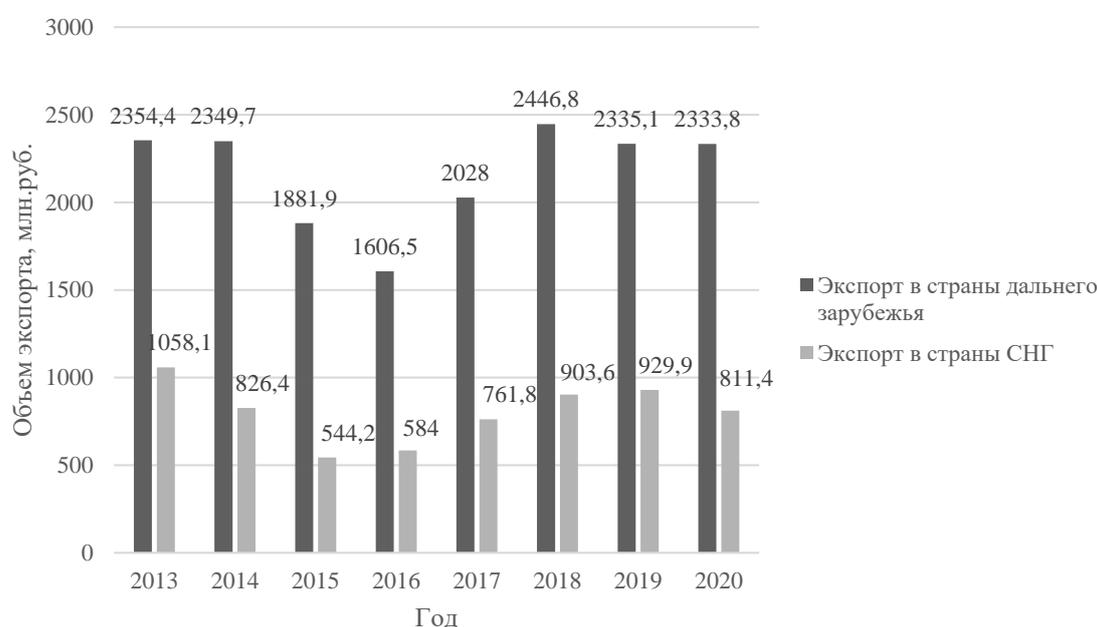

Рис. 1. Динамика экспорта товаров из Белгородской области в страны дальнего зарубежья и в страны СНГ за 2013-2020 гг.

Fig. 1. Dynamics of exports of goods from the Belgorod region to non-CIS countries and CIS countries in 2013-2020.

Источник: составлено по данным [Территориальный орган федеральной службы государственной статистики по Белгородской области, 2021]

Анализ приведенной гистограммы свидетельствует об ориентации экспортных потоков региона на рынки дальнего зарубежья – доля таких товаров в три раза превышает долю тех, которые поставляются на рынки стран СНГ. В целом динамика показателей поддается описанным ранее закономерностям развития экономики страны в 2013-2020 гг. Основываясь на

описанных ранее направлениях торговых потоков, можно заключить, что доля экспорта товаров в страны дальнего зарубежья столь велика, так как они являются основными покупателями огромных объемов высококачественных металлов и минеральных продуктов, которыми небогаты их страны. Кроме того, страны дальнего зарубежья приобретают около половины

продовольственных товаров и сырья региона [Центральное таможенное управление, 2021]. Оставшиеся экспортные продовольственные и непродовольственные товары приходятся на страны СНГ, где помимо пищевых продуктов, металлов и минерального сырья пользуются большим спросом продукция химической промышленности, каучук, текстиль и машиностро-

ительная продукция. Вероятнее всего, таким товарам сложно конкурировать с высококачественными товарами мировых партнеров из Европы, Азии и Америки.

Далее необходимо рассмотреть структуру экспорта Белгородской области в страны дальнего зарубежья в 2020 г. (рис. 2).

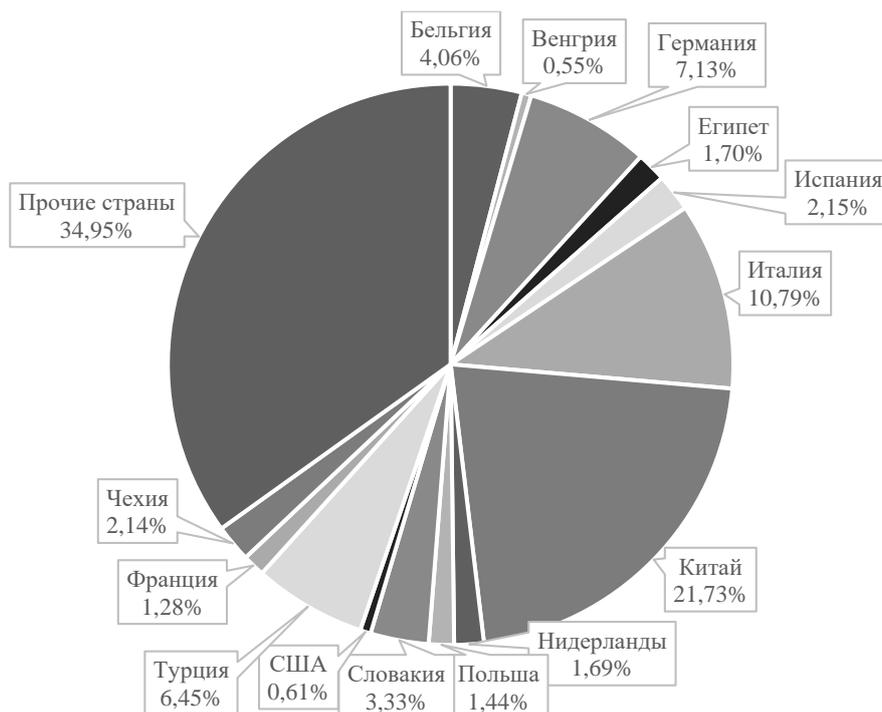

Рис. 2. Структура экспорта Белгородской области в страны дальнего зарубежья в 2020 г., %

Fig. 2. The structure of exports of the Belgorod region to far abroad countries in 2020, %
 Источник: составлено по данным [Территориальный орган федеральной службы государственной статистики по Белгородской области, 2021]

На основании приведенных данных на рис. 2 можно отметить, что основными торговыми партнерами Белгородской области среди стран дальнего зарубежья выступают Китай (21,73% от общего объема или 507,2 млн. долл. США), Италия (10,79% или 251,9 млн. долл. США), Германия (7,13% или 166,4 млн. долл. США), Турция (6,45% или 150,6 млн. долл. США). Данные страны имеют более значительное пространственное удаление от региона, чем, например, Румыния, Сербия, Венгрия и Польша, доля которых незначительна, но

выгоды от торговли с регионом покрывают им транспортные издержки.

Несмотря на введенные в отношении нашей страны санкции и принятые Россией контрмеры, европейские партнеры остаются основными для региона. В то же время, развивается сотрудничество со странами-участницами АТЭС [Черняева Ю.В., 2019]

Далее рассмотрена структура экспорта Белгородской области в страны СНГ в 2020 г. (рис. 3).

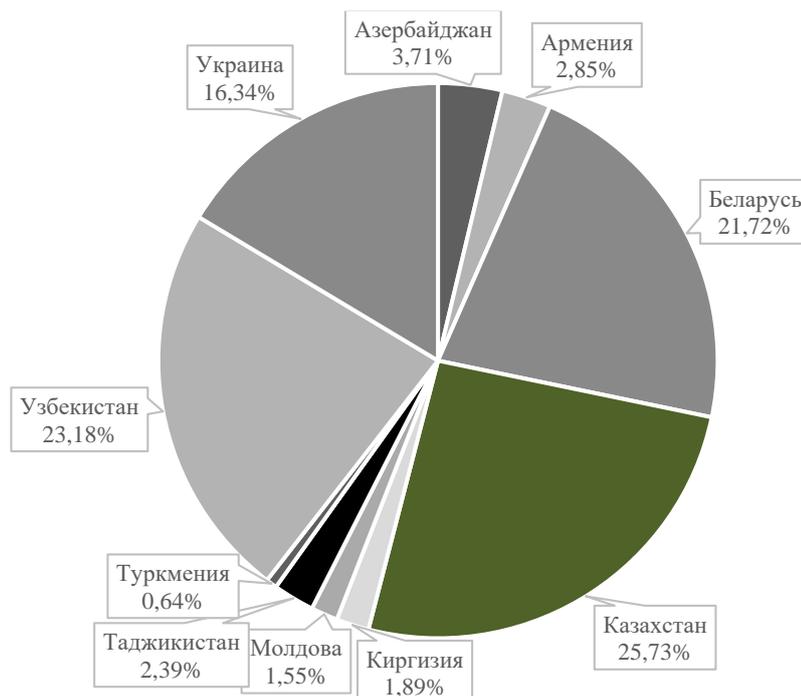

Рис. 3. Структура экспорта Белгородской области в страны СНГ в 2020 г.
 Fig. 3. The structure of exports of the Belgorod region to the CIS countries in 2020
 Источник: составлено по данным [Территориальный орган федеральной службы государственной статистики по Белгородской области, 2021]

Согласно данным рис. 3, экспортные потоки белгородских товаров в страны СНГ в 2020 г. были преимущественно направлены в Казахстан (25, 73% от общего объема или 208,8 млн. долл. США), Беларусь (21,72% или 176,2 млн. долл. США), Узбекистан (23,18% или 188,1 млн. долл. США), Украину (16,34% или 132,6 млн. долл. США). Примечательно, что, например, в 2013 году доля экспортных поставок в Украину составляла 86,73% и за 7 лет уменьшилась в 5,3 раза. В то же время, удельный вес остальных составляющих увеличился. Следовательно, происходит переориентация основных направлений сбыта товаров Белгородской области. Отметим, что южное государство, с которым граничит половина территории области, остается достаточно крупным импортером товаров в регион.

Заключение

Таким образом, учитывая вышеизложенное следует отметить, что Белгородская область является финансово устойчивым регионом, который в исследуемом пе-

риоде показал развитие и укрепление экспортных отношений с различными странами мира, несмотря на нестабильную экономическую и политическую ситуацию на мировых рынках. Предприятиям-экспортерам из-за снижения торгово-экономических отношений с ближними странами удалось переориентироваться на других партнеров, а также сохранить и приумножить объемы внешней торговли.

Проведенный анализ позволил выявить ряд проблем, характерных для экспорта Белгородской области. Во-первых, он почти полностью является сырьевым, следовательно, объем денежных доходов экспортеров зависит от волатильности цен на сырьевых рынках, высокая добыча ведет к истощению природных ресурсов, загрязнению окружающей среды и не обеспечивает торговой безопасности в будущем. Остальные отрасли развиваются по остаточному принципу, товары легкой промышленности области зачастую неконкурентоспособны даже на национальном рынке, из-за невысоких цен и качества

пользуются спросом лишь в странах СНГ. Помимо этого, всеобщей проблемой является высокая степень износа оборудования, некоторое функционирует с советских времен. Кроме того, на экспортную политику Белгородской области оказывает влияние неблагоприятная политическая ситуация в мире, находящая выражение в виде санкций против России.

Дальнейшее развитие внешней торговли региона должно способствовать решению существующих проблем. Для этого предприятиям-экспортерам требуется проводить широкую инвестиционную политику, обновлять производственные мощности, внедрять современные технологии, совершенствовать маркетинговую стратегию и повышать качество продукции. Со стороны органов власти необходимо развитие существующих мер льготного кредитования, субсидий и государственных гарантий для экспортеров, а также возможно налоговое регулирование структуры экспорта региона в случае применения дифференцированных ставок таможенных пошлин для несырьевых и сырьевых товаров с целью ограничения вывоза последних [Черняева Ю.В., 2019].

Стоит отметить, что в регионе развивается среда для поддержки экспортеров. Так, в рамках национального проекта «Международная кооперация и экспорт» реализуется Экспортная стратегия области, создан региональный бренд «Made in Belgorod», действует обособленное подразделение АО «Российский экспортный центр» и АНО «Центр координации поддержки экспортно-ориентированных субъектов МСП области». По итогам января – июня 2021 г. при участии Центра поддержки экспорта Белгородской области заключено 42 новых экспортных контракта. Объем поддержанного экспорта составил более 7,1 млн долларов США, нефинансовую поддержку получили 122 компании [Департамент экономического развития Белгородской области, 2021].

Таким образом, Белгородская область обладает высоким экспортным по-

тенциалом и является значимым экономическим и торговым партнером для многих государств мира, как ближнего, так и дальнего зарубежья. Выгодное географическое положение и высокий уровень добываемых ресурсов предопределяют место региона в системе международного разделения труда, а также его социально-экономическое развитие.

Список литературы

1. Архив курсов доллара ЦБ РФ. Режим доступа: URL: <https://myfin.by/currency/cb-rf-archive/usd> (дата обращения: 14.10.2021).
2. Ваганова О.В., Соловьева Н.Е., Кулик А.М., Коряков Д.П., 2019. Тенденции развития АПК Белгородского региона в цифровом пространстве // Экономика устойчивого развития. 2019. № 4 (40): 42-46.
3. Владыка М.В., Горбунова Е.И., Ермаченко Ф.М., 2019. Пространственные эффекты объединения территорий в макрорегионы // Научные ведомости. 2019. № 46 (3): 383-390.
4. Департамент экономического развития Белгородской области. Режим доступа: URL: <http://derbo.ru/deyatelnost/promyshlennosti-vneshneekonomicheskaya-deyatelnost/> (дата обращения: 14.10.2021).
5. Заводы РФ. Режим доступа: URL: <https://xn--80aegj1b5e.xn--p1ai/factories/belgorodskaya-oblast> (дата обращения: 14.10.2021).
6. Информационная система Ru-Stat: Экспорт и импорт России по товарам и странам. Режим доступа: URL: <https://ru-stat.com/date-Q201801-202004/RU14000/export/world/01> (дата обращения: 14.10.2021).
7. Камышанченко Е.Н., Дорохова Е.И., 2014. Внешнеэкономический потенциал Белгородской области: состояние и приоритетные направления развития // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия История. Политология. Экономика. Информатика. 2014. № 31/1: 5-13.
8. Оценка Регулирующего Воздействия: Главное о регионе. URL: <http://orv.gov.ru/Regions/Details/15> (дата обращения: 14.10.2021).
9. Прокушев Е.Ф., Костин А.А., 2021. Внешнеэкономическая деятельность. – М.: Издательство Юрайт, 2021: 471.

10. Растворцева С.Н., Чернова М.В., Чернов А.Н., 2017. Диверсификация экспортно-импортных отношений регионов России как направление экономического роста (на примере Белгородской области) // Теоретическая экономика. 2017. №7: 97-105.

11. Справка о состоянии и перспективах использования минерально-сырьевой базы Белгородской области на 15.03.2021 г. Режим доступа: URL: <https://www.rosnedra.gov.ru/> (дата обращения: 14.10.2021).

12. Территориальный орган федеральной службы государственной статистики по Белгородской области. Режим доступа: URL: <https://belg.gks.ru/> (дата обращения: 14.10.2021).

13. Центральное таможенное управление. Режим доступа: URL: <https://ctu.customs.gov.ru/metodik/vneshnyaya-torgovlya-sub-ektov-czfo/belgorodskaya-oblast-/2020-god> (дата обращения: 14.10.2021).

14. Черняева Ю.В., 2019. Внешняя торговля Белгородской области – ключевой катализатор социально-экономического развития региона: выпускная квалификационная работа. – Белгород, НИУ «БелГУ», 2019: 72.

15. Bondareva Y.Y., Lavrinenko E.A., Kalugin V.A., Stryabkova E.A., Lyshchikova, J.V. (2020) “Decision-making for the supply chain management in conditions of economic turbulence”, International Journal of Supply Chain Management, 9(3), 901–905.

16. Vladyka M.V., Vaganova O.V., Kucheryavenko S.A., Bykanova, N.I. (2016) “Analysis of efficiency indicators of a macro region's economy (on the example of the Central Federal District)”, Social Sciences (Pakistan), 11(15), 3728–3733.

17. WikiProm. Режим доступа: URL: https://www.wiki-prom.ru/region/belgorodskaya_oblast.html (дата обращения: 14.10.2021).

References

1. Archive of the Central Bank of the Russian Federation dollar exchange rates (2021). URL: <https://myfin.by/currency/cb-rf-archive/usd> (Accessed 14 October 2021). (in Russian)

2. Bondareva, Y.Y., Lavrinenko, E.A., Kalugin, V.A., Stryabkova, E.A., Lyshchikova, J.V. (2020) “Decision-making for the supply chain management in conditions of economic tur-

bulence”, International Journal of Supply Chain Management, 9(3), 901–905.

3. Certificate on the state and prospects of using the mineral resource base of the Belgorod region on 03/15/2021 (2021). URL: <https://www.rosnedra.gov.ru/> (Accessed 14 October 2021). (in Russian)

4. Central Customs Administration (2021). URL: <https://ctu.customs.gov.ru/metodik/vneshnyaya-torgovlya-sub-ektov-czfo/belgorodskaya-oblast-/2020-god> (Accessed 14 October 2021). (in Russian)

5. Chernyaeva Yu.V., (2019). Foreign trade of the Belgorod region is a key catalyst for the socio-economic development of the region: final qualification work. – Belgorod, NRU "BelSU", 2019. 72 p. (in Russian)

6. Department of Economic Development of the Belgorod region (2021). URL: <http://derbo.ru/deyatelnost/promyshlennost-i-vneshneekonomicheskaya-deyatelnost/> (Accessed 14 October 2021). (in Russian)

7. Kamyshanchenko E.N., Dorokhova E.I., (2014). The foreign economic potential of the Belgorod region: the state and priority directions of development // Scientific bulletin of Belgorod State University. History series. Political science. Economy. Computer science. 2014. №. 31/1. Pp. 5-13. (in Russian)

8. Plants of the Russian Federation (2021). URL: <https://xn--80aegj1b5e.xn--p1ai/factories/belgorod-oblast> (Accessed 14 October 2021). (in Russian)

9. Prokushev E.F., Kostin A.A., (2021). Foreign economic activity. – Moscow: Yurayt Publishing House, 2021. 471 p. (in Russian)

10. Regulatory Impact Assessment: The main thing about the region (2021). URL: <http://orv.gov.ru/Regions/Details/15> (Accessed 14 October 2021). (in Russian)

11. Ru-Stat information system: Export and import of Russia by goods and countries (2021). URL: <https://ru-stat.com/date-Q201801-202004/RU14000/export/world/01> (Accessed 14 October 2021). (in Russian)

12. Soluttseva S.N., Chernova M.V., Chernov A.N., (2017). Diversification of export-import relations of Russian regions as a direction of economic growth (on the example of the Belgorod region) // Theoretical economics. 2017. №.7. Pp. 97-105. (in Russian)

13. Territorial body of the Federal State Statistics Service for the Belgorod region (2021). URL: <https://belg.gks.ru/> (Accessed 14 October 2021). (in Russian)

14. Vaganova O.V., Solovyova N.E., Kulik A.M., Koryakov D.P., (2019). Trends in the development of the agro-industrial complex of the Belgorod region in the digital space // Economics of sustainable development. 2019. № 4 (40). Pp. 42-46. (in Russian)

15. Vladyka M.V., Gorbunova E.I., Ermachenko F.M., (2019). Spatial effects of combining territories into macroregions // Scientific Vedomosti. 2019. № 46 (3). Pp. 383-390. (in Russian)

16. Vladyka, M.V., Vaganova, O.V., Kucheryavenko, S.A., Bykanova, N.I. (2016) "Analysis of efficiency indicators of a macro region's economy (on the example of the Central Federal District)", Social Sciences (Pakistan), 11(15), 3728–3733.

17. WikiProm (2021). URL: https://www.wiki-prom.ru/region/belgorodskaya_oblast.html (available at: 14.10.2021). (in Russian)

Благодарности: исследование выполнено в рамках государственного задания НИУ «БелГУ» FZWG-2020-0016 (0624-2020-0016), тема проекта «Фундаментальные основы глобальной территориально-отраслевой специализации в условиях цифровизации и конвергенции технологий».

Acknowledgements: the research was carried out within the framework of the state assignment of National Research University "BelSU" FZWG-2020-0016 (0624-2020-0016), the topic of the project "Fundamental foundations of global territorial and industry specialization in the

context of digitalization and technology convergence".

Информация о конфликте интересов: авторы не имеют конфликта интересов для декларации.

Conflicts of Interest: the author has no conflict of interest to declare.

Владыка Марина Валентиновна, доцент, доктор экономических наук, профессор кафедры прикладной экономики и экономической безопасности, Института экономики и управления, НИУ «БелГУ», (г. Белгород, Россия).

Marina V. Vladyka, Associate Professor, Doctor of Economics, Professor of the Department of Applied Economics and Economic Security, Institute of Economics and Management, Belgorod State National Research University, (Belgorod, Russia).

Горбунова Елена Игоревна, ассистент кафедры инновационной экономики и финансов, Института экономики и управления, НИУ «БелГУ», (г. Белгород, Россия).

Elena I. Gorbunova, Assistance Lecturer, Department of Innovative Economics and Finance, Institute of Economics and Management, Belgorod State National Research University, (Belgorod, Russia).

Лесунова Анна Егоровна, бакалавр Института экономики и управления, НИУ «БелГУ», (г. Белгород, Россия).

Anna E. Lesunova, Bachelor of the Institute of Economics and Management, Belgorod State National Research University, (Belgorod, Russia).

УДК 338.242

DOI: 10.18413/2409-1634-2022-8-1-0-3

¹ Кулов А.Р.,
² Успенская И.Н.
³ Кулова А.И.

**ИНВЕСТИЦИИ В ЧЕЛОВЕЧЕСКИЙ КАПИТАЛ
В СЕЛЬСКОМ ХОЗЯЙСТВЕ**

¹ Федеральное государственное бюджетное научное учреждение «Федеральный научный центр аграрной экономики и социального развития сельских территорий – Всероссийский научно-исследовательский институт экономики сельского хозяйства»,

123007, г. Москва, Хорошевское шоссе, д. 35, корпус 2

² АНО ВО Московский гуманитарный университет, 111395, г. Москва, ул. Юности, д. 5

³ Учебно-консультационный центр «ФИНЭКОМ», 111539,
г. Москва, ул. Вешняковская, д. 19

e-mail: kulov@mail.ru, rusi-inna@yandex.ru

Аннотация. В статье рассматривается проблема инвестиций в человеческий капитал в сельском хозяйстве. Особое внимание уделяется отраслевым аспектам распределения инвестиций в человеческий капитал с учетом вложений аграрными товаропроизводителями в результаты научных исследований в растениеводстве и животноводстве.

Авторами проанализирована динамика инвестиций в человеческий капитал и основной капитал в сельском хозяйстве, выявлена доля инвестиции в валовой продукции сельского хозяйства и предложены основные направления, а также представлено количество приобретенных организациями новых инновационных технологий. В результате исследования было выявлено какое количество приходится инвестиций в человеческий капитал в расчете на 1000 руб. валовой продукции, сделаны выводы.

Ключевые слова: инвестиции, человеческий капитал, аграрная экономика

Информация для цитирования: Кулов А.Р., Успенская И.Н., Кулова А.И. Инвестиции в человеческий капитал в сельском хозяйстве // Научный результат. Экономические исследования. 2022. Т. 8. № 1. С. 25-33. DOI: 10.18413/2409-1634-2022-8-1-0-3

¹Aslan R. Kulov,
²Inna N. Uspenskaya,
³Alla I. Kulova

**INVESTMENTS IN HUMAN CAPITAL
IN AGRICULTURE**

¹ Federal State Budgetary Scientific Institution "Federal Scientific Center of Agrarian Economics and Social Development of Rural Territories – All-Russian Research Institute of Agricultural Economics",

bld. 2, 35 Khoroshevskoe Highway, Moscow, 123007, Russian Federation

² ANO VO Moscow Humanitarian University, 5 Yunosti St., Moscow, 111395,
Russian Federation

³Educational and Consulting Center "FINECOM", 19 Veshnyakovskaya St., Moscow, 111539, Russian Federation

e-mail: kulov@mail.ru, rusi-inna@yandex.ru

Abstract. The article deals with the problem of investment in human capital in agriculture. Particular attention is paid to the sectoral aspects of the distribution of investments in human capital, taking into account investments by agricultural producers in the results of scientific research in crop production and animal husbandry.

The authors analyzed the dynamics of investments in human capital and fixed capital in agriculture, identified the share of investment in gross agricultural output and proposed the main directions, as well as the number of new innovative technologies acquired by organizations. The study revealed the amount of investment in human capital per 1,000 rubles of gross output, conclusions were made.

Key words: burnout; stress; psycholog; emotions; performance

Information for citation: Kulov A. R., Uspenskaya I. N., Alla I. Kulova "Investments in human capital in agriculture", *Research Result. Economic Research*, 8(1), 25-33, DOI: 10.18413/2409-1634-2022-8-1-0-3

Введение

В соответствии с одним из ключевых постулатов рыночной экономики, капитал устремляется в те отрасли и страны, где при прочих равных условиях, относительно низкая цена рабочей силы. В то же время, объективные процессы научно-технического процесса диктуют необходимость вовлечения в производство рабочей силы, обладающей достаточно высоким уровнем профессионализма (человеческого капитала). Особенно остро это противоречие наблюдается в настоящее время в сфере агропромышленного производства, в которой переход к новому, шестому, технологическому укладу (по академику С.Ю. Глазьеву), обуславливает важность развития человеческого капитала с учетом разрабатываемых перспективных технологий в растениеводстве, животноводстве, а также организации сельскохозяйственного производства и управлении аграрного бизнеса. В настоящее время повышение уровня человеческого капитала работника в сельском хозяйстве не отражается на отдаче от его использования в виде дохода или заработной платы. Более того, при одном и том же уровне челове-

ского капитала работники сельского хозяйства оказываются в существенно худшем положении, что ограничивает приток в отрасль молодых специалистов.

Учитывая, что по данным Всемирного Банка в структуре совокупного богатства удельный вес вклада основных средств в странах ОЭСР оценивается в размере 25-28%, а человеческого капитала – до 70%, то остальная часть – природный капитал и другие активы. В России на долю человеческого капитала по этому показателю приходится не более 46%, свыше 20% составляет природный капитал и 33% – произведенный капитал [Всемирный банк отвл...].

Для преломления негативной тенденции представляется необходимым: изменение подходов к формированию институтов развития человеческого капитала в сельском хозяйстве; разработка экономического механизма и соответствующего ему социального партнерства (в рамках взаимодействия государства, работодателя и работника) для стимулирования рационального использования человеческого капитала, в том числе посредством применения методического подхода сравнительно-

го анализа – бенчмаркинга. Необходимо, на наш взгляд, расширить действующий теоретический подход к пониманию человеческого капитала с включением в его составляющие таких элементов, как научные знания, которые занимают существенную часть в совокупном национальном богатстве, но не учитываются самостоятельно при его оценке.

Немаловажным, а зачастую и определяющим является и изменение подходов к установлению относительно равной отдачи одинакового по уровню человеческого капитала, используемого в различных отраслях. Тем более, что, как известно, глобальная экономика с высоким уровнем автоматизации в большей степени вознаграждает человеческие способности, которые не могут быть в полной степени воспроизведены машинами. Это предполагает необходимость углубленного исследования форм, инструментов и механизмов политики государственного финансирования и стимулирования частных инвестиций в человеческий капитал. Ещё один аспект состоит в том, что в сельском хозяйстве земля выступает главным средством производства, наряду с другими производственными факторами и вклад в создаваемый продукт необходимо также учитывать. Более того, вложение человеческого капитала в повышение продуктивности земель сельскохозяйственного назначения также может быть самостоятельным объектом исследования в части влияния на валовой продукт сельского хозяйства, особенно отрасли растениеводства.

Методы исследования. В процессе исследования применялись основные методы изучения общественно-экономических явлений и информационной базой послужили данные Росстата, министерств и ведомств Российской Федерации. Особое значение в изучении вопросов инвестиций в человеческий капитал в сельском хозяйстве имеет информация,

предоставленная Национальным Исследовательским Университетом «Высшая школа экономики» [Единый архив экономических...].

Основная часть

Ключевой проблемой достижения конкурентоспособности отечественных товаропроизводителей на рынке сельскохозяйственной продукции, сырья и агропродовольствия является отставание в финансировании инвестиций в основные средства, не говоря уже о вложениях в модернизацию и технологическое переоснащение на новой, инновационной, основе, включая автоматизацию, роботизацию техники и цифровизацию процессов управления производством. Несмотря на наблюдаемый в абсолютных показателях рост инвестиций в основной капитал и вложений в человеческий капитал в сельском хозяйстве, динамика его увеличения с учетом корректировки на коэффициент дефлятора, показывает не столь значимое расширение вложений аграрными товаропроизводителями средств в обновление материально-технической базы. Более того, в 2020 году вложения в основные средства с учетом коэффициента дефляции оказались несколько ниже предыдущего периода.

Если среднегодовой прирост инвестиций в основной капитал в реальных ценах за рассматриваемый период составил в среднем 3,78 процентных пункта, то по вложениям в человеческий капитал – 12,5% и особенно активно увеличение наблюдалось в 2015 году (34,5%), 2017 году (28,8%) и 2019 году (20,2%). Но, к сожалению, аграрным товаропроизводителям не удалось сохранить такие темпы в 2018 году и 2020 году, когда вложения в человеческий капитал суммарно упали на 30% (в 2018 году – на 25% и 2020 году – на 5%).

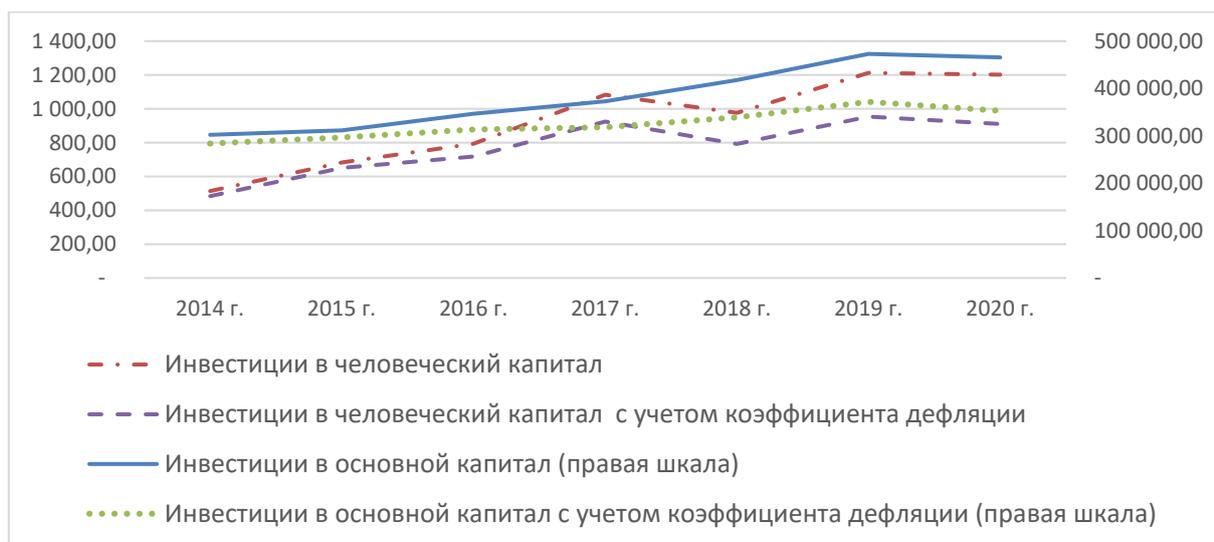

Рис.1. Динамика инвестиций в человеческий капитал и основной капитал в сельском хозяйстве, млн. руб.

Fig. 1. Dynamics of investments in human capital and fixed capital in agriculture, million rubles.

Источник: Расчет автора по данным: <http://sophist.hse.ru/>;
http://lunnyy.ru/Price_index/Construction_deflators.php

По данным Росстата в 2020 году удельный вес инвестиций в основной капитал в валовом внутреннем продукте не достиг уровня 22%, составив 21,8%. В сельском хозяйстве значение данного показателя не превысило 17,2% (табл. 1), несмотря на реализацию программ государственной поддержки отрасли и мер по регулированию рынка сельскохозяйственной

продукции, сырья и агропродовольствия, которые активно применяются с 2008 года. Но, как отмечает академик РАН Аганбегян А.Г., для обеспечения среднегодового экономического роста в пределах 3-5%, уровень вложений в основной капитал должен быть не менее 25% от ВВП [Ведомости, 2020].

Таблица 1

Доля инвестиции в валовой продукции сельского хозяйства

Table 1

Share of investments in gross agricultural output

	2014 г.	2015 г.	2016 г.	2017 г.	2018 г.	2019 г.	2020 г.
Доля инвестиций в основной капитал в валовой продукции сельского хозяйства, %, в т.ч. по отрасли:							
Растениеводство	17,6	14,5	19,1	23,8	21,3	25,9	17,8
Животноводство	22,0	19,5	18,1	17,0	17,6	17,3	16,8
Доля инвестиций в человеческий капитал в валовой продукции сельского хозяйства, % в т.ч. по отрасли							
Растениеводство	0,035	0,039	0,042	0,057	0,044	0,052	0,044
Животноводство	0,036	0,032	0,039	0,075	0,043	0,056	0,038
Животноводство	0,034	0,042	0,044	0,046	0,045	0,051	0,049

Источник: Расчет автора по данным: <http://sophist.hse.ru/>

Что касается инвестиций в человеческий капитал, то как показывают исследования затрат товаропроизводителей на оплату услуг сторонних организаций они включают в себя такие составляющие, как вложения в образование или повышение квалификации работников, здравоохранение и науку. В целом доля инвестиций непосредственно предприятий в человеческий капитал в сельском хозяйстве составляет не более 0,04% в валовой продукции отрасли в 2020 году или всего 1,2 млрд. руб. Из них на интеллектуальный капитал в форме вложения в науку пришлось 30,6 млн. руб., образование – 316,5 млн. руб. Сопоставление с базовым 2014 годом (рис. 2) свидетельствует о снижении интереса к приобретению новых передовых научных разработок и результатов научно-исследовательской деятельности хозяй-

ствующими субъектами села, что не может не настораживать государственные органы управления. Так как, на наш взгляд, свидетельствует о недостаточном взаимодействии цепочки «наука – производство» и низкой эффективности действующего механизма государственного стимулирования внедрения передовых научно-исследовательских и опытно-конструкторских разработок научных учреждений как федерального и регионального подчинения, так и частных исследовательских и конструкторских компаний. Общее снижение вложений в науку аграрными товаропроизводителями в отчетном году связано, в первую очередь, с четырехкратным сокращением вложений по этой статье в животноводстве, что не было компенсировано соответствующим ростом в растениеводстве.

Рис. 2. Инвестиции в человеческий капитал аграрными товаропроизводителями по основным направлениям, млн. руб.

Fig. 2. Investments in human capital by agricultural producers in the main directions, million rubles.

Источник: Расчет автора по данным: <http://sophist.hse.ru/>

Исследования выявили, что хозяйства, специализирующиеся на выращивании таких культур, как ячмень, кукуруза на зерно, овес, картофель, сахарная свекла в 2020 году не направили на приобретение результатов НИОКР каких-либо существенных средств. В животноводстве основными пользователями научных исследований были и остаются хозяйства преимущественно молочного направления. А товаропроизводители со специализацией

овцеводства или свиноводства в период 2017-2020 годов не осуществляли вложения в оплату услуг сторонних научных организаций, особенно племенных селекционных центров, что вызывает множество вопросов.

Хозяйствующими субъектами осуществлялись инвестиции в человеческий капитал по направлениям здравоохранение, образование и наука в расчете на 1000 руб. валовой продукции в два и более

раз меньше, чем в целом в экономике

страны (рис. 3).

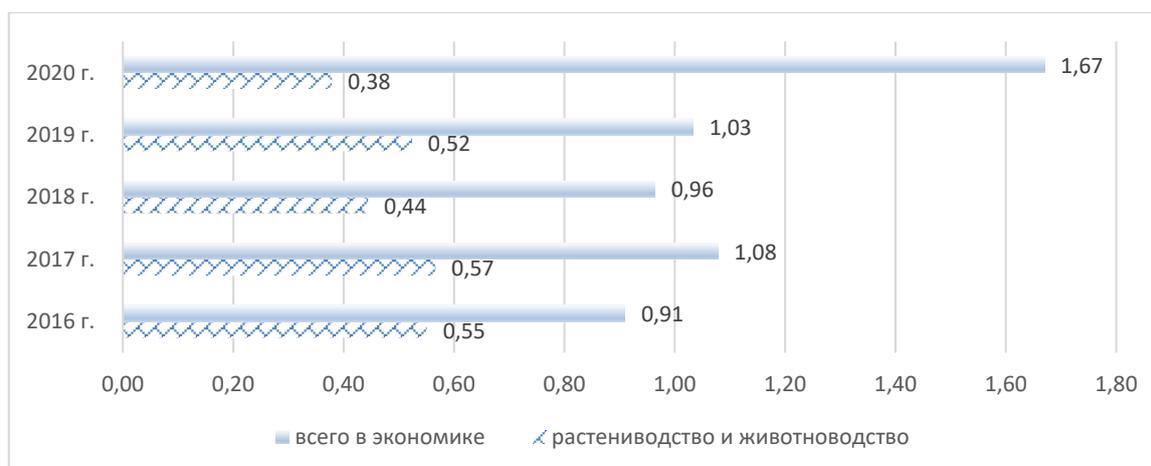

Рис. 3. Приходится инвестиций в человеческий капитал в расчете на 1000 руб. валовой продукции, руб.

Fig. 3. The amount of investment in human capital per 1000 rubles of gross output, RUB.

Источник: Расчет автора по данным: <http://sophist.hse.ru/>

Если в целом по экономике за пять лет вложения предприятий в человеческий капитал возросли на 83,5% в 2020 году, то в аграрной сфере снизились на 31,2% по сравнению с 2016 годом. Такое отставание отраслей сельского хозяйства от общероссийской тенденции и, более того, снижение темпов, на фоне проводимой политики государственной поддержки технологической модернизации аграрного и агропромышленного производства свидетельствует о необходимости корректировки мер, направлений и механизмов финансирования, субсидирования и компенсации затрат на проведение мероприятий, связанных с обновлением техники и технологии. И, прежде всего, необходимо увязывать поступление новой техники или технологии с компенсацией затрат сельхозпредприятию на обучение работников по их освоению или на повышение квалификации специалистов. На наш взгляд, такой подход более рационален в свете расширения использования в производстве высокотехнологичных систем машин с элементами автоматизации, роботизации и цифровыми технологиями, которые требуют иного, более высокого, уровня квалификации работников,

обладающих необходимыми знаниями и навыками.

В отечественной экономической литературе последнего десятилетия проблемам человеческого капитала и стимулированию инвестиций в него посвящено достаточно много работ, что свидетельствует о понимании той роли, которую он оказывает на экономический рост в стране в целом и отдельных отраслей в частности. По данным информационных ресурсов (в частности, сайта Российской государственной библиотеки) на 1 января 2019 года из 115 докторских и кандидатских диссертаций, посвященных человеческому капиталу в целом, только одна докторская и несколько кандидатских – его развитию в аграрном секторе России. Проблема приобретает особую значимость в свете сохраняющегося низкого уровня человеческого капитала на душу населения, который по данным Всемирного банка составляет лишь одну пятую от среднего показателя по странам Организации экономического сотрудничества и развития (около \$100 тыс. в РФ против \$500 тыс. в ОЭСР в постоянных ценах 2014 года) [Всемирный банк, 2019]. Человеческий капитал оценивался Всемирным банком как среднее дисконтированное значение заработка россий-

ского населения в течение человеческой жизни. Столь существенное отставание в России уровня человеческого капитала, только по одному из составляющих его элементов, от значений, достигнутых в других странах требует ответа на вопросы, связанные с причинами такого положения. А, учитывая, что в сельском хозяйстве и в сфере агропромышленного производства в целом уровень заработка существенно отстает от общероссийского показателя (например, по данным Росстата в 2020 году заработная плата в сельском хозяйстве составила 31040 руб. против среднего достигнутого уровня в 54344 руб. по стране), то его дисконтированное значение ещё меньше, что определяет также и более низкий показатель характеристики человеческого капитала в аграрной экономике страны. Специалисты Всемирного банка в качестве рекомендаций выдвигают предложения расширять вложения в повышение уровня образования и повышение квалификации работников, здравоохранение с уклоном на предотвращение заболеваний и поддержание здоровья персонала и рабочих компаний [Всемирный банк, 2019], которые, безусловно, являются правильными и рациональными пожеланиями. Но, предприятия могут инвестировать в человеческий капитал, если они выполнили первоочередные обязательства, например, перед поставщиками сырья и материально-технических ресурсов, перед государством по налогам и платежам, перед работниками по заработной плате и перед акционерами (собственниками) по выплате дивидендов. А, в условиях недостаточной прибыльности, возможности подавляющего большинства хозяйствующих субъектов села инвестировать в человеческий капитал без стимулирующего воздействия государства представляется, на наш взгляд,

весьма и весьма проблематичным. Особенно, когда в стране за период экономических преобразований наблюдается тенденция к обезлюдению сельских территорий во многих муниципальных образованиях России. И, проблема предстает более сложной в свете рассмотрения её через призму оттока наиболее квалифицированной части сельского населения тогда, когда имеет место формирование необходимых предпосылок и создание условий перехода к новому технологическому укладу.

Цифровые технологии в растениеводстве и животноводстве, автоматизация и роботизация технологических процессов в аграрном производстве требуют наличия соответствующего уровня научных кадров. По данным Росстата, на начало 2020 года в области сельскохозяйственных наук было занято исследованиями и разработками около 9469 человек, тогда как ещё в 1994 году их насчитывалось более 18228 человек [Федеральная служба государственной статистики, 2020]. Столь существенное снижение числа исследователей не могло не отразиться на качественном и количественном уровне разработок, предлагаемых инноваций в сельском хозяйстве. А с учетом финансово-экономического состояния аграрных товаропроизводителей не могло не сказаться на динамике приобретения инновационных товаров (табл. 2).

Существенное снижение количества приобретаемых новых технологий в сельском хозяйстве на фоне очень позитивной тенденции в целом по стране подводит, по нашему мнению, к суждению о необходимости значительной корректировки программ технологической модернизации агропромышленного производства и направлений государственной поддержки инновационных процессов в сельском хозяйстве.

Таблица 2
 Количество приобретенных организациями новых инновационных технологий, единиц
 Table 2
 Number of new innovative technologies acquired by organizations, units

	2017 г.	2018 г.	2020 г.
Всего	20 042	22 678	37 720
из них по видам экономической деятельности:			
выращивание однолетних культур	635	242	103
выращивание многолетних культур	-	-	2
выращивание рассады	-	-	-
животноводство	526	188	148
смешанное сельское хозяйство	-	1	21

Источник: <https://rosstat.gov.ru/folder/11189>

Заключение

Проблема инвестиций в человеческий капитал в аграрной сфере экономики, являясь многоаспектной темой исследования, выступает краеугольным камнем обеспечения эффективного развития агропродовольственной системы страны. Ее решение требует адекватных складывающимся финансово-экономическим условиям хозяйствования, мер государственного стимулирования и поддержки аграрных товаропроизводителей в сфере технологической модернизации аграрного и агропромышленного производства, включая обеспечение процесса непрерывного повышения квалификации специалистов и на этой основе наращивания человеческого капитала. При этом важно учитывать принцип равной оплаты труда работников сельского хозяйства той же квалификации и того же уровня образования, что и специалиста другой отрасли экономики.

Список литературы

1. Всемирный банк отвел России 100 лет на развитие человеческого капитала: Экономика: РБК. 2019. Режим доступа: <https://www.rbc.ru/economics/04/12/2019/5de76fa19a79476a1ebb8bec> (Дата обращения: 04.12.2021)
2. Ведомости. 2020. Режим доступа: <https://www.vedomosti.ru/economics/articles/2020/09/08/839227-dlinnih-deneg>. (Дата обращения: 04.12.2021)
3. Единый архив экономических и социальных данных. Режим доступа:

<http://sophist.hse.ru>. (Дата обращения: 04.12.2021)

4. Капитальные вложения и дефляторы строительства. Режим доступа: http://lunnyy.ru/Price_index/Construction_deflators.php. (Дата обращения: 04.12.2021)

5. Насколько Богата Россия? Оценка совокупного уровня благосостояния России в период с 2000 по 2017 годы. //Всемирный банк в Российской Федерации. Декабрь 2019. Режим доступа: <https://documents.vsemirnyjbank.org/ru/publication/documents-reports/documentdetail/402431575351416107/how-wealthy-is-russia-measuring-russias-comprehensive-wealth-from-2000-2017>. (Дата обращения: 04.12.2021)

6. Официальный сайт: Федеральной службы государственной статистики Приложение к Ежегоднику. 2020. https://gks.ru/bgd/regl/b20_13/Main.htm. (Дата обращения: 04.12.2021)

References

1. The World Bank has given Russia 100 years to develop human capital: Economics: RBK. 2019. Access mode: <https://www.rbc.ru/economics/04/12/2019/5de76fa19a79476a1ebb8bec> (Accessed 04 December 2021) (in Russian).
2. Vedomosti. 2020. Access mode: <https://www.vedomosti.ru/economics/articles/2020/09/08/839227-dlinnih-deneg>. (Accessed 04 December 2021) (in Russian).
3. Unified archive of economic and social data. Access mode: <http://sophist.hse.ru>. (Accessed 04 December 2021) (in Russian).
4. Capital investments and deflators of construction. Access mode:

http://lunnyy.ru/Price_index/Construction_deflators.php. (Accessed 04 December 2021) (in Russian).

5. How Rich Is Russia? Assessment of the aggregate level of welfare of Russia in the period from 2000 to 2017. //The World Bank in the Russian Federation. December 2019. Access mode: <https://documents.vsemirnyjbank.org/ru/publication/documents-reports/documentdetail/402431575351416107/how-wealthy-is-russia-measuring-russias-comprehensive-wealth-from-2000-2017>. (Accessed 04 December 2021) (in Russian).

6. Official website: Federal State Statistics Service Appendix to the Yearbook. 2020. https://gks.ru/bgd/regl/b20_13/Main.htm. (Accessed 04 December 2021) (in Russian).

Информация о конфликте интересов:

авторы не имеют конфликта интересов для декларации.

Conflicts of Interest: the authors have no conflict of interest to declare.

Кулов Аслан Ростиславович, доктор экономических наук, профессор, профессор РАН, главный научный сотрудник отдела ценовых и финансово-кредитных отношений в АПК Федеральное государственное бюджетное научное учреждение «Федеральный научный центр аграрной экономики и социального развития сельских территорий – Всероссийский научно-исследовательский институт

экономики сельского хозяйства»,

ORCID ID 0000-0002-4259-8368, AuthorID: 360774. (г. Москва, Россия).

Aslan R. Kulov, Doctor of Economics, Professor, Professor of the Russian Academy of Sciences, Chief Researcher of the Department of Price and Financial and Credit Relations in the Agro-Industrial Complex Federal State Budgetary Scientific Institution "Federal Scientific Center for Agrarian Economics and Social Development of Rural Territories – All-Russian Research Institute of Agricultural Economics" ORCID ID 0000-0002-4259-8368, AuthorID: 360774. (Moscow, Russia)

Успенская Инна Николаевна, доктор экономических наук, доцент, профессор кафедры статистики, маркетинга и бухгалтерского учета АНО ВО Московский гуманитарный университет. (г. Москва, Россия)

Inna N. Uspenskaya, Doctor of Economics, Associate Professor, Professor of the Department of Statistics, Marketing and Accounting, Moscow State University for the Humanities. (Moscow, Russia)

Кулова Алла Ивановна, кандидат экономических наук, генеральный директор учебно-консультационного центра «ФИНЭКОМ» (г. Москва, Россия)

Alla I. Kulova, Candidate of Economic Sciences, General Director of the Training and Consulting Center "FINECOM" (Moscow, Russia)

УДК 332.1

DOI: 10.18413/2409-1634-2022-8-1-0-4

Сюй Чжэньпэн

**ОБЗОР КЛЮЧЕВЫХ ИННОВАЦИОННЫХ ПОКАЗАТЕЛЕЙ
РОССИЙСКИХ РЕГИОНОВ: АНАЛИТИЧЕСКИЙ ОБЗОР
ИННОВАЦИОННО-АКТИВНЫХ ТЕРРИТОРИЙ
ЦЕНТРАЛЬНОГО ФЕДЕРАЛЬНОГО ОКРУГА**

Провинция Ляонин, г. Далянь, Китай

e-mail: xuzhenpeng@yandex.ru

Аннотация.

В статье представлены результаты исследования инновационного потенциала российских регионов. В качестве субъектов исследования были выбраны три региона Центрального федерального округа, лидирующие в 2020 году по уровню инновационной активности организаций среди субъектов Российской Федерации (Тулская область, Белгородская область, Ивановская область). Был проведен обзор инновационной инфраструктуры и ключевых стратегических приоритетов инновационного развития в отдельных регионах. Изучена взаимосвязь между параметрами “затраты на инновационную деятельность организаций региона” и “уровень инновационной активности организаций региона”. Составлены корреляционно-регрессионные модели, выражающие взаимосвязь между временными характеристиками уровня инновационной активности и затратами на инновационную деятельность.

Ключевые слова: innovation; regions; Central Federal District; innovation activity; costs of innovation activity; correlation-regression models

Информация для цитирования: Сюй Чжэньпэн Обзор ключевых инновационных показателей российских регионов: аналитический обзор инновационно-активных территорий Центрального федерального округа // Научный результат. Экономические исследования. 2022. Т. 8. № 2. С. 34-44. DOI: 10.18413/2409-1634-2022-8-1-0-4

Xu Zhenpeng

**OVERVIEW OF KEY INNOVATION INDICATORS
OF RUSSIAN REGIONS: ANALYTICAL PROFILE
OF INNOVATION-ACTIVE TERRITORIES
OF THE CENTRAL FEDERAL DISTRICT**

Province Liaoning, city Dalian, China

e-mail: xuzhenpeng@yandex.ru

Abstract.

The article presents the results of the study on the innovation potential of Russian regions. Three regions of the Central Federal District have been selected as research subjects, leading in 2020 in the level of innovation activity of organizations among the subjects of the Russian Federation (Tula Region, Belgorod Region, Ivanovo Region). A review of innovation infrastructure and key strategic priorities of innovative

development in selected regions has been undertaken. The correlation between the parameters “costs of innovation activity of organizations in the region” and “level of innovation activity of organizations in the region” has been studied. Correlation-regression models have been compiled that express the relationship between the temporal characteristics of the level of innovation activity and the costs of innovation activity.

Key words: innovation, regions, Central Federal District, innovation activity, costs of innovation activity, correlation-regression models.

Information for citation: Xu Zhenpeng “Overview of Key Innovation Indicators of Russian Regions: An Analytical Profile of Innovation Active Territories of the Central Federal District”, *Research Result. Economic Research*, 8(1), 34-44, DOI: 10.18413/2409-1634-2022-8-1-0-4

Introduction

Innovation is a global trend that has become a key strategy for many countries to seek competitive advantage. Innovation processes are the result of a large number of interactions between various participants and institutions that form the national innovation system as a whole.

The innovation system consists of relationships and exchanges with enterprises, governments and academia on science and technology development.

The theory and practical aspects of innovative development have been a relevant area for researchers for many years. Almost all research on innovation was based on results previously obtained by J. Schumpeter (Theory of Dynamic Economics), F. Hayek (Diffused Knowledge Concept), D. North (Institutional Theory), R. Solow (role of scientific and technological progress in economic growth), P. Romer and R. Lucas (Endogenous Growth Theory).

In the 21st century, the role of innovation in the economy has significantly increased, and the scientific and innovation potential of countries has become a vital aspect of competitiveness, both within countries and within regions.

Research objective is to study the innovation activity of the Russian regions of the Central Federal District, in particular Belgorod Region, Ivanovo Region, and Tula Re-

gion. The regions in question are currently characterized by a high level of innovation activity among the subjects of the Russian Federation.

The methodological basis for studying the innovation activity of regions is the system approach that allows generalization and synthesis of the studied material.

The analysis of a number of indicators of innovation activity in the Russian regions makes it possible to underscore the vector of their innovative development.

Main part

In 2020, there were 4,175 scientific research and development organizations in the Russian Federation. Most of them was concentrated in the Central Federal District (1579 organizations or 37.8%) and the Volga Federal District (690 organizations or 16.5%). Compared to 2019, the number of relevant organizations increased by 3.1%. 11,386 organizations in the Russian Federation carried out innovation activities in 2020, which is 15.7% more over 2019 [On Innovation Activities..., 2009].

To assess the success of the implementation of certain aspects of innovative development in the Russian Federation, we will conduct a comparative analysis of the state of the innovation sphere in a number of regions (limited to the territory of the Central Federal District).

Таблица 1
 Уровень инновационной активности организаций по субъектам Российской Федерации, %
 [Лидеры по показателям..., 2020; Федорова Л.А., 2020]

Table 1
 Level of innovation activity of organizations, by subjects of the Russian Federation, %
 [Leaders in terms..., 2020; Fedorova, L.A., 2020]

	2010	2011	2012	2013	2014	2015	2016	2017		2018	2019	2020
								according to the Oslo Manual (3 rd ed.) criteria	according to the Oslo Manual (4 th ed.) criteria			
Russian Federation	9.5	10.4	10.3	10.1	9.9	9.3	8.4	8.5	14.6	12.8	9.1	10.8
Central Federal District	8.6	10.2	10.9	10.7	10.9	10.9	10.3	9.9	18.5	16.2	10.8	12.5
Belgorod Region	10.9	12.2	9.2	9.6	11.5	12.7	14.1	14.8	19.8	18.2	15.1	18.0
Bryansk Region	8.8	9.6	8.9	7.8	8.2	7.7	6.8	6.2	9.5	8.2	10.1	10.9
Vladimir Region	9.5	10.8	12.8	10.7	12.6	11.2	10.4	9.0	15.3	13.0	10.5	12.6
Voronezh Region	8.6	9.2	9.0	10.0	10.3	11.0	11.6	11.7	18.6	17.1	13.4	15.9
Ivanovo Region	5.8	5.1	8.5	8.4	6.3	4.4	3.2	4.2	9.0	8.1	10.0	16.2
Kaluga Region	8.3	7.9	10.6	10.9	9.7	10.9	8.5	9.0	17.5	16.6	11.5	12.1
Kostroma Region	8.5	9.1	6.0	7.0	6.0	8.2	8.6	2.8	6.5	5.8	4.6	5.6
Kursk Region	7.1	13.7	13.0	10.7	9.9	7.3	6.5	5.0	10.6	8.9	5.4	7.6
Lipetsk Region	8.9	10.0	14.1	17.5	18.6	20.0	19.2	18.5	29.1	23.6	11.1	11.5
Moscow Region	6.7	8.1	8.5	8.4	8.7	8.0	8.5	8.9	18.8	14.1	8.6	10.8
Oryol Region	11.5	10.7	10.1	8.4	8.4	9.6	7.4	6.8	11.0	8.6	10.4	13.7
Ryazan Region	7.0	8.4	11.0	11.4	13.1	12.7	12.3	12.1	17.5	16.4	11.8	10.9
Smolensk Region	5.5	6.6	6.7	6.6	6.6	7.3	6.9	6.5	11.7	10.8	8.4	7.1
Tambov Region	8.2	5.9	8.5	8.8	9.1	9.6	10.6	11.0	12.3	11.0	10.2	12.5
Tver Region	5.1	7.8	9.3	9.2	8.0	7.9	7.9	8.7	16.3	15.6	12.1	12.0
Tula Region	10.5	11.0	13.1	12.9	13.4	12.9	10.9	9.2	16.9	15.4	11.7	20.2
Yaroslavl Region	10.0	12.0	12.3	11.0	10.3	8.7	7.1	8.3	16.3	14.2	10.6	10.7
Moscow	13.3	18.6	18.6	18.3	18.8	19.7	16.1	14.3	32.4	33.8	12.1	13.0

Some regions of the Central Federal District have drawn our attention, namely, those with the most significant results in this sphere: Belgorod Region, Ivanovo Region, Tula Region. These regions are the leaders (TOP-3) in 2020 in the level of innovation activity of organizations among the subjects of the Russian Federation.

It should be noted that, in general, this district has results above the average. This clearly indicates that the regions of the Central Federal District are most successful in implementing the main objectives of the innovative development strategy.

Let us analyze the innovation potential of the selected regions.

Belgorod Region. To date, the region is actively working to formulate an updated Strategy for the Socio-Economic Development of Belgorod Region up to 2030. The key direction of development in the strategy being developed is “Innovative Belgorod Region”. The goal of this priority area is to ensure a scientific and technological breakthrough in key sectors of the Belgorod and Russian

economy, and to increase the share of innovative products in the shipment due to comprehensive support of researchers and developers.

The main strategic objectives of the innovative Belgorod Region up to 2030 are:

- developing the region as a point of attraction for researchers;
- introducing Belgorod technologies to the Russian and world markets;
- creating a closed-loop economy;
- reducing ecological footprint;
- increasing cooperation between science and business.

On the territory of Belgorod Region, the Law of Belgorod Region dated October 1, 2009 No. 296 “On Innovation Activities and Innovation Policy in the Belgorod Region” is in force [On Innovation..., 2009].

With regard to innovation infrastructure, institutions include:

- Department of Investment and Innovation (part of the Ministry of Economic Development and Industry of Belgorod Region), which ensures the implementation of public

innovation policies at the regional level, providing a maximum enabling environment for the implementation of the innovative scenario for the development of the region;

–Belgorod Regional Resource Innovation Center (Business Incubator), which is the regional representative of the Foundation for Assistance to Small Innovative Enterprises in Science and Technology (Innovation Assistance Fund) since 2016. The Center implements innovation development programs aimed at creating new and developing existing high-tech companies, as well as commercializing the results of scientific and technical activities;

–World-class Scientific and Educational Center “Innovative Solutions in the Agro-Industrial Complex”, which is considered a connecting element for the development of innovations in Belgorod Region and through which trending scientific technologies are transferred to real business. The Center was established in 2019 as part of the implementation of the “Science” National Project. The activities of the Center are aimed at actively participating in ensuring the competitiveness of the Russian Federation as a world scientific power and leader in the field of agrarian science; strengthening food security and the independence of the country; expanding Russia’s presence in world food markets; improving the well-being and quality of life of citizens of Russia and Belgorod Region.

Also, the regional innovation infrastructure of Belgorod Region includes Belgorod Regional Fund for the Support of Small and Medium Enterprises, Belgorod Intellectual and Innovation System Development Fund, “Severny” Industrial Park, Patent and Information Center of the Belgorod State Universal Scientific Library, Regional Center for Intellectual Property at Belgorod State National Research University (NRU BelSU), Technological Park “High-Tech” of NRU BelSU, Center of High Technologies of Shukhov Belgorod State Technological University (BSTU), Business incubator of Shukhov BSTU, Innovation and Technology Center of Shukhov BSTU, Educational and Scientific

Innovation Center “Agrotechnopark” of Gorin Belgorod State Agrarian University, Biryuch Innovation Center, Centers for Youth Innovative Creativity “CLUSTER” and “Metamorphosis”.

Ivanovo Region. Decree of the Government of Ivanovo Region dated April 27, 2021 approved the Strategy for Social and Economic Development of Ivanovo Region until 2024, within which the block “Innovation Development Strategy of the Region” was identified. The objective of the innovation strategy of development of the region is “formation of an innovative-oriented structure of the economy, a comfortable economic environment and institutional conditions for enhancing the innovative development of the region”.

Among the priorities for innovative development in the region are:

–technological upgrading and modernization of industrial enterprises;

–development of science and innovation activity.

The main areas of innovation and scientific activity of Ivanovo Region, which generally determine the specialization of the region, are developments in the textile industry, in the sphere of manufacturing of industrial machinery and equipment, special and construction equipment, in energy-saving technologies, as well as fashion and design.

From 2014 to 2024, the Ivanovo Region State Program “Economic Development and Innovative Economy of Ivanovo Region” (with changes of 01/20/2022) is being implemented. Under the State Program, such subprograms as the development of small and medium-sized enterprises, fundamental scientific research, human resources for the innovative economy, and the creation of a favorable investment environment operate.

The region’s innovation infrastructure is quite extensive. It includes Industrial Park “Rodniki”, Educational and Scientific Center for Technological and Ecological Safety in Energy, Center for Design and Improvement of Reliability of Electrical Equipment, Center for Energy Efficient Technologies, Research

Center and Experimental Biomedical Clinic with Vivarium, Research Institute for Macro-Heterocyclic Compounds, Regional Center for Nano Industry, etc [Lukasheva, N.A., 2015].

Tula Region. According to the Program for Social and Economic Development of Tula Region (2021-2026), one of the strategic objectives of the region (there are 7 in total) is “building a highly efficient and sustainable scientific ecosystem of the region with the volume of 100 billion rubles per year of shipped innovative domestically produced goods by 2030” [Program of Social..., 2022].

In general, the priority direction of the region's development is its innovation activity (“Knowledge: Innovation Activity”), focused on improvement and development of higher education, general innovation development and creation of breakthrough technologies.

Regional priority projects within the strategic direction of development “Knowledge: Innovation Activity” by 2026 are: active operation of the Scientific and educational center of the world level “TulaTECH”; formation of research and innovation infrastructure of the innovative scientific and technological center “Composite Valley”; increased share of new advanced high-tech products; formation of the Center of Technological Excellence of the Tula Region; creation of an ecosystem of personnel training at the request of enterprises for their research and production activities; implementation of new approaches in the design, production and testing of prototypes; enhancement of technological and digital maturity of industrial production [On Approval..., 2021]; transformation of educational space in the field of general, secondary vocational and higher education, and formation of a single educational ecosystem of the region, including development of student technological entrepreneurship.

The region has a Strategy for the Development of Science, Technology and Innovation in Tula Region until 2030 (approved by Decree of the Government of Tula Region No. 539 dated August 27, 2021).

The existence of this strategic document is a certain competitive advantage of Tula Region in innovation activity.

The Strategy contains an assessment of regional innovation policies, including the innovation activity of organizations, the performance of higher education organizations, activities of regional authorities to develop innovative infrastructure and measures to support innovation projects.

As for the innovation infrastructure of Tula Region, it includes the Committee of Tula Region on Science and Innovation (which forms and implements the regional policy in the field of science and innovation in the Tula Region); Autonomous Non-Profit Organization “Scientific and educational center of the world level “TulaTECH” (association of universities, scientific organizations and organizations operating in the economic sector); innovative scientific and technological center “Composite Valley” on the basis of Tula State University.

In 2022, eleven scientific laboratories began their operation in the region at Tula State University, Tolstoy Tula State Pedagogical University (TSPU), and Novomoskovsk Institute of the Mendeleev Russian Chemical-Technological University. The main activities of the new laboratories are developments in the areas of defense and weapons, the creation of new materials and technologies for their production, environmental safety, and medicine.

After analyzing the current state of innovation activity in the selected regions, we address to recent statistics that illustrate the increase in innovation capacity in the above-mentioned regions (Table 2).

Our main indicator for evaluating success has been the level of innovation activity, which is defined in the guidelines as the ratio of the number of organizations that have implemented technological, organizational, or marketing innovations to the total number of organizations surveyed in the country, industry, and region over time.

Таблица 2
 Уровень инновационной активности организаций по отдельным субъектам
 Центрального федерального округа, %

Level of innovation activity of organizations, for selected subjects
 of the Central Federal District, %

Table 2

	2018	2019	2020	Deviation +/-, %	
				2019 to 2018	2020 to 2019
Russian Federation	12.8	9.1	10.8	-28.9	18.7
Central Federal District	16.2	10.8	12.5	-33.3	15.7
Belgorod Region	18.2	15.1	18.0	-17.0	19.2
Ivanovo Region	8,1	10.0	16.2	23.5	62.0
Tula Region	15.4	11.7	20.2	-24.0	72.6

Compiled by author

Although these regions have shown the most successful performance in recent years, the data in Table 1 indicate a decline in innovation activity in 2019 compared to 2018 in the following regions: Belgorod Region by 17% and Tula Region by 24%. In 2020, there was no negative dynamics, and the largest increase was in the Ivanovo Region by 62%.

This indicator can be considered as the resulting value (final outcome) that correlates with the costs of innovation activity of organizations in the region. The dynamics of costs for innovation activity in the analyzed territories is presented in Table 3.

Таблица 3
 Затраты на инновационную деятельность организаций по отдельным субъектам
 Центрального федерального округа, млн руб.

Costs of innovation activity of organizations, for selected subjects
 of the Central Federal District, million rubles

Table 3

	2018	2019	2020	Deviation +/-, %	
				2019 к 2018	2020 к 2019
Russian Federation	1472822.3	1954133.3	2134038.4	32.7	9.2
Central Federal District	494893.3	844271.4	890687.9	70.6	5.5
Belgorod Region	20703.2	30653.0	21540.9	48.1	-29.7
Ivanovo Region	154.7	195.3	1402.4	26.2	7 times more
Tula Region	18717.7	56822.0	26638.5	203.6	-53.1

Compiled by author

As can be seen from Table 3, the dynamics of the costs of innovation activity is different. In 2020, the decline was in Belgorod Region (by 29.7%) and Tula Region (by 53.1%). Against this background, in Ivanovo Region in 2020 there was a significant increase in the costs of innovation activity of

organizations, the figure in 2020 exceeded the level of 2019 by more than 7 times. This explains the significant increase in innovation activity.

To objectively substantiate the correlation between the level of innovation activity and the costs of innovative activity, a correla-

tion and regression analysis based on the growth rates of these indicators is conducted. We have to use relative indicators, since in 2017 some adjustments were made to the cal-

culaton of the level of innovation activity (Oslo Manual). The growth rates allows for a convergence of the series and a review of the period from 2015 to 2020 (Table 4).

Таблица 4

Данные для корреляционно-регрессионного анализа

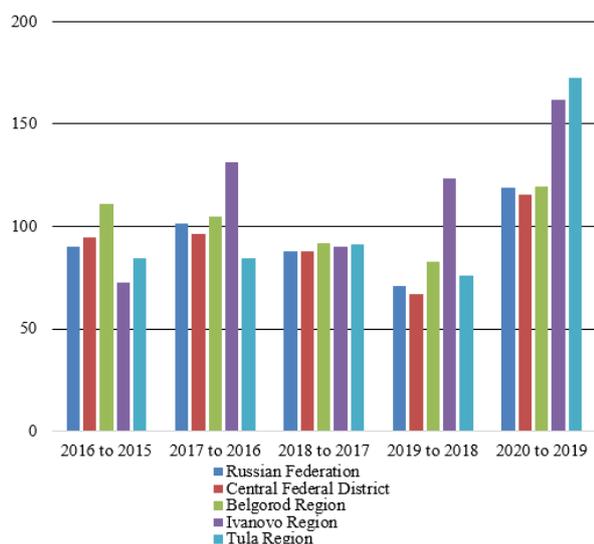
Table 4

Data for correlation regression analysis

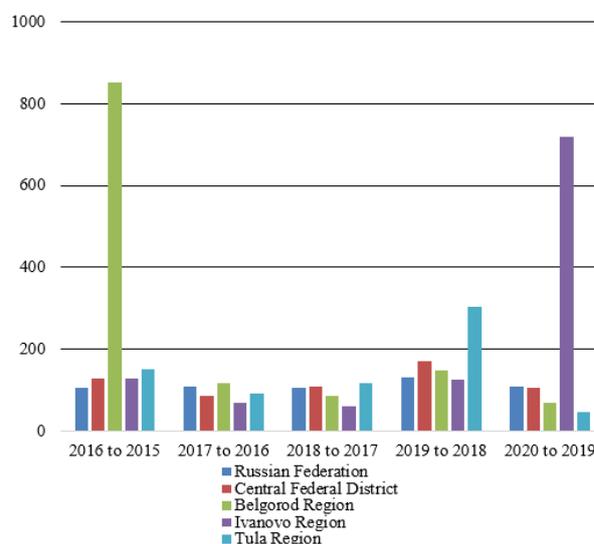
	Growth rate	2016 to 2015	2017 to 2016	2018 to 2017	2019 to 2018	2020 to 2019
Russian Federation	level of innovation activity, %	90.3	101.2	87.7	71.1	118.7
	costs of innovation activity, %	106.7	109.4	104.8	132.7	109.2
Central Federal District	level of innovation activity	94.5	96.1	87.6	66.7	115.7
	costs of innovation activity	128.4	86.6	108.2	170.6	105.5
Belgorod Region	level of innovation activity	111.0	105.0	91.9	83.0	119.2
	costs of innovation activity	850.0	117.3	86.8	148.1	70.3
Ivanovo Region	level of innovation activity	72.7	131.3	90.0	123.5	162.0
	costs of innovation activity	127.7	70.2	61.1	126.2	718.1
Tula Region	costs of innovation activity	84.5	84.4	91.1	76.0	172.6
	costs of innovation activity	151.2	92.6	116.1	303.6	46.9

Moreover, by constructing histograms for the growth rates of the selected indicators

we present their comparative analysis in the territorial comparison of data (Fig. 1).

a) Growth rate of the level of innovation activity

б) Growth rate of the costs of innovation activity

Рис. 1. Гистограммы временных характеристик уровня инноваций и затрат на инновации
 Fig. 1. Histograms of the temporal characteristics of the level of innovation and the costs of innovation

A graphic representation of the temporal characteristics of the level of innovation activity and the costs of innovation activity (Fig. 1) does not show a clear correlation between the growth rates of the indicators con-

sidered. This can be explained by the lack of synchrony in the influence of factor magnitude and the responsiveness of the result. The results of the construction of the regression equations are presented in Fig. 2 and Fig. 3.

SUMMARY OUTPUT

Regression Statistics	
Multiple R	0,617419
R Square	0,381207
Adjusted R Square	0,174942
Standard Error	15,98965
Observations	5

ANOVA					
	df	SS	MS	F	Significance F
Regression	1	472,5135	472,5135	1,848147	0,267161
Residual	3	767,0065	255,6688		
Total	4	1239,52			

	Coefficients	Standard Error	t Stat	P-value	Lower 95%	Upper 95%	Lower 95,0%	Upper 95,0%
Y-intercept	200,948	79,13998	2,539146	0,084743	-50,9107	452,8067	-50,9107	452,8067
Variable X 1	-0,95192	0,700216	-1,35947	0,267161	-3,18032	1,276479	-3,18032	1,276479

а) Российская Федерация a) Russian Federation

SUMMARY OUTPUT

Regression Statistics	
Multiple R	0,747664
R Square	0,559002
Adjusted R Square	0,412002
Standard Error	13,52354
Observations	5

ANOVA					
	df	SS	MS	F	Significance F
Regression	1	695,4695	695,4695	3,802745	0,146265
Residual	3	548,6585	182,8862		
Total	4	1244,128			

	Coefficients	Standard Error	t Stat	P-value	Lower 95%	Upper 95%	Lower 95,0%	Upper 95,0%
Y-intercept	141,5101	26,03953	5,434435	0,012231	58,64072	224,3795	58,64072	224,3795
Variable X 1	-0,41207	0,211309	-1,95006	0,146265	-1,08454	0,260413	-1,08454	0,260413

б) Центральный федеральный округ b) Central Federal District

Рис. 2. Результаты регрессионного анализа для Российской Федерации и Центрального федерального округа
 Fig. 2. Results of the regression analysis for the Russian Federation and the Central Federal District

Compiled by author

SUMMARY OUTPUT

Regression Statistics	
Multiple R	0,282156
R Square	0,079612
Adjusted R Square	-0,22718
Standard Error	16,13763
Observations	5

ANOVA					
	df	SS	MS	F	Significance F
Regression	1	67,57865	67,57865	0,259496	0,645573
Residual	3	781,2694	260,4231		
Total	4	848,848			

	Coefficients	Standard Error	T Stat	P-value	Lower 95%	Upper 95%	Lower 95,0%	Upper 95,0%
Y-intercept	98,89012	9,478147	10,43349	0,001879	68,72643	129,0538	68,72643	129,0538
Variable X 1	0,012298	0,024142	0,509407	0,645573	-0,06453	0,089129	-0,06453	0,089129

а) Белгородская область a) Belgorod Region

SUMMARY OUTPUT

Regression Statistics	
Multiple R	0,711866
R Square	0,506753
Adjusted R Square	0,342337
Standard Error	28,54887
Observations	5

ANOVA					
	df	SS	MS	F	Significance F
Regression	1	2512,066	2512,066	3,082145	0,17742
Residual	3	2445,114	815,0381		
Total	4	4957,18			

	Coefficients	Standard Error	t Stat	P-value	Lower 95%	Upper 95%	Lower 95,0%	Upper 95,0%
Y-intercept	96,13523	17,02212	5,647666	0,010987	41,96326	150,3072	41,96326	150,3072
Variable X 1	0,089571	0,05102	1,755604	0,17742	-0,0728	0,25194	-0,0728	0,25194

б) Ивановская область b) Ivanovo Region

SUMMARY OUTPUT

Regression Statistics	
Multiple R	0,633726
R Square	0,401608
Adjusted R Square	0,202144
Standard Error	35,71456
Observations	5

ANOVA					
	df	SS	MS	F	Significance F
Regression	1	2568,199	2568,199	2,013438	0,250964
Residual	3	3826,589	1275,53		
Total	4	6394,788			

	Coefficients	Standard Error	t Stat	P-value	Lower 95%	Upper 95%	Lower 95,0%	Upper 95,0%
Y-intercept	138,4855	30,43756	4,549822	0,019892	41,61957	235,3513	41,61957	235,3513
Variable X 1	-0,25877	0,182364	-1,41896	0,250964	-0,83913	0,321596	-0,83913	0,321596

в) Тульская область c) Tula Region

Рис. 3. Результаты регрессионного анализа для отдельных регионов
 Центральный федеральный округ

Fig. 3. Results of the regression analysis for selected regions of
 Central Federal District

Compiled by author

As we can see, the dependence under study is not strongly related, as evidenced by factor and residual dispersion values. For some regions, the value of the factor dispersion is less than the residual. Therefore, the resulting regression equations do not have practical value, but they can be applied as theoretical models.

Thus, the tested hypothesis of a direct correlation between the observed temporal indicators is confirmed in the models of Belgorod Region and Ivanovo Region, where the coefficient for the variable X1 is positive. In practice, these are the subjects that most successfully implement the strategic tasks in the innovation sphere facing the regions. In other models, the coefficients are negative. However, if we take into account the lag in the dynamics of changes in factor and output variables, then in all models the coefficient will be positive.

Conclusion

In summary, it is possible to say that the impact of innovation policies can be assessed by the timeliness of their implementation in economic activity. In other words, the longer the pace at which innovation activity lags from the cost of innovation, the less effectively the strategy of innovative development of the region is implemented.

Список литературы

1. Василенок В.Л., 2019. Об инновационном развитии Российской Федерации и Китайской Народной Республики / В.Л. Василенок // Научный журнал НИУ ИТМО, серия "Экономика и экологический менеджмент". – 2019. – № 2: 50-65. Режим доступа: DOI 10.17586/2310-1172-2019-12-2-50-65.

2. Инновационное развитие Российской Федерации в 2020 году / Научно-исследовательский институт – Федеральный исследовательский центр оценки проектов и консалтинговых услуг (НИИ FRCEC). 2020. Режим доступа: URL: https://www.mii.ru/digest/analitika_RF.pdf.

3. Лукашева Н.А., 2015. Результаты мониторинга деятельности объектов инновационной инфраструктуры в Центральном феде-

ральном округе / Н.А. Лукашева // Наука и современность. – 2015. – № 38: 231-237.

4. Об инновационной деятельности и инновационной политике в Белгородской области: Закон Белгородской области от 1 октября 2009 г. № 296. Режим доступа: <http://ivo.garant.ru/#/document/26365079>.

5. Об утверждении Стратегии развития науки, технологий и инноваций в Тульской области до 2030 года: Постановление Правительства Тульской области от 27 августа 2021 г. № 539. Режим доступа: URL: <https://docs.cntd.ru/document/574859977>.

6. Определение территориальных промышленных кластеров российской экономики с учетом их вовлечения в разработку государственной инновационной политики / Е. И. Дорохова, В. М. Московкин, Е. Н. Камышанченко [и др.] // Международный журнал инженерии и передовых технологий. – 2019. – Т. 8. – № 6 Специальный выпуск 2: 1076-1082. – DOI 10.35940/ijeat.F1322.0886S219.

7. Программа социально-экономического развития Тульской области на 2021-2026 годы. 2022. Режим доступа: URL: <https://duminteam.ru/themes/team/assets/pdf/presentationiya.pdf>.

8. Савченко Е.С., 2020 Научно-образовательный центр мирового уровня "Инновационные решения в агропромышленном комплексе" как драйвер развития региональной экономики / Е.С. Савченко, О.А. Павлова, Е.В. Журавлева // Достижения науки и техники в агропромышленном комплексе. – 2020. – Т. 34. – № 9: 5-8. – DOI 10.24411/0235-2451-2020-10901.

9. Федорова Л.А., 2020. Анализ инновационной деятельности организаций Российской Федерации / Л.А. Федорова, Т.В. Кокуйцева // Экономика и управление: проблемы, решения. – 2020. – Т. 3. – № 12(108): 60-68. – DOI 10.36871/ek.up.p.r.2020.12.03.007.)

References

1. Fedorova L.A., (2020). Analysis of Innovative Activity of Organizations of the Russian Federation / L.A. Fedorova, T.V. Kokuytseva // Economy and Management: Problems, Solutions. – 2020. – Vol. 3. – No. 12(108): 60-68. – DOI 10.36871/ek.up.p.r.2020.12.03.007. (in Russian)

2. Identification of territorial industrial clusters of Russian economy in view of their involvement into the development of the state inno-

vation policy / E. I. Dorokhova, V. M. Moskovkin, E. N. Kamishanchenko [et al.] // International Journal of Engineering and Advanced Technology. – 2019. – Vol. 8. – No 6 Special Issue 2: 1076-1082. – DOI 10.35940/ijeat.F1322.0886S219. (in Russian)

3. Innovative Development of the Russian Federation in 2020 / Scientific Research Institute – Federal Research Centre for Projects Evaluation and Consulting Services (SRI FRCEC). – URL: https://www.miiris.ru/digest/analitika_RF.pdf. (in Russian)

4. Lukasheva, N.A. Results of Monitoring the Activities of Innovation Infrastructure Facilities in the Central Federal District / N.A. Lukasheva // Science and Modernity. – 2015. – No. 38: 231-237. (in Russian)

5. On Innovation Activities and Innovation Policy in Belgorod Region: Law of Belgorod Region dated October 1, 2009 № 296. – <http://ivo.garant.ru/#/document/26365079>. (in Russian)

6. On Approval of the Strategy for the Development of Science, Technology and Innovation in Tula Region until 2030: Decree of the Government of Tula Region dated August 27, 2021 № 539. – URL: <https://docs.cntd.ru/document/574859977>. (in Russian)

7. Program of Social and Economic Development for 2021-2026 of Tula Region. – URL:

<https://duminteam.ru/themes/team/assets/pdf/prezentaciya.pdf>. (in Russian)

8. Savchenko E.S., (2020). World-Class Scientific and Educational Center “Innovative Solutions in the Agro-Industrial Complex” as a Development Driver of the Regional Economy / E.S. Savchenko, O.A. Pavlova, E.V. Zhuravleva // Achievements of Science and Technology in Agro-Industrial Complex. – 2020. – Vol. 34. – No. 9: 5-8. – DOI 10.24411/0235-2451-2020-10901. (in Russian)

9. Vasilenok V.L., (2019). About Innovative Development of the Russian Federation and the People’s Republic of China // Scientific journal NRU ITMO Series “Economics and Environmental Management”. – 2019. – No. 2: 50-65. – DOI 10.17586/2310-1172-2019-12-2-50-65. (in Russian)

Информация о конфликте интересов: авторы не имеют конфликта интересов для декларации.

Conflicts of Interest: the author has no conflict of interest to declare.

Сюй Чжэньпэн, научный исследователь, (Провинция Ляонин, г. Далянь, Китай)

Xu Zhenpeng, Scientific Researcher, (Province Liaoning, city Dalian, China)

ЭКОНОМИКА, УПРАВЛЕНИЕ И УЧЕТ НА ПРЕДПРЕЯТИИ
ECONOMICS, MANAGEMENT AND BUSINESS ACCOUTING

УДК 338.2

DOI: 10.18413/2409-1634-2022-8-1-0-5

Погребцова Е.А.

**СТРАТЕГИЧЕСКОЕ ПЛАНИРОВАНИЕ КАК ГЛАВНЫЙ
ФАКТОР СТАБИЛЬНОГО РАЗВИТИЯ ПРЕДПРИЯТИЯ**

ФБГОУ ВО «Омский государственный аграрный университет»,
ул. Институтская площадь, 1, Омск, 644008, Россия

e-mail: ea.pogrebtsova@omgau.org

Аннотация.

Одной из задач высшего руководства предприятия является принятия эффективного управленческого решения на долгосрочную перспективу, с учетом изменения во внешней и внутренней среде. В постковидный период достаточно сложно выработать методику по стабильной работе всего предприятия. Поэтому руководители должны знать и применять на практике комплекс средств и методов планирования, способствующих адаптации предприятия к сложившимся условиям. Эффективное стратегическое планирование является базой для стабильного развития предприятия.

В статье представлен анализ мнений ученых на понятие «стратегическое планирование». Особое внимание уделено элементам стратегического планирования и рассмотрены этапы на примере действующего мясоперерабатывающего предприятия. Автор предложил внедрить систему сбалансированных показателей в текущую деятельность предприятия. Это позволяет отслеживать изменения и выстраивать стратегию развития от прошлого к настоящему. В статье сформирован механизм стратегического планирования, основанный на анализе и прогнозе внешних факторов деятельности мясоперерабатывающего предприятия.

Ключевые слова: миссия, цель, этапы стратегического планирования, стратегическое планирование, система сбалансированных показателей

Информация для цитирования: Погребцова Е.А. Стратегическое планирование как главный фактор стабильного развития предприятия // Научный результат. Экономические исследования. 2022. Т. 8. № 1. С. 45-54. DOI: 10.18413/2409-1634-2022-8-1-0-5

Elena A. Pogrebtsova

STRATEGIC PLANNING AS THE MAIN FACTOR OF STABLE DEVELOPMENT OF THE ENTERPRISE

Omsk State Agrarian University, 1 Institutskaya Ploshchad, Omsk, 644008, Russia

e-mail: ea.pogrebtsova@omgau.org

Abstract. One of the tasks of the company's top management is to make an effective management decision for the long term, taking into account changes in the external and internal environment. In the post-crisis period, it is quite difficult to develop a methodology for the stable operation of the entire enterprise. Therefore, managers should know and put into practice a set of planning tools and methods that contribute to the adaptation of the enterprise to the prevailing conditions. Effective strategic planning is the basis for the stable development of the enterprise. The article presents an analysis of scientists' opinions on the concept of "strategic planning". Special attention is paid to the elements of strategic planning and the stages are considered on the example of an operating meat processing enterprise. The author proposed to introduce a system of balanced indicators into the current activities of the enterprise. This allows you to track changes and build a development strategy from the past to the present. In the article, the author describes the mechanism of strategic planning, based on the analysis and prediction of external factors of the meat processing enterprise.

Key words: mission; goal; stages of strategic planning; strategic planning; balanced scorecard

Information for citation: Pogrebtsova E. A. "Strategic planning as the main factor of stable development of the enterprise", *Research Result. Economic Research*, 8(1), 45-54, DOI: 10.18413/2409-1634-2022-8-1-0-5

Введение

Одной из функций управления является стратегическое планирование, которое является каркасом для утверждения оптимальных управленческих решений руководством предприятия. Сущность стратегического планирования заключается в выборе основных направлений производственной деятельности, приемов и методов, обеспечивающих достижение целей предприятия на длительный срок, в условиях непрерывно изменяющейся внешней среды. Особое место в создании стратегии занимает SWOT-анализ, который представляет собой оптимальный инструмент оценки качественного и предварительного состояния предприятия. Таким образом, главная цель стратегического планирования – это сформировать основные направ-

ления деятельности предприятия, которые будут способствовать стабильному развитию.

Степень стратегического планирования развития в России ниже, чем на Западе. Это связано с недостаточной компетенцией высшего руководства организаций, а также быстро изменяющейся внешней среды.

В условиях посткавидного периода мясоперерабатывающие предприятия испытывают рост себестоимости производства и продвижения продукции, а также наблюдается сокращение покупательской способности населения. Поэтому руководители предприятий испытывают потребность в методике стратегического планирования, которая должны быть адаптированы к российским условиям.

Целью научного исследования является выработка методики стратегического планирования мясоперерабатывающего предприятия, как главного фактора стабильного развития.

Методологическим вопросам стратегического планирования посвящено множество публикаций. Среди зарубежных и отечественных можно выделить работы Акоффа Р., Ансоффа И., Кинг У., Баринов В.А., Исаева Е.А., Фомин Я.А. и др. В процессе исследования применялись методы системного и сравнительного анализа.

Объектом исследования являются перерабатывающее предприятие. Предмет исследования – методика стратегического планирования.

Основная часть

Стратегическое планирование предприятия является инструментом управленческих решений. Данное планирование способствует повышению конкурентоспособности продукции и предприятия в целом. Для этого необходимо выработать методику составления стратегического плана, учитывающие индивидуальность и специфику предприятия.

Проанализируем точки зрения авторов на понятие «стратегическое планирование». Так, по мнению И. Ансоффа: «стратегическое планирование – это аналитический процесс, позволяющий определить будущее положение фирмы в зависимости от внешних условий деятельности» [Ансофф И., 1989]. Его точки зрения придерживаются ученые, которые рассматривают понятие как систему управления. Некоторые авторы рекомендуют взглянуть на понятие как «одну из функций управления, которая представляет собой процесс выбора целей организации и путей их достижения» [Дресвянников В.А., Дорофеев Е.П., Страхов Е.П., Скворцова В.А., 2019]. С позиции В.А. Баринова и В.Л. Харченко стратегическое планирование определяется как «стратегические цели развития предприятия на основе прогноза его возможностей и изменений

внешней среды, а также выработка программы действий по достижению этой цели» [Баринов В.А., Харченко В.Л., 2014].

Другие авторы изучают стратегическое планирование как процесс определяющие цели организации и их изменений, ресурсов, необходимых для их достижения, и политики, направленной на приобретение и использование этих ресурсов [Кинг У., 1982]. В.С. Ефремов изучает стратегическое планирование как процесс определения стратегии организации путем анализа стратегических позиций, исследования внутренних и внешних факторов и действий, которые могут привести к достижению, удержанию, развитию и капитализации ее конкурентных преимуществ [Ефремов В.С., 1998]. Е.А. Исаева утверждает, что стратегическое планирование – «это логический аналитический процесс определения будущего положения фирмы в зависимости от внешних условий деятельности» [Исаева Е.А., 2016].

Таким образом, стратегическое планирование является долгосрочным планированием деятельности предприятия. Его особенностью является отсутствие конкретных значений показателей, которые характеризуют конечные результаты деятельности предприятия. Оно определяет направленность и виды деятельности, периоды существования определенных видов деятельности [Руденко М.Н., Оборина Е.Д., Письменников Д.Н., 2014]. В нашем понимании, стратегическое планирование представляет собой систему знаний, относящихся к процессам определения стратегического развития предприятия.

По мнению А.А. Обухова стратегическое планирование охватывает, явления и события, которые происходят внутри и вовне предприятия. Стратегическое планирование осуществляется с помощью различных механизмов: административно-правового; структурного; экономического; организационного; информационного; финансового и др. [Обухова А.А., 2021]. Процесс стратегического планирования в своей концептуальной сущности представ-

ляет собой агрегированный набор процедур и решений, с помощью которых осуществляется разработка стратегий предприятий, обеспечивающих достижение системы целей устойчивого развития. Функционирование механизма управления и принимаемые на его основе научно обоснованные решения формируют стратегию развития предприятий, которая позволяет субъектам хозяйствования обеспечить высокий темп экономического роста [Гусев И.С., 2015].

Однако имеются причины, которые сдерживают стратегического планирования на перерабатывающих предприятиях АПК. К причинам методического характера относятся: отсутствие научно обоснованных прогнозов; планирование преимущественно методом экстраполяции; приоритет количественных показателей над ка-

чественными. Выделяются причины организационного характера: отсутствие центров прогнозирования и стратегического планирования как на уровне региона, так и на нижестоящих уровнях управления; в организационных структурах перерабатывающих предприятий АПК не предусмотрены подразделения, ответственные за разработку стратегических планов; специалисты предприятий не владеют методиками разработки стратегических планов; трудность поиска и доступа к оперативной информации о состоянии внешней среде хозяйствования; отсутствие квалифицированных кадров [Двоеглазов А.В., 2009].

Анализируя научную литературу [Васикова Е.В., 2021; Воронцова Г.В., 2020; Дохолян С.В., 2011; Мандрик А.А., 2016], выявлены основные этапы стратегического планирования (рисунок 1).

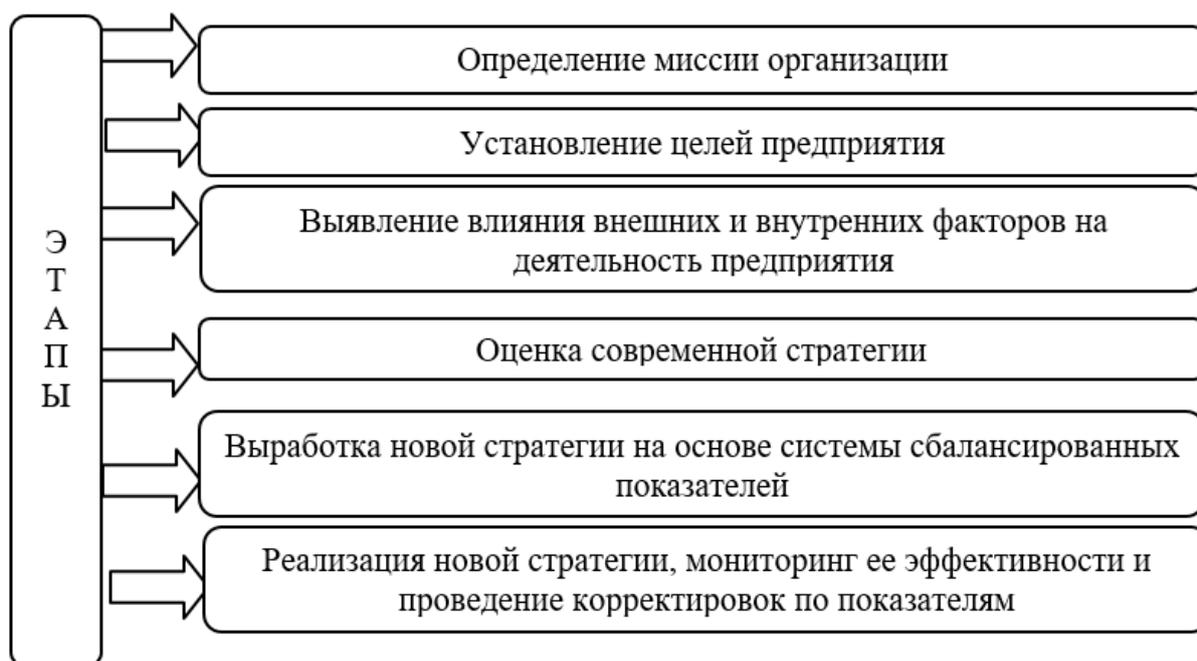

Рис. 1. Этапы стратегического планирования

Fig. 1. Stages of strategic planning

Рассмотрим этапы на конкретном предприятии ООО «Сибирский продукт», которое являющегося крупным производителем колбасных изделий на рынке Омской области. Выбор объекта исследования являются весьма актуальными, так как на предприятии отсутствует методика страте-

гического планирования. Представленные исследования могут быть использованы руководителями аналогичных предприятий.

Целью деятельности ООО «Сибирский продукт» г. Омска является получение прибыли от реализации мясной про-

дукции за счет расширения объёмов производства, доли рынка и уровня конкурентоспособности.

Миссия ООО «Сибирский продукт» – содействие полного удовлетворения потребностей населения в колбасных изделиях Омской области и ближних областей, а также более полному и эффективному использованию местных сырьевых и трудовых ресурсов.

На втором этапе стратегического планирования необходимо установить цели общества на долгосрочную перспективу, достижение которых ожидается в полном объеме или в большинстве своем. Необходимость выделения целей обусловлена тем, что это: начало управленческого

действия; база для построения критериев оценки деятельности организаций, подразделений и отдельных исполнителей [Косинова Н.Н., 2016]. Основной целью компании является получение прибыли, увеличение объемов продаж, заключение долгосрочных договоров купли-продажи, а также стабильности развития.

Третий этап заключается в проведении влияния внутренних и внешних факторов на деятельность предприятия [Евдохина О.С., 2020]. Как показывает практика, многие аналитики используют SWOT-анализ в своей деятельности. В качестве фундаментального инструмента управления организацией руководители выбирают матрицу влияние фактор (таблица 1).

Таблица 1

Влияние внешних и внутренних факторов на деятельность
 ООО «Сибирский продукт»

Table 1

The influence of external and internal factors on the activities
 of Siberian product LLC

Сильные стороны	Слабые стороны
Наличие компетентного персонала Оптимальная кадровая политика Результативный контроль качества продукции Наличие точек торговли в г. Омске	Отсутствие разнообразия ассортимента продукции Коротчайший срок реализации колбасных изделий Слабая маркетинговая политика Недостаток финансовых средств для введения инноваций
Возможности	Угрозы
Наличие новых привлекательных рынков сбыта Появление инновационных технологий Увеличение спроса на колбасные изделия Положительный рост рынка мясной продукции Тренд на экологически чистую продукцию	Рост уровня конкуренции на Омском рынке Появления новых участников на рынке с продукцией по существенно низким ценам Увеличение ввоза и использования дешёвого сырья Сокращение показателя покупательской способности населения Изменение требований и стандартов продукции на законодательном уровне

Назначение SWOT-анализа по мнению Я.А. Фомина «дать структурированное описание ситуации, относительно которой нужно принять какое-либо решение» [Фомин Я.А., 2003]. Матрица SWOT-анализа является удобным инструментом поэтапного отображения стратегических особенностей среды и организации. Внутренний анализ компании представлен сильными и слабыми сторонами. С позиции Ф. Котлера, хороший менеджер умеет выделить 5 важных внешних угроз и возможностей, при составлении SWOT-анализа [Гвозденко А.Н., 2006; Изосимов С.В., Шевченко А.Л., 2013; Кондратьева О.В., Леушкина В.В., Кузнецова Н.А., Зинич Л.В., 2021].

На функционирование ООО «Сибирский продукт» оказывает сильное влияние внешние и внутренние факторы. Стимулирующее или сдерживающее влияние внешних факторов на устойчивость общества, зависит от социально-экономической политики. Внутренняя среда общества изучалась с помощью методов экономического анализа. А также использовался метод – анализ и синтез, которые предполагают разделение экономических процессов на составные элементы, и выделения ключевых проблем развития предприятия. Анализ показывал, что ООО «Сибирский продукт» обладает высоким уровнем конкурентоспособности и имеет возможность привлекать новых потребителей мясной продукции, т.е. увеличивать долю рынка.

Следующим этапом является оценка современной стратегии организации. На данный момент времени общество использует стратегию «лидерства по затратам», поскольку мясной рынок является консервативным, что затрудняет продвижение новых продуктов. Рынок мясопродуктов очень чувствителен к ценовой политике. Создание и переход на новую стратегию

предполагает формирование рабочей группы, которая будет оценивать деятельность ООО «Сибирский продукт», определять достижение целей и проводить конкретизацию показателей стратегии. В таблице 2 прописаны специалисты, которых рекомендуется включать в эту группу. Эффективность данной группы зависит от подбора участников и обладание ими определенных компетенций [Кантемирова М.А., Дзакоев З.Л., 2015].

Главная роль отводится директору предприятия, отвечающему за создание эффективной стратегии развития предприятия. Группа должна выработать оптимальный сценарий развития организации в сложившихся условиях, а ведущий экономист должен корректировать план.

Эффективная реализация стратегического планирования считается возможным при внедрении системы сбалансированных показателей [Погребцова Е.А., 2021]. Это позволит персоналу предприятия увидеть долгосрочные цели установки и задачи в показателях. Выполнение анализа плановых и фактических результатов по системе сбалансированных показателей, способствует оценке эффективности реализуемой стратегии. На рисунке 2 представлены данные показатели для данного предприятия.

Составленный план с учетом системы сбалансированных показателей обществу позволит: достичь роста доли рынка на 6% и увеличение выручки от реализации мясной продукции на 23%; уменьшить удельные затраты на реализованную продукцию на 0,07 руб.; увеличить прибыль от реализации продукции на 1250 млн. руб. Представленная методика стратегического планирования будет содействовать повышению конкурентоспособности предприятия и способствовать стабильному его развитию в послепандемный период.

Таблица 2

Распределение должностных обязанностей работников общества
 по стратегическому планированию

Table 2

Distribution of job responsibilities of the company's employees on strategic planning

Этап стратегического планирования	Специалисты участвующие в разработке и реализации плана	Ответственный за выполнение
Стратегический анализ	Ведущий экономист, специалист по финансам, специалист по маркетингу	Ведущий экономист
Выбор оптимальной стратегии	Первый заместитель директора, зам. директора по финансам и экономике, главный инженер	Директор
Составление плана и ознакомление с ним коллектива	Специалист по финансам, все члены группы стратегического планирования	Ведущий экономист
Внесение изменений в показатели премирования персонала предприятия в соответствии с планом	Ведущий экономист	Зам. директора по финансам и экономике
Реализация стратегии развития	Все члены группы стратегического планирования	Директор
Контроль выполнения системы сбалансированных показателей	Все члены группы	Зам. директора по финансам и экономике
Корректировка стратегического плана	Все члены группы	Ведущий экономист

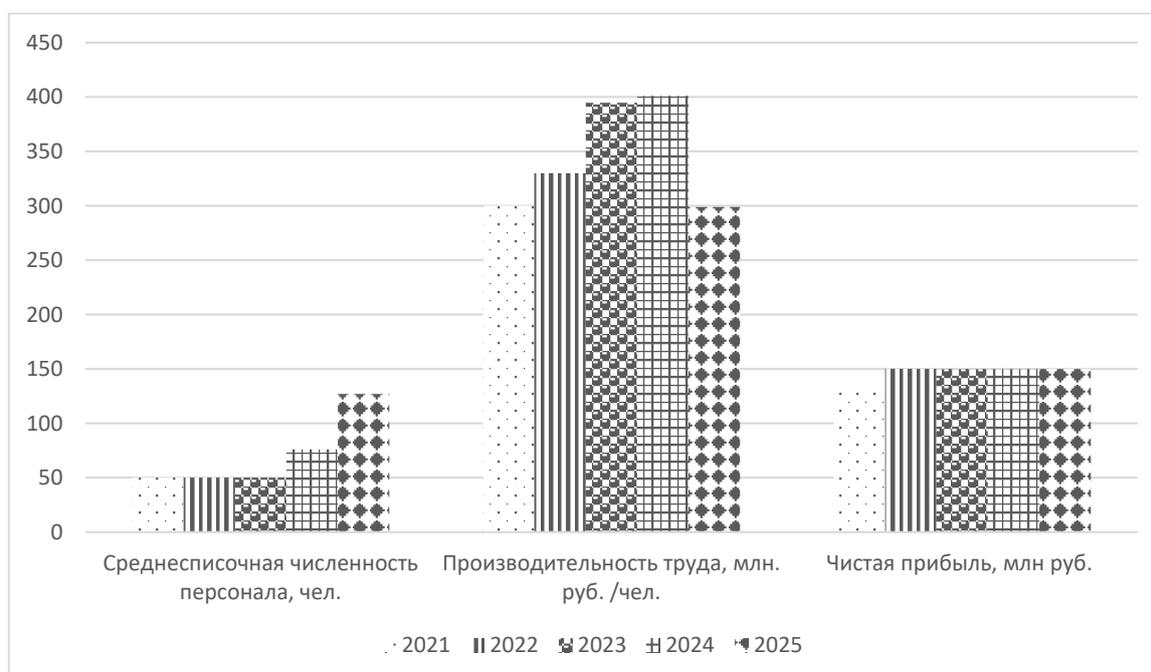

Рис. 2. Система стратегических показателей ООО «Сибирский продукт»
 Fig. 2. The system of strategic indicators of Siberian Product LLC

Заключение

Руководителю любого предприятия необходимо иметь механизм стратегического планирования, для того чтобы правильно принимать управленческие решения из имеющихся альтернатив. Главная цель данного планирования заключается в обеспечении стабильного развития предприятия.

Сформированный стратегический план предполагает постоянное видоизменение под воздействием внешней и внутренней среды. Планирование представляет собой процесс разработки и поддержания равновесия между целями и возможностями организации в изменяющихся рыночных условиях.

Следовательно, внедрение методики стратегического планирования на мясоперерабатывающем предприятии позволит стабильно развиваться, оперативно принимать решения под изменения среды, повысить количественные и качественные показатели деятельности.

Список литературы

1. Ансофф И., 1989. Стратегическое управление / И. Ансофф – М.: Экономика, 1989: 519.
2. Баринов В.А., 2014. Стратегический менеджмент: учебное пособие / В.А. Баринов, В.Л. Харченко. – М.: ИНФРА-М, 2014:285.
3. Васикова Е. В., 2021. Стратегическое планирование как фактор устойчивого развития предприятия / Е.В. Васикова // Актуальные исследования. – 2021. №25 (52): 63-65.
4. Воронцова Г.В., 2020. Развитие системы стратегического планирования промышленного предприятия / Г.В. Воронцова, А.С. Сахно // Заметки ученого. – 2020. – № 13: 159-161.
5. Гвозденко А.Н., 2006. Использование методики многофакторного SWOT-анализа для разработки стратегических направлений деятельности / А.Н. Гвозденко // Маркетинг и маркетинговые исследования. 2006. – № 4: 13-16.
6. Гусев И.С., 2015. Управление устойчивым развитием мясоперерабатывающих предприятий в реализации механизма стратегического планирования / И. С. Гусев // Вестник Воронежского государственного универ-

ситета инженерных технологий. – 2015. – № 2(64): 267-271.

7. Двоеглазов А. В., 2009. Классификация и оценка систем планирования на перерабатывающих предприятиях АПК / А. В. Двоеглазов // Вестник Марийского государственного технического университета. Серия: Экономика и управление. – 2009. – № 1(5): 49-59.

8. Дохолян С. В., 2011. Организационные аспекты процесса стратегического планирования на перерабатывающем предприятии АПК / С. В. Дохолян, З. А. Ибрагимова // Региональные проблемы преобразования экономики. – 2011. – № 2(28): 235-248.

9. Дресвянников В.А., 2019. Состояние теории и методологии управления внедрением аддитивных технологий в промышленности / В.А. Дресвянникова, В.Д. Дорофеев, Е.П. Страхов, В.А. Скворцова // Общественные науки. Экономика. – 2019. – № 2 (50): 219 – 230.

10. Евдохина О.С., 2020. Разработка конкурентной стратегии предприятия на основе корпоративной дорожной карты/ Актуальные вопросы современной экономики. 2020. № 10: 45-51.

11. Ефремов В.С., 1998. Стратегия бизнеса. Концепции и методы планирования: учебное пособие / В.С. Ефремов. – М.: Издательство «Финпресс», 1998:192.

12. Изосимов С.В., 2013. Метод SWOT-анализа: его место в методах исследования, преимущества и недостатки / С.В. Изосимов, А.Л. Шевченко // Экономикс. – 2013. – №2. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/metod-swot-analiza-ego-mesto-v-metodah-issledovaniya-preimuschestva-i-nedostatki>

13. Исаева Е.А., 2016. Стратегический менеджмент в финансово-кредитных организациях: учебное пособие / Е.А. Исаева. – М.: КНОРУС, 2016:174.

14. Кантемирова М.А., 2015. Стратегический подход к развитию предприятий перерабатывающей сферы региона / М. А. Кантемирова, З. Л. Дзакоев // Фундаментальные исследования. – 2015. – № 6-2: 355-361.

15. Кинг У., 1982. Стратегическое планирование и хозяйственная практика / У. Кинг, Д. Клиланд. – М.: Прогресс, 1982: 399.

16. Косинова Н.Н., 2016. Стратегический менеджмент. Теория и практика: Учебник / Н.Н. Коминова, С.П. Сазонов, Г.В. Федотова и

др. – Волгоград: Волгоградское научное издательство, 2016: 339.

17. Мандрик А.А., 2016. Стратегическое планирование деятельности предприятия / А.А. Мандрик // Научно-методический электронный журнал «Концепт». – 2016. – Т. 11: 1001–1005.

18. Обухова А. А., 2021. Механизм стратегического планирования и его составляющие / А. А. Обухова // Молодой ученый. –2021. – № 42 (384): 22-25.

19. Оценка стоимости человеческого капитала как инструмент устойчивого развития предприятия / О. В. Кондратьева, В. В. Леушкина, Н. А. Кузнецова, Л. В. Зинич // Актуальные вопросы современной экономики. – 2021. – № 9: 225-229.

20. Погребцова Е.А., 2021. Формирование стратегии развития научно-производственного предприятия на основе системы сбалансированных показателей / Е. А. Погребцова // Столыпинский вестник. – 2021. – Т. 3. – № 3.

21. Руденко М.Н., 2014. Стратегическое планирование: учеб. пособие / М.Н. Руденко, Е.Д. Оборина, Д.Н. Письменников; Перм. гос. нац. исслед. ун-т. – Пермь, 2014: 96 с.

22. Фомин Я.А., 2003. Диагностика кризисного состояния предприятия: Учеб. пособие для вузов / Я.А. Фомин. – М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2003: 349.

References

1. Ansoff I., (1989). Strategic Management / I. Ansoff. – М.: Economics, 1989: 519. (in Russian).

2. Barinov V.A., (2014). Strategic management: a textbook / V.A. Barinov, V.L. Kharchenko. – М.: INFRA-M, 2014: 285. (in Russian).

3. Vasikova E.V., (2021). Strategic planning as a factor of sustainable development of the enterprise / EV Vasikova. Vasikova // Current research. – 2021. №25 (52): 63-65. (in Russian).

4. Vorontsova G.V., (2020). Development of the system of strategic planning of an industrial enterprise / G.V. Воронцова, А.С. Sakhno // Notes of a scientist. – 2020. – № 13: 159-161. (in Russian).

5. Gvozdenko A.N., (2006). The use of multifactor SWOT-analysis methods for the development of strategic activities /

A.N. Gvozdenko // Marketing and marketing research. 2006. – № 4: 13-16. (in Russian).

6. Gusev I.S., (2015). Management of sustainable development of meat processing enterprises in the implementation of the mechanism of strategic planning / IS Gusev // Bulletin of the Voronezh State University of Engineering Technologies. – 2015. – № 2 (64): 267-271. (in Russian).

7. Dvoeglazov A.V., (2009). Classification and evaluation of planning systems at processing enterprises of agro-industrial complex / AV Dvoeglazov // Bulletin of the Mari State Technical University. Series: Economics and Management. – 2009. – № 1 (5): 49-59. (in Russian).

8. Dokholyan S.V., (2011). Organizational aspects of the process of strategic planning in the processing enterprise of agriculture / SV Dokholyan, ZA Ibragimova // Regional problems of economic transformation. – 2011. – № 2 (28): 235-248. (in Russian).

9. Dresvyannikov V.A., (2019). State of the theory and methodology of management of the introduction of additive technologies in industry / V.A. Dresvyannikova, VD Dorofeev, E.P. Strahov, B.A. Skvortsova // Social Sciences. Economics. – 2019. – № 2 (50): 219 – 230. (in Russian).

10. Evdokhina O.S., (2020). Development of a competitive strategy of the enterprise on the basis of a corporate road map / Current issues of modern economy. 2020. № 10: 45-51. (in Russian).

11. Efremov V.S., (1998). Business strategy. Concepts and methods of planning / Textbook / V.S. Efremov. – Moscow: Finpress Publishing House, 1998: 192. (in Russian).

12. Izosimov S.V., (2013). Method of SWOT-analysis: its place in research methods, advantages and disadvantages / S.V. Izosimov, A.L. Shevchenko // Economics. – 2013. – №2. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/metod-swot-analiza-ego-mesto-v-metodah-issledovaniya-preimuschestva-i-nedostatki/>(in Russian).

13. Isaeva E.A., (2016). Strategic management in financial and credit organizations: a textbook / E.A. Isaeva. – М.: KNORUS, 2016: 174. (in Russian).

14. Kantemirova M.A., (2015). Strategic approach to the development of enterprises in the processing sphere of the region / MA Kantemirova, ZL Dzakov // Fundamental research. – 2015. – № 6-2: 355-361. (in Russian).

15. King W., (1982). Strategic planning and business practice / W. King, D. Cleland. – М.: Progress, 1982: 399. (in Russian).

16. Kosinova N.N., (2016). Strategic management. Theory and practice: Textbook / H.H. Kominova, SP Sazonov, GV Fedotova et al. – Volgograd: Volgograd Scientific Publishing House, 2016: 339. (in Russian).

17. Mandrick A.A., (2016). Strategic planning of enterprise activity / A.A. Mandrik // Scientific and methodical electronic journal "Concept". – 2016. – V. 11: 1001–1005. (in Russian).

18. Obukhova A.A., (2021). Mechanism of strategic planning and its components / AA Obukhova // Young scientist. – 2021. – № 42 (384): 22-25. (in Russian).

19. Estimation of the cost of human capital as an instrument of sustainable development of the enterprise / OV Kondratieva, VV Leushkina, NA Kuznetsova, LV Zinich // Current issues of modern economy. – 2021. – № 9: 225-229. (in Russian).

20. Pogrebtsova E.A., (2021). Formation of the strategy of development of research and production enterprise based on a system of balanced indicators / EA Pogrebtsova // Stolypin Herald. – 2021. – Vol. 3. – № 3. (in Russian).

21. Rudenko M.N., (2014). Strategic planning: textbook. allowance / M.N. Rudenko, E.D. Oborina, D.N. Writers; Perm. state nat. research. un-t. – Perm, 2014: 96. (in Russian).

22. Fomin J.A., (2003). Diagnosis of the crisis state of the enterprise: Textbook. allowance for universities / Ya.A. Fomin. – М.: UNITI-DANA, 2003: 349. (in Russian).

Информация о конфликте интересов: авторы не имеют конфликта интересов для декларации.

Conflicts of Interest: the author has no conflict of interest to declare.

Погребцова Елена Александровна, доцент, кандидат экономических наук, доцент кафедры менеджмента и маркетинга экономического факультета, ФБГОУ ВО «Омский государственный аграрный университет» (Омск, Россия)

Elena A. Pogrebtsova, Associate Professor, Candidate of Economic Sciences, Associate Professor of the Department of Management and Marketing of the Faculty of Economics, Omsk State Agrarian University (Omsk, Russia)

УДК 65.01

DOI: 10.18413/2409-1634-2022-8-1-0-6

Щетинина Е. Д.,
Кочина С. К.

**ОЦЕНКА КОМПЕТЕНТНОСТИ ПРЕДПРИЯТИЯ
НА ОСНОВЕ КЛЮЧЕВЫХ БИЗНЕС-КОМПЕТЕНЦИЙ**

Белгородский государственный технологический университет им. В.Г. Шухова,
ул. Костюкова, д. 46, г. Белгород, 308012, Россия

e-mail: swetakochina@yandex.ru

Аннотация. Обострение конкурентной борьбы на отраслевых рынках, соперничество за постоянных потребителей, присутствие главенствующей роли и положения у потребителя – он диктует, что производить и каким образом этот товар (услугу) преподнести – все эти факторы ставят непростой вопрос выживания и функционирования в долгосрочной перспективе. Помочь решить данные проблемы может концепция ключевых бизнес-компетенций предприятия. Она призвана определить, правильно сформировать процесс развития и управления требуемыми конкурентными преимуществами, которые, как раз, и создаются при использовании ключевых бизнес-компетенций. В итоге, это даст возможность предприятию сформировать дополнительную потребительскую ценность своей продукции в виде уникальных товаров (услуг), высокого качества, высокого сервиса и дополнительных возможностей для клиентов. В статье приведены теоретические основы понятия «ключевые компетенции», опираясь на исторически-эволюционный аспект развития научной мысли. Также представлена структура ключевых бизнес-компетенций предприятия, описано их содержание.

На сегодняшний момент нет четкого алгоритма, методики оценки компетентности предприятия, с учетом имеющихся у него ключевых компетенций. Нами приведена методика такой оценки с выявлением уровня компетентности предприятия, базирующейся на методе экспертных оценок. Апробирована разработанная методика на примере Агропромышленного холдинга «Зеленая Долина» (г. Белгород).

Методологической основой исследования являются методы теоретического обобщения, системного анализа, анализа и синтеза и другие, которые были использованы для обработки информации.

Ключевые слова: ключевая бизнес-компетенция, компетентность предприятия, структура ключевых бизнес-компетенций, оценка компетентности предприятия

Информация для цитирования: Щетинина Е. Д., Кочина С. К. Оценка компетентности предприятия на основе ключевых бизнес компетенций // Научный результат. Экономические исследования. 2022. Т. 8. № 1. С. 55-64. DOI: 10.18413/2409-1634-2022-8-1-0-6

Ekaterina D. Schetinina,
Svetlana K. Kochina

ASSESSMENT OF THE COMPETENCE OF THE ENTERPRISE BASED ON KEY BUSINESS COMPETENCIES

Shukhov Belgorod State Technological University
46 Kostyukov St., Belgorod, 308012, Russia

e-mail: swetakochina@yandex.ru

Abstract. The intensification of competition in industry markets, competition for regular consumers, the presence of the dominant role and position of the consumer – ерун dictate what to produce and how to present this product (service) – all these factors pose a difficult question of survival and functioning in the long term. The concept of the company's key business competencies can help solve these problems. It is designed to determine, correctly form the process of development and management of the required competitive advantages, which are precisely created when using key business competencies. As a result, this will enable the company to generate additional consumer value of its products in the form of unique goods (services), high quality, high service and additional opportunities for customers. The article presents the theoretical foundations of the concept of "key competencies", based on the historical and evolutionary aspect of the development of scientific thought. The structure of the key business competencies of the enterprise is also presented, their content is described.

At the moment, there is no clear algorithm, methodology for assessing the competence of an enterprise, taking into account its existing key competencies. We provide a methodology for such an assessment with the identification of the level of competence of the enterprise based on the method of expert assessments. The developed methodology has been tested on the example of the Agro-industrial holding «Green Valley» (Belgorod).

The methodological basis of the research is the methods of theoretical generalization, system analysis, analysis and synthesis, and others that were used for information processing.

Key words: key business competence; competence of the enterprise; structure of key business competencies; assessment of the competence of the enterprise

Information for citation: Schetinina E.D., Kochina S. K. "Assessment of the competence of the enterprise based on key business competencies", *Research Result. Economic Research*, 8(1), 55-64, DOI: 10.18413/2409-1634-2022-8-1-0-6

Введение

Стадия современного экономического развития постиндустриального общества представляет собой феномен интеграции новой и цифровой экономики, т.е. сочетание (совмещение) инноваций, знаний и интеллектуально-цифровых технологий. Возникают новые перспективные возможности и условия для развития предприни-

мательского сектора, вместе с тем, возрастает динамика и острота рыночной конкуренции.

Благодаря таким тенденциям весьма актуальным перед руководством предприятия становится процесс поиска источников устойчивых конкурентных преимуществ, позиционируемые как постоянное превосходство над конкурентами (напри-

мер, выпуск инновационного товара, применение цифрового маркетинга, высокая цифровая активность и др.) [Sergeev A., Babkin E., 2015].

Как показал анализ теоретических подходов к определению конкурентных преимуществ в стратегическом развитии предприятия, своеобразным фундаментом, нацеленным на формирование его устойчивых конкурентных качеств, будут являться ключевые бизнес-компетенции предприятия (управляемые параметры внутренней среды).

Таким образом, все это определяет для отечественных предприятий актуальность проблемы исследования возможностей формирования и сохранения устойчивых конкурентных преимуществ – ключевых бизнес-компетенций (КБК). Несомненно, перспективы формирования таких компетенций имеют разную степень вероятности на успех для разных организаций, при этом основополагающими факторами можно назвать тип модели отраслевого рынка, а также организационно-структурные и материально-технологические черты развития отрасли [Kuznetsova E.Yu., Podoliak O.O., Albasha T., 2020].

Исходя из вышесказанного, отметим, что целью данной статьи является обоснование необходимости формирования и оценки (диагностики) ключевых бизнес-компетенций предприятия для создания стратегических, устойчивых конкурентных преимуществ.

Основная часть

Теоретические основы категории «ключевые компетенции» следует рассматривать, отталкиваясь от истоков развития данной концепции, лежащих в теории конкурентных преимуществ и цепочке ценностей М.Ю. Портера; ресурсном подходе В.С. Катькало; теоретической эволюции этого понятия (Г. Хэмел и К.К. Прахалад); а также изучая современное трактование ключевых компетенций и критическую реакцию в отношении них.

Разработанная М.Ю. Портером теория о конкурентных преимуществах послужила толчком для создания концепции ключевых компетенций предприятия. Основным инструментом данной теории является цепочка ценностей, способная привести к формированию устойчивых конкурентных преимуществ фирмы, а также к эффективному функционированию на рынке.

Следует отметить, что Портер проводил свои исследования в основном на макроуровне, а ряд других представителей теории конкурентных преимуществ (И. Ансофф, О.С. Виханский, Ф. Котлер, И. Липсиц, Г. Минцберг, Т. Питерс, Д. Тис и др.) акцентировали свое внимание на микроуровне – фирмы, организации. Таким образом, «ядром» в их исследованиях стал стратегический аспект: определение сравнительной важности внутренних и внешних источников конкурентных преимуществ [Белякова Г.Я., Сумина Е.В., 2010].

В рамках ресурсного подхода, представителем которого является В.С. Катькало, получили свое дальнейшее развитие концепция ключевых компетенций и сам компетентностный подход. Видоизменяя стратегическое планирование и менеджмент в условиях принципиальных и кардинальных преобразований внешней среды и самой философии предпринимательства, ресурсные теории находятся в постоянном поиске конкурентного преимущества для предприятия, которое обеспечит ему устойчивость в бизнес-сообществе [Катькало В.С., 2002].

Обращение внутрь себя с целью определения собственных качеств (компетенций) является неотъемлемым элементом самоанализа предприятия для того, чтобы понять свою новую сущность и состояние, что, в конечном счете, позволит добиться синергетического эффекта от сочетания всех элементов организационной структуры. Считается, что модели такого анализа получили свое развитие в рамках научной школы ресурсов, способностей и компетенций [Клейнер Г.Б., 2011].

В общем понимании под ключевыми (основополагающими) бизнес-компетенциями предприятия понимаются исключительные параметры внутренней среды, которые конкурентам сложно (чаще всего – невозможно) скопировать, также они основываются на эффективном взаимодействии элементов материально-технического, информационно-коммуникационного, человеческого и организационного капитала, преобразующие факторы временного конкурентного преимущества в более стабильные и стратегически нацеленные отличительные особенности.

Г. Хэмел и К.К. Прахалад по праву можно считать последователями концепции ключевых компетенций, также благодаря им категория «ключевые концепции» получила весьма широкое применение в научных кругах, а именно, в теории управления конкурентоспособностью организации, стратегическом управлении, анализе деятельности фирмы и др. [Prahalad С.К., Hamel G., 1990]. Ученые предложили заменить уже известные традиционные методы управления организацией новыми понятиями и приемами. Они говорят о том, что для формирования стабильного отраслевого рынка, установления конкурентных преимуществ предприятия необходимо апеллировать и принимать во внимание такие элементы стратегического менеджмента, как развитие отраслевого предвидения, поиск рычаговых ресурсов, т.е. компетенций, формирование стратегической архитектуры и стратегического намерения. Исходя из этого, в этой научной парадигме концепция ключевых компетенций исполняет роль связующего звена на пути обеспечения ресурсного потенциала предприятия. Ключевые компетенции обеспечивают ему стабильное и опережающее развитие в отношении конкурентов в масштабах национального экономического пространства.

Проблеме определения эффективности управления компетенциями посвящены работы О.В. Арманской. По мнению автора, эффективность использования и управления ключевых бизнес-компетенций в большинстве своем зависит от условий и факторов внешней среды предприятия. Также О.В. Арманская установила, что компетенции, неэффективные в одних условиях, могут быть эффективными в других, и наоборот [Арманская О.В., 2008]. Следовательно, оценка эффективности компетенций должна иметь постоянный характер и позиционироваться, как элемент обратной связи в механизме управления компетенциями и всей организации.

В работах И.А. Ханькова, Д.В. Горбунова и В.О. Соколова рассмотрены теоретические аспекты развития предпринимательского сектора путем управления компетенциями предприятия, описаны подходы и разработаны методики выявления и ранжирования компетенций с использованием метода экспертных оценок [Yemelyanov T.V., Tubaltseva S.A., 2017].

В научных кругах есть и критики концепции ключевых бизнес-компетенций. Так, например, Я. Тернер считает, что данная концепция не дает ясной и отчетливой картины имеющихся сильных сторон у предприятия. В качестве критики некоторые ученые указывают на недостаточный анализ внешних параметров хозяйствующего субъекта в создании конкурентных преимуществ [Vasilyeva M., 2020].

Мы же придерживаемся той позиции, что успешное стратегическое развитие предприятия в большой степени определяется внутренними, сложно подражаемыми партнерами и конкурентами, различного рода ресурсами, способностями и технологиями. Это, как раз, и предполагает применение устойчивых конкурентных преимуществ на основе ключевых бизнес-компетенций. Ведь одной из задач управ-

ления предприятием является поиск, установление и использование его уникальных, специфических особенностей, т.е. ключевых бизнес-компетенций, которые в дальнейшем будут рассматриваться как фундаментальные элементы для укрепления имеющихся рыночных позиций, завоевания новых отраслевых ниш, и в целом для усиления конкурентных преимуществ.

Наряду с категорией «ключевые компетенции» используется такое понятие, как компетентность предприятия.

Под компетентностью будем подразумевать систему ключевых бизнес-компетенций предприятия, которая предоставляет ему возможность позиционировать себя как успешного и стратегически нацеленного рыночного игрока. Таким образом, каждая из компетенций рассматривается, как отдельный элемент всей компетентности предприятия.

По своей сущности и содержанию ключевые бизнес-компетенции формируют стратегический потенциал организации, который, несомненно, необходим для долгосрочного и эффективного ее функционирования. Но для руководства предприятия важно не только сформировать этот потенциал, но и грамотно его реализовать, получив определенные выгоды для всех заинтересованных сторон.

Существуют определенные черты ключевых бизнес-компетенций:

- способность изменяться и адаптироваться под новые требования отраслевого рынка;

- высокая степень уникальности и исключительности, что будет невозможно повторить (скопировать) со стороны конкурентов;

- своевременность, важность, соответствие стратегической концепции развития предприятия и его миссии;

- корреляция с тенденциями рынка;

- прозрачность, четкость в определении сущности и цели компетенции;

- основанием для создания бизнес-компетенции должны служить информация и знания;

- взаимосвязь с несколькими видами бизнес-процессов предприятия;

- значимость и ценность для потребителей и для самого предприятия;

- для формирования новой бизнес-компетенции не исключается возможность партнерства (сотрудничества) со стейкхолдерами, как в краткосрочном, так и долгосрочном разрезе.

На практике ключевыми бизнес-компетенциями могут стать:

- знание потребностей отраслевого рынка и возможность получать эти сведения и правильно ими распоряжаться;

- возможность своевременно и эффективно реализовать на практике предложения, необходимые рынку;

- способность постоянно наращивать и развивать свой стратегический потенциал.

На рисунке 1 представлен структурный состав КБК предприятия.

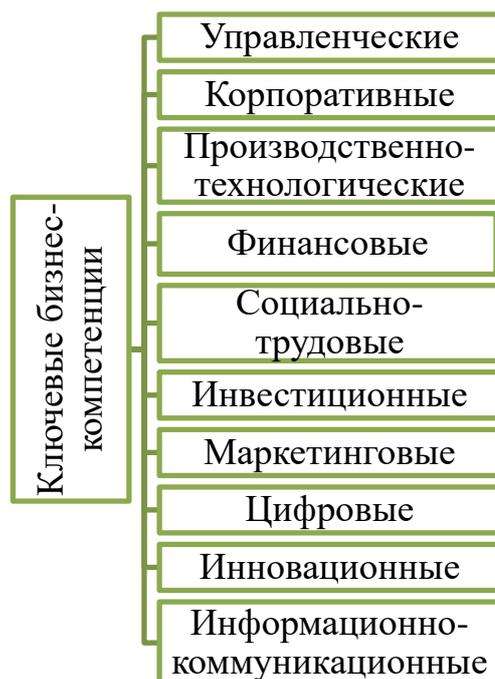

Рис. 1. Структура ключевых бизнес-компетенций предприятия

Fig 1. The structure of the company's key business competencies

Примечание – Источник: собственная разработка.

Рассмотрим более подробно каждый из составных элементов КБК предприятия:

- управленческие компетенции содержат в себе следующие аспекты: создание и управление командой, распределение полномочий, способность быстро реагировать на изменение рыночной ситуации;

- корпоративные – ориентация на стратегию и миссию, нацеленность на саморазвитие, корпоративная культура;

- производственно-технологические – гибкость производства, наличие современных технологий производства, рациональное использование материально-ресурсного обеспечения, высокая степень использования мощностей;

- финансовые характеризуются уровнем финансовой грамотности, грамотное управление денежными средствами, управление финансовыми рисками, управление стоимостью и структурой капитала;

- социально-трудовые – социальная активность предприятия, ориентир на клиента, защита прав работника, привлечение квалифицированного персонала, уровень

профпригодности персонала;

- инвестиционные – инвестиционная привлекательность, инвестиционная активность, разработка и внедрение проектов;

- маркетинговые – маркетинг отношений, сила бренда, креативность способность создавать эффективную рекламу;

- цифровые – применение современных цифровых технологий, цифровая активность;

- инновационные – инновационный потенциал, инновационная активность;

- информационно-коммуникационные – система и качество обмена информацией, способы сбора, анализа и хранения информации.

Большинство ученых-экономистов полагают, что выявление ключевых бизнес-компетенций у предприятия порой является сложной задачей как для самого его руководства, так и для экспертов, иных заинтересованных лиц. В связи с этим и нужна четкая методика определения КБК и их диагностики.

Имеющиеся методы к определению ключевых бизнес-компетенций в своей основе опираются на осуществлении оценки ресурсной базы предприятий, т.е. проведения полного ресурсного анализа и определения источников потенциальных конкурентных преимуществ. В каждом случае проведения диагностики на том или ином предприятии, при анализе ресурсов на их соответствие ключевым бизнес-компетенциям, должны предварительно быть определены и обозначены, возможно более точно, требования клиентов к товару (услуге) [Рудычев А.А., Лычев А.Ю., 2014].

В итоге, многие ученые пришли к выводу о том, что в современных социально-экономических и нестабильных условиях рыночной конъюнктуры процесс (методика) определения ключевых бизнес-компетенций является весьма трудным, также итог этого процесса во многом зависит от субъективного подхода экспертов в конкретной области предпринимательской деятельности. Этот аспект демонстрирует,

что в целом развитие ресурсного взгляда на природу предприятия зашло в тупик, т.к. нет четкой методики выявления КБК [Shubin O.O., Guseva O.I., 2014].

На сегодняшний момент продолжают поиски в разрезе разработок методик выявления и оценки КБК, что находит отражение в работах различных авторов (А.И. Каширин, С.Б. Моисеев, Е.М. Коростелева, Т.А. Гилева, Д.Ж.К. Стратман, А.В. Рот). Этот факт еще раз подчеркивает актуальность разработки такой методики (алгоритма) выявления ключевых бизнес-компетенций предприятия, а также их оценки.

Представим методику оценки уровня компетентности предприятия. Нами предлагается воспользоваться методом экспертных оценок в отношении всех десяти КБК, шкала оценивания составляет от 0 до 3 баллов (Таблица 1).

Приведем результаты оценку ключевых бизнес-компетенций Агропромышленного холдинга «Зеленая Долина» по итогам 2021 г. (рисунок 2).

Таблица 1

Шкала оценки ключевых бизнес-компетенций

Table 1

Scale of assessment of key business competencies

Балл	Характеристика
0	Отсутствует проявление компетенции
От 0 до 1	Компетенция проявляется лишь на базовом (начальном) уровне; она не является сильной стороной организации; необходимо усилить ее развитие
От 1 до 2	Компетенция выражена на достаточном уровне, большинство характеристик и показателей являются сильными сторонами предприятия, они носят позитивный характер, характеризуются незначительными негативными проявлениями; некоторые элементы компетенции нуждаются в усилении
От 2 до 3	Компетенция проявляется на высоком уровне, является сильной стороной предприятия. Большинство составных элементов носят положительный результат

Рис. 2. Уровень ключевых бизнес-компетенций
 Агропромышленного холдинга «Зеленая Долина»

Fig.2. The level of key business competencies of the Green Valley Agro-industrial Holding

Примечание – Источник: собственная разработка.

Полученные результаты по анализируемому объекту демонстрируют о наиболее развитых корпоративных, производственно-технологических, финансовых компетенциях, хотя и они не лишены изъянов, что требует пересмотра решений по их развитию. Слабыми КБК являются инновационные, инвестиционные и цифровые – здесь уже необходимо руководству прибегнуть к радикальным управленческим решениям и воздействиям, с целью их позитивного развития.

Чтобы оценить уровень компетентности организации необходимо воспользоваться следующей формулой 1:

$$УК = \frac{\sum КБК_j}{n}, \quad (1)$$

где УК – уровень компетентности;
 КБК_j – оценка ключевых бизнес-компетенций;
 n – количество ключевых бизнес-компетенций.

На основе этой методики можно выявить уровни компетентности предприятия:

- поверхностный – от 0 до 1;
- средний – от 1 до 2;
- высокий – от 2 до 3.

Возвращаясь к нашему примеру, определим согласно формуле 1 уровень компетентности Агропромышленного холдинга «Зеленая Долина»:

$$УК = \frac{2 + 2,3 + 2,4 + 2,1 + 1,9 + 0,7 + 1,8 + 0,6 + 0,5 + 1,3}{10} = 1,6 \quad (2)$$

Полученный результат свидетельствует о том, что на данном предприятии средний уровень компетентности. Для того

чтобы выйти на более высокий уровень руководству необходимо усилить инновационную и инвестиционную деятельность

(разрабатывать и реализовывать свои бизнес-проекты, выступать участником в реализации партнерских проектов, усилить инновационную активность). Что касается еще одного слабого звена – цифровых компетенций – здесь необходимо уделить внимаю цифровой активности предприятия. А именно внедрять использование современных цифровых технологий, облачных сервисов, успешное продвижение веб-сайта, организовать присутствие предприятия в социальных медиа).

Заключение

В концепции ключевых бизнес-компетенций аргументирована достижимость устойчивых конкурентных преимуществ предприятия за счет правильного выбора таких ключевых компетенций, а также за счет эффективного использования и управления ими в долгосрочной перспективе, ориентированной на выполнение стратегических задач на конкретном отраслевом рынке.

Источники устойчивых конкурентных преимуществ предприятий в современных реалиях разумно формировать на базе умений и возможностей руководства преобразовывать уникальные технологии, производственные навыки и организационные способности в ключевые бизнес-компетенции, что, в конечном итоге, позволит создать надлежащий потенциал, необходимый для сохранения рыночной позиции, своевременного приспособления к изменяющимся условиям внешней и внутренней среды.

Представленная методика оценки КБК предприятия позволяет выявить слабые и сильные стороны в развитии и использовании конкурентных преимуществ, т.е. компетенций; итоги оценки подталкивают руководство пересмотреть стратегию развития организации и к усилению тех или иных ключевых бизнес-компетенций.

Определенную ключевую компетенцию могут иметь практически все рыночные игроки, и это не зависит от владения ими конкурентного преимущества, а вот

отсутствие некой компетенции может привести к негативным последствиям (вплоть до ухода с рынка). Таким образом, ключевая бизнес-компетенция призвана обеспечить долгосрочное и стратегическое функционирование предприятия в отрасли за счет своей исключительности и неповторимости, одновременно являясь источником создания конкурентных преимуществ.

Список литературы

1. Арманская О.В., 2008. Развитие ключевых компетенций как основа современного подхода к обеспечению конкурентоспособности предприятий в инновационной экономике // Вестник Астраханского государственного технического университета. 2008. № 4 (45): 7–13.
2. Белякова Г.Я., Сумина Е.В., 2010. Формирование устойчивых конкурентных преимуществ компании на основе концепции ключевых компетенций // Региональная экономика: теория и практика. 2010. № 41 (176): 32–39.
3. Каткало В.С., 2002. Ресурсная концепция стратегического управления: генезис основных идей и понятий // Вестник С.-Петерб. ун-та. Серия: Менеджмент. 2002. Вып. 4: 20–42.
4. Клейнер Г.Б., 2011. Ресурсная теория системной организации экономики // Российский журнал менеджмента. 2011. Т. 9. № 3: 3–28.
5. Рудычев А.А., Лычев А.Ю., 2014. Методы оценки эффективности функционирования предприятий // Вестник БГТУ им. В.Г. Шухова. 2014. № 3: 120–124.
6. Kuznetsova E.Yu., Podoliak O.O., Albashta T., 2020. Specifics of the key competences contours for the industrial enterprises // In the collection: Proceedings of the International Scientific Conference «FarEastCon» (ISCFEC 2020). Vladivostok. 2020: 2540–2546.
7. Prahalad C.K., Hamel G., 1990. The core competence of the corporation // Harvard business review. 1990. Vol. 68. № 3: 79–91.
8. Sergeev A., Babkin E., 2015. Towards competence-based enterprise restructuring using ontologies // Lecture Notes in Business Information Processing. 2015. Т. 211:34–46.
9. Shubin O.O., Guseva O.I., 2014. Methodological principles in defining the competence

readiness of enterprise for strategic changes // Actual Problems of Economics. 2014. Vol. 151. № 1: 246-255.

10. Vasilyeva M., 2020. Modern theoretical and methodological approaches of foreign researchers to the study of core competence // Economics and innovations management. 2020. №1 (100) [Electronic journal].

11. Yemelyanov T.V., Tubaltseva S.A., 2017. Competence estimation as a crucial component of enterprise management system // Economics: the realities of time. 2017. № 1 (29): 48-54.

References

1. Armanskaya O.V., (2008). Development of key competencies as the basis of a modern approach to ensuring the competitiveness of enterprises in an innovative economy // Bulletin of the Astrakhan State Technical University. 2008. No 4 (45). pp. 7–13. (in Russian).

2. Belyakova G.Ya., Sumina E.V., (2010). Formation of sustainable competitive advantages of the company based on the concept of key competencies // Regional economy: theory and practice. 2010. No 41 (176). pp. 32-39. (in Russian).

3. Katkalo V.S., (2002). Resource concept of strategic management: the genesis of the main ideas and concepts // Bulletin of St. Petersburg University. Series: Management. 2002. Vol. 4. pp. 20-42. (in Russian).

4. Kleiner G.B., (2011). Resource theory of the systemic organization of the economy // Russian Journal of Management. 2011. Vol. 9. No 3. pp. 3-28. (in Russian).

5. Kuznetsova E.Yu., Podoliak O.O., Albasha T., (2020). Specifics of the key competences contours for the industrial enterprises // In the collection: Proceedings of the International Scientific Conference «FarEastCon» (ISCFEC 2020). Vladivostok. 2020: 2540-2546. (in Russian).

6. Prahalad C.K., Hamel G., (1990). The core competence of the corporation // Harvard business review. 1990. Vol. 68. № 3: 79-91.

7. Rudychev A.A., Lychev A.Yu., (2014). Methods of assessing the effectiveness of the functioning of enterprises // Bulletin BSTU of the V.G. Shukhov. 2014. No 3. pp. 120-124. (in Russian).

8. Sergeev A., Babkin E., (2015). Towards competence-based enterprise restructuring using ontologies // Lecture Notes in Business Information Processing. 2015. Vol. 211: 34-46.

9. Shubin O.O., Guseva O.I., (2014). Methodological principles in defining the competence readiness of enterprise for strategic changes // Actual Problems of Economics. 2014. Vol. 151. № 1: 246-255. (in Russian).

10. Vasilyeva M., (2020). Modern theoretical and methodological approaches of foreign researchers to the study of core competence // Economics and innovations management. 2020. № 1 (100) [Electronic journal].

11. Yemelyanov T.V., Tubaltseva S.A., (2017). Competence estimation as a crucial component of enterprise management system // Economics: the realities of time. 2017. № 1 (29): 48-54.

Информация о конфликте интересов: авторы не имеют конфликта интересов для декларации.

Conflicts of Interest: the authors have no conflict of interest to declare.

Щетинина Екатерина Даниловна, профессор, доктор экономических наук, заведующая кафедрой маркетинга Белгородского государственного технологического университета им. В.Г. Шухова (г. Белгород, Россия)

Ekaterina D. Schetina, Professor, Doctor of Economic Sciences, Head of the Department of Marketing, Shukhov Belgorod State Technological University (Belgorod, Russia)

Кочина Светлана Константиновна, доцент, кандидат экономических наук, доцент кафедры теории и методологии науки Белгородского государственного технологического университета им. В.Г. Шухова (г. Белгород, Россия)

Svetlana K. Kochina, Associate Professor, Candidate of Economic Sciences, Associate Professor of the Department of Theory and Methodology of Science, Shukhov Belgorod State Technological University (Belgorod, Russia)

УДК 338.46:37

DOI: 10.18413/2409-1634-2022-8-1-0-7

Тогба Стефани Сарах

**ОБЗОР МАЛЫХ ИННОВАЦИОННЫХ ПРЕДПРИЯТИЙ
ВУЗОВ – ЛИДЕРОВ МОСКОВСКОГО МЕЖДУНАРОД-
НОГО РЕЙТИНГА «ТРИ МИССИИ УНИВЕРСИТЕТА»
ЗА 2021 ГОД**

Белгородский государственный технологический университет им. В.Г. Шухова
ул. Костюкова 46, г. Белгород, 308012, Россия

e-mail: stephanietogba@gmail.com

Аннотация.

В статье представлены существенные характеристики малого инновационного предприятия, цель его формирования. Представлен обзор деятельности трех российских университетов, которые являются лидерами в рейтинге трех университетских миссий Москвы (MosIUR). Этими университетами являются Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова (19-е место), Санкт-Петербургский университет (36-е место) и Московский физико-технический институт (44-е место). Для сравнения, проводится обзор малых инновационных компаний Белгородского государственного технологического университета (БГТУ) имени В.Г. Шухова и Белгородского государственного национального исследовательского университета (НИУ «БелГУ») проводится. Автор приходит к выводу, что, несмотря на то, что эти региональные вузы не входят в число лидеров рейтинга, они характеризуются высоким уровнем инновационной активности.

Ключевые слова: инновация, малое инновационное предприятие, университет, рейтинг

Информация для цитирования: Тогба Стефани Сарах Обзор малых инновационных предприятий ВУЗов - лидеров Московского международного рейтинга «Три миссии университета» за 2021 год // Научный результат. Экономические исследования. 2022. Т. 8. № 1. С. 65-73. DOI: 10.18413/2409-1634-2022-8-1-0-7

Togba Stephanie
Sarah

**OVERVIEW OF SMALL INNOVATIVE BUSINESSES
OF UNIVERSITIES –LEADERS OF THE MOSCOW
INTERNATIONAL RANKING “THREE UNIVERSITY
MISSIONS” FOR 2021**

Shukhov Belgorod State Technological University
46 Kostyukov St., Belgorod, 308012, Russia

e-mail: stephanietogba@gmail.com

Abstract.

The article presents the essential characteristics of a small innovative enterprise, the purpose of its formation. An overview of the activities of three Russian universities, which are leaders in Moscow Three University Missions Ranking (MosIUR), is provided. These universities are Lomonosov Moscow State University (19th place),

St. Petersburg University (36th place), and Moscow Institute of Physics and Technology (44th place). For comparison, a review of small innovative companies of Shukhov Belgorod State Technological University (BSTU) and Belgorod State National Research University (NRU BelSU) is conducted. The author concludes that despite the fact that these regional universities are not included in the ranking leaders, they are characterized by a high level of innovation activity.

Key words: innovation; small innovative enterprise; university; rating

Information for citation: Togba Stefani Sarah. “Overview of small innovative businesses of universities – leaders of the Moscow International Ranking “Three University Missions” for 2021, *Research Result. Economic Research*, 8(1), 65-73, DOI: 10.18413/2409-1634-2022-8-1-0-7

Introduction

Modern educational institutions actively implement innovation activities, one of the directions of which is the formation of small innovative enterprises (SIEs).

The objectives of creating SIE in higher education are:

- additional profit;
- implementation of the applied aspect of scientific research and the possibility of direct application of the practice-oriented approach in educational activities. Moreover, the presence of SIE in educational institutions allows universities to be active participants in government programs related to investment and financing the activities of the university.

A SIE, in which university is a co-founder, is a “business entity, created for the purpose of introducing the result of intellectual activity (transfer of technology), exclusive rights to which belong to the university” [Do-It-Yourself..., 2022].

Small innovative enterprises are “one of the ways to commercialize the university developments, which provide additional jobs for academia, students and graduate students at the university” [Who Needs Small Innovative..., 2022].

The United States is the leader in the formation and development of small innovative enterprises. At the same time, researchers (Mills, 2019; Delgado and Mills, 2020) note that approximately 4 of the 6 million small businesses in the USA operate in the local business-to-consumer (B2C) economy. These

are restaurants, coffee shops, dry cleaners, and other local businesses, which are the backbone of our communities. Another 1.1 million small businesses are supplier enterprises, those that operate within the supply chain and traditionally sell to other businesses (B2B). And only a small fraction of America’s small enterprises (about 200,000) are fast-growing start-ups that are commonly seen as the entrepreneurial source of transformative innovation [Creating “Smart” Policy to..., 2020].

Modern universities actively implement policies to create small innovative entrepreneurship, focused on the “development of innovative ecosystems, which allows to create the necessary environment for their functioning and increase their competitiveness” ¹Sukhinov A. I., Ugnich E.A., 2017.

The objective of this study is to review the activities of three Russian universities which are leaders in Moscow Three University Missions Ranking (MosIUR) in the development of innovative entrepreneurship.

Main part

The Moscow Three University Missions Ranking under study is a fairly new academic ranking that evaluates three strategic areas of higher education (key missions of the university), which are education, science and interaction with society. “The number of universities represented in the global ranking increased in 2021 to 1650 from 1500 a year earlier. According to this parameter, the ranking

is the most representative in the world, the rating list includes universities from 97 countries of the world” [Moscow “Three University Missions”, 2021].

Harvard University (USA) is the leader of the 2021 ranking and can be described as a special territory dedicated to excellence in teaching, learning and research, as well as to the development of leaders who change the world for the better. As an active part of the American national innovation system, Harvard University is actively promoting research in fundamental and applied science.

As for Russian universities, Russia retained its position in the TOP-3 world leaders in terms of representation in the ranking (112 universities), yielding only to the USA and China (239 and 144 universities, respectively). There are three Russian participants in the TOP-100 of the MosIUR. They are Lomonosov Moscow State University (19th place), St. Petersburg State University (36th place) and Moscow Institute of Physics and Technology (44th place) [Organization of Innovation, 2011].

Таблица 1

ТОП-5 российских университетов в рейтинге трех университетских миссий Москвы (MosIUR)

Table 1

TOP-5 Russian universities in the Moscow Three University Missions Ranking (MosIUR)

	Place in the ranking	University
1	19	Lomonosov Moscow State University
2	36	Saint Petersburg State University
3	44	Moscow Institute of Physics and Technology
4	120	National Research University Higher School of Economics (HSE)
5	145	National Research Nuclear University MEPhI

Next, we analyze the features of the development of small innovative entrepreneurship in the three Russian leaders of the MosIUR, which are Lomonosov Moscow State University, St. Petersburg State University, and Moscow Institute of Physics and Technology (MIPT).

Lomonosov Moscow State University. The university occupies a leading position in the innovation sphere and has an effective innovation infrastructure, including Research and Development Computer Center, Medical Research and Education Center, International Research and Science Biotechnology Center, Scientific and Educational Center “Hydrocarbon Prospecting, Exploration and Development” (Oil and Gas Center), Scientific and Educational Center of Applied Medicine and Food Safety, Scientific and Educational Center of Nanotechnology, Engineering Center for Industrial Risk Assessment “Technorisk”,

Center for Analysis of Natural and Anthropogenic Processes, etc.

Department of Science Policy (Department of Scientific Expertise, Department of Innovation and Technology Transfer, Department of Statistics and Research Analysis), Department for the Organization of Research and Training of Scientific Personnel (Department of Organization of Research, Department of Postgraduate Studies, Doctoral Studies and Dissertation Councils) coordinates research and innovation activities of Moscow State University.

This infrastructure allows generation of innovative projects, their support throughout the entire innovation cycle, including transfer, commercialization of scientific developments and technologies at enterprises of the real sector of the Russian economy.

The main activities of companies in the innovation zone of Moscow State University are “chemistry and new materials; biotech-

nology and pharmaceuticals; production of scientific equipment; ecology; information technology, while the volume of production by all companies of the innovation zone of Moscow State University is about 5 billion rubles” [Department of Innovation, 2022].

According to the official website of the Accounting and Monitoring of Small Innovative Enterprises in the Scientific and Educational Sphere of the Ministry of Education

and Science of the Russian Federation [Accounting and Monitoring, 2022] (the website is intended for informational-analytical support of functions and powers of the Ministry of Education and Science of Russia in terms of working with small innovative enterprises), the Moscow State University registered the following companies engaged in the development and commercialization of innovations (Table 2):

Таблица 2

Компании, занимающиеся разработкой и коммерциализацией инноваций и результатов интеллектуальной деятельности (созданы в МГУ)

Table 2

Companies engaged in the development and commercialization of innovations and results of intellectual activity (created at MSU)

	Name of the company	Address
1	Center for Advanced Technologies, LLC	12, Leninskadskaya Str., Dubna, 141980
2	Management Company of the Biotechnological Business Incubator of Lomonosov Moscow State University, LLC	1-77, Leninskie Gory Str., Moscow, 119992
3	Geological Scientific and Methodological Center of Lomonosov Moscow State University, LLC	1-77, Leninskie Gory Str., Moscow, 119992
4	Soil and Ecological Center of Lomonosov Moscow State University, LLC	MSU Science Park, 1-75B, Leninskie Gory Str., Moscow, 119992
5	Seismic Data Analysis Center of Lomonosov Moscow State University, LLC	1-77, Leninskie Gory Str., Moscow, 119992
6	Science Festival Directorate, LLC	1-77, Leninskie Gory Str., Moscow, 119992
7	Research and Education Center of Lomonosov Moscow State University “Law and Business”, LLC	1-77, Leninskie Gory Str., Moscow, 119991
8	Marine Research Center of Lomonosov Moscow State University, LLC	1-77, Leninskie Gory Str., Moscow, 119992
9	Certification Research Center “Thermal Insulation”, LLC	1-77, Leninskie Gory Str., Moscow, 119234

St. Petersburg State University. Striking examples of the formation and development of innovative entrepreneurship at St. Petersburg State University are:

– St. Petersburg State University Center for Geology (LLC), which provides services in the field of geological study of the subsoil of various profile;

– St. Petersburg State University Center for Information and Diagnostic Systems (LLC), engaged in the development of software for nuclear medicine, which has no analogues in the country, therefore others are also popular.

Таблица 3

Компании, занимающиеся разработкой и коммерциализацией инноваций
 и результатов интеллектуальной деятельности
 (созданы в Санкт-Петербургском государственном университете)

Table 3

Companies engaged in the development and commercialization of innovations and results
 of intellectual activity (created at St. Petersburg State University)

	Name of the company	Address
1	St. Petersburg State University Center for Geology, LLC	1-A, Ulyanovskaya Str., Peterhof, St. Petersburg, 198504
2	Research Center for Information Technologies of St. Petersburg State University, LLC	1-A, Ulyanovskaya Str., Peterhof, St. Petersburg, 198504
3	Non-Local Plasma Technologies, LLC	1-A, Ulyanovskaya Str., Peterhof, St. Petersburg, 198504
4	Law Enforcement Monitoring Center of St. Petersburg State University, LLC	7-9-11-B, Universitetskaya Emb., St. Petersburg, 199034
5	North-Western Gemological Center of Expertise and Certification, LLC	7-9-11-B, Universitetskaya Emb., St. Petersburg, 199034
6	ISTIOFORUS, LLC	1-A, Ulyanovskaya Str., Peterhof, St. Petersburg, 198504
7	Laser Chemistry, LLC	1-A, Ulyanovskaya Str., Peterhof, St. Petersburg, 198504
8	SPbU Chem Tech, LLC	8H Rm., 37-A, Yuri Gagarin Ave., St. Petersburg, 196135
9	PHARMATITAN SPbU, LLC	7-9-11-B, Universitetskaya Emb., St. Petersburg, 199034
10	St. Petersburg State University Innovative Center of Environmental and Industrial Technologies, LLC	242 Rm., 1-A, Ulyanovskaya Str., Peterhof, St. Petersburg, 198504
11	St. Petersburg State University Integrated Marine Research Center, LLC	235 Rm., 1-A, Ulyanovskaya Str., Peterhof, St. Petersburg, 198504
12	SPbU Bio Tech, LLC	228 Rm., 1-A, Ulyanovskaya Str., Peterhof, St. Petersburg, 198504
13	St. Petersburg State University Research Center for National Economy, JSC	163 Rm., 7-9-11-B, Universitetskaya Emb., St. Petersburg, 199034
14	SPbU Dynamics, LLC	30 Rm., 8, Road to the Turukhtan Islands Str., St. Petersburg, 198096
15	Water Center of St. Petersburg State University, LLC	32 Off., 15-H, 24-1-A, Odоеvsky Str., St. Petersburg, 199155
16	Magnetic Resonance Research Centre "Spinus" of St. Petersburg State University, LLC	935, 1-H Rm., 1-A, Ulyanovskaya Str., Peterhof, St. Petersburg, 198504
17	Center for Urbanism and Urban Planning of St. Petersburg State University, LLC	
18	Center for Scientific and Applied Developments of St. Petersburg State University "Method", LLC	
19	Center for Comprehensive Biomedical Research of St. Petersburg State University, LLC	236, 235, 1-H, 1-A, Ulyanovskaya Str., Peterhof, St. Petersburg,

Moscow Institute of Physics and Technology. Research at MIPT covers a wide range of areas of theoretical and experimental

physics, energy and biomedicine, chemistry, and applied mathematics.

Таблица 4

Компании, занимающиеся разработкой и коммерциализацией инноваций и результатов интеллектуальной деятельности (созданы в Московском физико-техническом институте)

Table 4

Companies engaged in the development and commercialization of innovations and results of intellectual activity (created at Moscow Institute of Physics and Technology)

	Name of the company	Address
1	PhysTech-Aviation, LLC	125 Apt., 16, Gagarin Str., Zhukovsky, 140180
2	NordLab, LLC	MIPT Bio Business Incubator, 9, Institutsky Ln., Dolgoprudny, 141700
3	Small Innovative Enterprise “FALT-ENGINEERING”, LLC	110 Rm., 16, Gagarin Str., Zhukovsky, 140180
4	MIPT Oil and Gas Center, LLC	3 Off., 6, Angarskaya Str., Moscow, 125635
5	PhystechBiomed, LLC	32 Rm., 4-1, Likhachevsky Dr., Dolgoprudny, 141700
6	1C-MIPT, LLC	3, Pervomayskaya Str., Dolgoprudny, 141700
7	MIPT Engineering Center for Minerals, LLC	212 Rm., 9-3, Institutsky Ln., Dolgoprudny, 141700
8	MIPT Business Accelerator, LLC	35 Rm., 7-2-I, Derbenevskaya Emb., Moscow, 115114
9	Biophysical Technologies, LLC	2-44 Rm., 9-2, Institutsky Ln., Dolgoprudny, 141707

Special attention should be paid to universities, which are leaders of innovation activity in Belgorod Region:

– Shukhov Belgorod State Technological University (BSTU) V.G. is one of 33 supporting universities of the Russian Federation. Author is the graduate student of BSTU;

– Belgorod State National Research University (NRU BelSU) is a university on the basis of which the partnership of participants of the World-class Scientific and Educational Center “Innovative Solutions in the Agro-Industrial Complex” is integrated. NRU BelSU is an integrator of network interaction of participants of the Belgorod Regional Scientific and Educational Center.

Innovation activity of Shukhov Belgorod State Technological University (BSTU) is aimed at:

– “development of effective mechanisms for the formation and development of innovation (entrepreneurial) infrastructure of the university, including in the scientific, industrial, educational and social spheres;

– creation of favorable conditions for the practical implementation of the results of intellectual activities, the right holder of which is Shukhov BSTU, as well as for the practical application of the knowledge received by students as part of their training on university educational programs;

– formation and maintenance of the image of the university as an innovative and entrepreneurial higher educational institution of Russia by positioning it not only as an educational and scientific center, but also as a center of commercialization of knowledge (inno-

vation and business center)” [Official website of BSTU, 2022].

Innovation infrastructure of Shukhov BSTU is quite extensive and includes Innovation and Technology Center, Business Incubator, Technopark, Project Office, Regional Center of the Central Federal District.

According to the database of the Accounting and Monitoring of Small Innovative Enterprises in the Scientific and Educational Sphere of the Ministry of Education and Science of the Russian Federation, Shukhov BSTU has registered 41 enterprises engaged in the development and implementation of intellectual property results in various areas (construction industry, software, educational process, and managerial competencies). Some of them are TechCeram, LLC (main inventions of the company are the method for manufacturing ceramic products, and the method for preparing ceramic barbotine), Innovative Technologies and Machine Building Equipment (LLC), Scientific and Technical Center “Modern Integrated Automation Methods” (LLC), Development of Process Equipment and Complexes (LLC), Intellect Factory of Information Technology (LLC), Industrial Intellect (LLC), ECO-TECH (LLC), Belgorod Technical Expertise and Diagnostics (LLC), Modifier (LLC), Composite (LLC), Scientific and Technical Center “Modern Corporate Systems” (LLC), Business Project of BSTU (LLC), Energy Management (LLC), Center for Management Innovation (LLC), Shukhov Motors (LLC), etc.

As part of the strategic development program, Shukhov BSTU has developed methodical recommendations “Small Innovative Enterprise Step by Step”, where organizational-economic and regulatory framework for the creation of a small innovative enterprise at university is algorithmically presented.

Belgorod State National Research University (NRU BelSU) is the oldest university in Belgorod Region and has a huge research and educational potential.

The key results of NRU BelSU in 2021 were: “the university has entered another prestigious world institutional ranking of the

British company QS (Quacquarelli Symonds), taking a place in the 1001-1200 group. The university has the highest scores in terms of the number of foreign students (303rd in the world) and in terms of reputation scores based on feedback from academics and employers (group 501+). In terms of the “teacher-student” ratio the university has taken 524th place in the world, in terms of the number of foreign teachers and the citation index per 1 scientific and pedagogical worker the university is in group 601+. According to the International Global Ranking of Scientific Institutions SCImago, NRU BelSU occupies 590th position out of 4,156 universities in the world, and 37th position out of 155 universities in Russia. In the ranking of innovative universities, based on their impact on the socio-economic development of regions, NRU BelSU is in 70th position [Official website of Belgorod State, 2022].

The main directions of innovation activity of NRU BelSU within Scientific and Educational Center are “biotechnology, breeding and genetic research, cellular technologies and genetic engineering (animal and plant genetics), digital transformation of agro-industrial complex and resource-saving technologies, technologies for functional, healthy food products, storage and processing of agricultural products” [Research and Education Center, 2022].

There are 22 small innovative enterprises (SIE) with the participation of the university in NRU BelSU. These SIEs are BelSU Electronic Systems (LLC), Armalit31 (LLC), ZirconiumPro (LLC), “Chernozemye” Geocenter (LLC), Vacuum Technology Systems (LLC), Research and Production Enterprise “Diagnostic Systems” (LLC), Engineering Center of NRU BelSU (LLC), BelSU Center for Analytical Research (LLC), BelSU Control and Measuring Devices (LLC), BelSU “GeoStroyMonitoring” (LLC), Research and Production Enterprise “BelSU Biotech” (LLC), BelSU Geomonitor (LLC), etc.

The results of the operation of these small innovative enterprises are actively and successfully passing the stage of commercial-

ization in the real sector of the economy of both Belgorod Region and Russia as a whole.

Comparing the results of the conducted overview of innovation activities of universities, it is possible to note that Russian universities regardless of the position in the ratings are actively implementing innovation policy, while creating and developing small innovative businesses.

Conclusion

According to many experts, the main barriers to the creation and development of small innovative enterprises at universities are bureaucratic mechanism and a significant amount of documentation, mistrust between the administration of universities and academia, determining the university's share in the company, difficulties in providing space for project work, and the complexity of closing down nonoperating companies.

To solve these problems, it is necessary to improve the regulation system in universities, to simplify lease and access to business incubators, to form an effective stimulating policy and reward system for the creation and successful development of a small innovative enterprise at educational institutions.

Список литературы

1. Департамент инновационной политики и международных научных связей. 2022. Режим доступа: L:
2. Кому нужны малые инновационные предприятия в университетах? 2022. Режим доступа: https://news.itmo.ru/ru/startups_and_business/initiative/news/6136/.
3. Малое инновационное предприятие "Сделай сам": Как превратить идею в бизнес, 2022. Режим доступа: <https://spbu.ru/news-events/krupnym-planom/mip-svoimi-rukami-kak-ideyu-prevratit-v-biznes>.
4. Опубликован Рейтинг Москвы "Три Университетские Миссии" (MosIUR) 2021 Года. Режим доступа: <https://mosiur.org/news/>.
5. Организация инновационной деятельности в университетах США. Информационно-аналитические материалы. Нижний Новгород: Изд-во ННГУ, 2011.
6. Официальный сайт БГТУ им.

В.Г. Шухова. Раздел "Инновационная деятельность". 2022. Режим доступа:

7. Создание "умной" политики для содействия предпринимательству и инновациям / Карен Г. Миллс, Гарвардская школа бизнеса / Энни Данг, Гарвардская школа бизнеса. 19 мая 2020 года.

8. Сухинов А. И., Угнич Е.А., 2017. Малые инновационные предприятия в университетах: барьеры и возможности для развития // Журнал Университетский менеджмент: практика и анализ. 2017. № 4 (110). Режим доступа: malye-innovatsionnye-predpriyatiya-pri-

9. Учет и мониторинг малых инновационных предприятий в научно-образовательной сфере. 2022. Режим доступа:

1. Creating "Smart" Policy to Promote Entrepreneurship and Innovation / Karen G. Mills, Harvard Business School / Annie Dang, Harvard Business School. – May 19, 2020.

2. Who Needs Small Innovative Enterprises at Universities? 2022. – URL: https://news.itmo.ru/ru/startups_and_business/initiative/news/6136/. (in Russian)

3. Do-It-Yourself Small Innovative Enterprise: How to Turn an Idea into a Business 2022. – URL: <https://spbu.ru/news-events/krupnym-planom/mip-svoimi-rukami-kak-ideyu-prevratit-v-biznes>. (in Russian)

4. Moscow "Three University Missions" Ranking (MosIUR) 2021 Has Been Published. – URL: <https://mosiur.org/news/>. (in Russian)

5. Organization of Innovation Activities in US Universities. Information and analytical materials. – Nizhny Novgorod: Publishing house of UNN, 2011. (in Russian)

6. Official website of Shukhov BSTU. "Innovation activity" Section. 2022. – URL: <https://www.bstu.ru/research/innovations/uid>. (in Russian)

7. Sukhinov A. I., Ugnich E.A., (2017). Small Innovative Enterprises at Universities: Barriers and Opportunities for Development // Journal University Management: Practice and Analysis. – 2017. – No. 4 (110). – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/malye-innovatsionnye-predpriyatiya-pri-universitetah-bariery-i-vozmozhnosti-razvitiya>. (in Russian)

8. Department of Innovation Policy and International Scientific Relations. 2022. – URL: <https://www.msu.ru/info/struct/departments/uip/uipl.html#2.2.3>. (in Russian)

9. Accounting and Monitoring of Small Innovative Enterprises in the Scientific and Educational Sphere. 2022. – URL: <https://mip.extech.ru/reestr/hozob.php?id=279>. (in Russian)

Информация о конфликте интересов: авторы не имеют конфликта интересов для декларации.

Conflicts of Interest: the author has no conflict of interest to declare.

Тогба Стефани Сарах, аспирант, Белгородский государственный технологический университет им. В.Г. Шухова, (г. Белгород, Россия)

Togba Stefani Sarah, Graduate Student, Shukhov Belgorod State Technological University, (Belgorod, Russia)

ФИНАНСЫ
FINANCE

УДК 336.025

DOI: 10.18413/2409-1634-2022-8-1-0-8

Мадатова О. В.,
Писаренко К.В.

**ОРГАНИЗАЦИОННО-ПРАВОВОЙ МЕХАНИЗМ
ОБЕСПЕЧЕНИЯ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ
ГРАЖДАН РОССИИ ОТ МОШЕННИЧЕСТВ ДРУГИХ
ФИЗИЧЕСКИХ ЛИЦ В СФЕРЕ БАНКОВСКОГО
КРЕДИТОВАНИЯ**

Академия маркетинга и социально-информационных технологий – ИМСИТ»,
дом 5, улица Зиповская, г. Краснодар, 350010, Россия
e-mail: mokb@bk.ru, pisarenko-kv@rambler.ru

Аннотация.

В последнее время наблюдается значительный рост как количества преступлений, связанных с мошенническими действиями в сфере кредитования, так и суммы нанесенного от них ущерба. При этом обеспечить необходимый уровень экономической безопасности граждан используемыми на практике методами противодействия не удается, что и определяет актуальность проводимого исследования.

Теоретическая разработка проблемы показала, что большинство авторов видит её решение в уголовно-правовой регламентации состава преступления, уголовно-процессуальном совершенствовании расследования преступлений, повышении эффективности оперативно-розыскной деятельности, криминологическом изучении личности преступника и совершенствовании криминалистических подходов. При этом предотвращение совершения указанных преступлений в доступных источниках рассматривается ограниченно.

В практической деятельности принимаются отдельные меры Банком России и кредитными организациями для борьбы с рассматриваемым явлением, однако обеспечить экономическую безопасность граждан по указанному направлению в полной мере не удалось.

Решение проблемы видится в создании организационно-правового механизма обеспечения экономической безопасности, включающего расширение информационной базы данных Центрального каталога кредитных историй сведениями о наличии заявлений граждан о полном удалении их кредитных историй из информационных баз данных с запретом на дальнейшее формирование и ведение их кредитных историй в бюро кредитных историй, подаваемых через Единый портал государственных услуг.

Таким образом, фактически создаются условия, позволяющие гражданам запрещать ведение в отношении них кредитной истории, следствием чего является невозможность получения заинтересованными лицами соответствующих сведений, без которых ни одна кредитная организация не может принять решение о выдаче кредита. В результате преступные посягательства на кредитные денежные средства граждан будут пресечены еще на стадии подготовки к совершению преступления, причем без существенных расходов бюджета.

Ключевые слова: Экономическая безопасность; мошенничество; банк; кредит; организационно-правовой механизм

Информация для цитирования: Мадатова О.В., Писаренко К.В. Организационно-правовой механизм обеспечения экономической безопасности граждан России от мошенничеств других физических лиц в сфере банковского-кредитования // Научный результат. Экономические исследования. 2022. Т.8. № 1. С. 74-84. DOI: 10.18413/2409-1634-2022-8-1-0-8

Oksana V. Madatova,
Kristina V. Pisarenko

**ORGANIZATIONAL AND LEGAL MECHANISM FOR
ENSURING THE ECONOMIC SECURITY OF RUSSIAN
CITIZENS FROM FRAUD BY OTHER INDIVIDUALS
IN THE FIELD OF BANK LENDING**

Academy of Marketing and Social and Information Technologies - IMSIT, house 5,
Zipovskaya Street, Krasnodar, 350010, Russia

e-mail: mokb@bk.ru, pisarenko-kv@rambler.ru

Abstract.

Recently, there has been a significant increase in both the number of crimes related to fraudulent actions in the field of lending, and the amount of damage caused by them. At the same time, it is not possible to ensure the necessary level of economic security of citizens by the methods of counteraction used in practice, which determines the relevance of the research being conducted.

The theoretical development of the problem has shown that most authors see its solution in the criminal law regulation of the corpus delicti, criminal procedural improvement of the investigation of crimes, increasing the efficiency of operational investigative activities, criminological study of the identity of the criminal and the improvement of criminalistic approaches. At the same time, the prevention of the commission of these crimes is not considered in the available sources.

In practice, separate measures are being taken by the Bank of Russia and credit organizations to combat the phenomenon in question, but it has not been possible to fully ensure the economic security of citizens in this direction.

The solution to the problem is seen in the creation of an organizational and legal mechanism for ensuring economic security, including the expansion of the information database of the Central Catalog of Credit Histories with information about the availability of applications from citizens for the complete removal of their credit histories from information databases with a ban on further formation and maintenance of their credit histories in credit bureaus submitted through the Unified Portal of Public Services.

Thus, in fact, conditions are being created that allow citizens to prohibit the maintenance of a credit history in relation to them, as a result of which it is impossible for interested persons to obtain relevant information, without which no credit institution can make a decision on granting a loan. As a result, criminal encroachments on citizens' credit funds will be suppressed even at the stage of preparation for the commission of a crime, and without significant budget expenditures.

Key words: Economic security; fraud; bank; credit; organizational and legal mechanism

Information for citation: Madatova O. V., Pisarenko K. V., “Organizational and legal mechanism for ensuring the economic security of Russian citizens from fraud by other individuals in the field of bank lending”, *Research Result. Economic Research*, 8(1), 74-84, DOI: 10.18413/2409-1634-2022-8-1-0-8

Введение

Несмотря на усилия, предпринимаемые правоохранительными органами Российской Федерации, обеспечить экономическую безопасность граждан России от противоправных действий других лиц в сфере кредитования не удалось.

Как показывает официальная статистика МВД России общее количество зарегистрированных преступлений, предусмотренных статьей 159 УК РФ «Мошенничество, совершенных с использованием информационно-телекоммуникационных технологий или в сфере компьютерной информации, в 2021 году увеличилось на 13,3% и достигла 238 560 преступных посягательств, что составляет 46,1% от общего числа всех преступлений обозначенной категории. При этом, темпы прироста указанных мошенничеств в 9,5 раз превышают темпы прироста общего количество уголовно-наказуемых деяний рассматриваемой категории [Состояние преступности..., 2021].

Ситуация усугубляется тем обстоятельством, что в 2021 году было раскрыто только 20 816 мошенничеств в означенной сфере, что составляет всего лишь 8,7% от зарегистрированных. Причем материальный ущерб от преступлений экономической направленности, к которым относятся и противоправные деяния, предусмотренные статьей 159 УК РФ, составил без учета налоговых преступлений более 557 млрд рублей или 66,8% от общего материального ущерба всех преступных посягательств.

К сожалению, публикуемые формы статистической отчетности МВД России не позволяют в полной мере провести разграничение мошеннических действий, со-

вершенных с использованием информационно-телекоммуникационных технологий или в сфере компьютерной информации, в зависимости от способа совершения преступлений, что потребовало дополнительного изучения проблемы обеспечения экономической безопасности граждан России.

Исследования, основанные на информации, публикуемой в средствах массовой информации, показали, что значительная часть мошенничеств в отношении граждан связана с применением сложных методов социального инжиниринга, использующих информационно-телекоммуникационные и компьютерные технологии, направленных на убеждение потерпевшего путем обмана или злоупотребления доверием добровольно передать преступнику денежные средства, причем не только находящиеся на его банковских счетах, но и практически заставляя его взять кредиты, которые зачастую составляют большую часть нанесенного ему ущерба.

Рост числа указанных преступлений свидетельствует о том, что мер, принимаемых в настоящее время для противодействия указанному явлению явно недостаточно, организационно-правовой механизма обеспечения экономической безопасности граждан России от мошенничеств других физических лиц в сфере банковского кредитования не обоснован, что и определяет актуальность настоящего исследования.

Целью исследования является разработка организационно-правового механизма обеспечения экономической безопасности граждан России от мошенничеств других физических лиц в сфере банковского кредитования, связанного с незаконным

оформлением на них кредитов с последующим их хищением.

Цель исследования определила постановку следующих задач:

Рассмотреть научные подходы, разработанные для противодействия указанным явлениям.

Обобщить практический опыт, направленный на борьбу с рассматриваемыми явлениями.

Предложить новый концептуальный подход для повышения уровня экономической безопасности населения от рассматриваемых преступных посягательств и сделать выводы об его эффективности.

Исследования показывают, что в научном мире противодействие рассматриваемому явлению в основном основано на повышении эффективности деятельности правоохранительных органов, видимое, по мнению авторов, в следующих направлениях:

1. Уголовно-правовая регламентация состава преступления, представленная в работах Л.Ю. Аксеновой [Аксенова Л.Ю., 2020], Е.Н. Алёшиной-Алексеевой [Алёшина-Алексеева Е.Н., 2019], П.А. Балакиной [Балакина П.А., Козликина Е.В., 2020], А.Г. Безверхова [Безверхов А.Г., Элекина С.В., 2019], Р.Ф. Гарифулиной [Гарифуллина Р.Ф., Хакимова Э.Р., 2021], В.А. Жакуна [Жакун В.А., 2019], В.С. Ишигеева [Ишигеев В.С., Трухин В.П., 2007], А.И. Касьяника [Касьяник А.И., 2015], Д.Р. Насуфовича [Насуфович Д.Р., 2020], Н.Г. Щегердюковой [Щегердюкова Н.Г., 2017] и других, имеющая важное значение для обеспечения законности при привлечении лиц к уголовной ответственности.

2. Уголовно-процессуальное совершенствование расследования преступлений, рассматриваемая в научных трудах А.И. Босых [Босых А.И., 2007], Н.В. Карепанова [Карепанов Н.В., Карепанов Г.Н., 2009], Е.Н. Сочилиной [Сочилина Е.Н., 2006] и других авторов, имеющее важное значение в деле совершенствования эффективности следственных органов

по раскрытию и документированию преступлений.

3. Повышение эффективности оперативно-розыскной деятельности, описанного А.М. Эндреевым [Эндреев А.М., 2020] и других, важного для совершенствования способов и методов выявления преступников.

4. Криминологическое изучение личности преступника и причин совершенствования им преступлений, затронутого в работе В.Е. Батюковой [15], позволяющее раскрыть побудительные мотивы лиц, совершающих преступления.

5. Совершенствование криминалистических подходов, раскрытое в работах Д.Ю. Куприянова [Куприянов Д.Ю., 2021], дающее возможность более эффективно выявлять и документировать следы преступления.

Вместе с тем, применительно к теме исследования, указанные направления в основном направлены на выявление, раскрытие и привлечение виновных к уголовной ответственности, в то время, как проблема повышения уровня экономической безопасности населения в них рассматривается опосредовано, исходя из предположения о том, что изоляция преступника от общества защитит оставшихся граждан. При этом не учитывается появление на месте старых новых посягателей, о чем наглядно свидетельствует рост числа рассматриваемых преступлений.

Необходимо также отметить, что, хотя одним из декларируемых направлений деятельности правоохранительных органов является предупреждение совершения преступлений, в реальности данная работа ведется на недостаточном уровне, что подтверждается отсутствием в штате соответствующих подразделений, должностей и реальных статистических отчетов по данному направлению.

Указанное, позволило сделать вывод, что обеспечение экономической безопасности граждан России от мошеннических посягательств на их имущество, в том числе на привлеченные ими на основании

убеждения другими лицами кредитные ресурсы, не может быть в полной мере обеспечено исключительно за счет совершенствования деятельности правоохранительных органов государства. Необходимо создания организационно-правового механизма, позволяющего обеспечить условия, исключающие саму возможность совершения названных преступлений в отношении населения страны.

Предпосылки для создания такого механизма заложены в научных трудах Е.Н. Акимовой [Акимова Е.Н., Мелихова Ю.М., 2020], Л.В. Иногамовой-Хегай [Иногамова-Хегай Л.В., 2019], И.В. Кочкина [Кочкин И.В., Буянский С.Г., 2016], О.В. Мадатовой [Мадатова О.В., 2021], Е.И. Стрельникова [Стрельникова Е.И., Горбатов А.В., 2018], А.М. Терехова [Терехов А.М., Бобырева А.Д., Невская Д.А., 2020] и др. Однако организационно-правовой механизм, обеспечивающий решение указанной проблемы, в них не разработан.

Основная часть

В практической сфере решению проблемы обеспечения экономической безопасности граждан в сфере кредитования государством уделяется определенное внимание. С целью обеспечения экономической безопасности населения от чрезмерной закредитованности, угрожающей состоятельности заемщика, главой 2 указания Банка России от 20.04.2021 № 5782-У введен показатель долговой нагрузки заемщика, превышение установленного значения которого ограничивает возможности кредитной организации по выдаче кредитов физическим лицам [О видах активов..., 2021].

В настоящее время рассматривается инициатива Банка России, предложившего в конце 2021 года обязать кредитные организации возвращать клиентам, являющимся физическими лицами, ставшими жертвами мошенников, определенную сумму денежных средств.

На уровне кредитных организаций упор сделан на правовое просвещение граждан способам совершения в отношении них мошенничеств с кредитами, а также мерам, направленных на их предотвращение.

По нашему мнению, решением обозначенной проблемы могло бы стать создание организационно-правового механизма, обеспечивающего невозможность мошенникам получать кредиты, оформляемых на других лиц, даже при согласии последних.

Юридической основой создания в нашей стране указанного организационно-правового механизма, на наш взгляд, является Федеральный закон от 30.12.2004 № 218-ФЗ «О кредитных историях» (далее – Закон), целями создания которого в соответствии с частью 2 статьи 1 указанного Закона является «повышение защищенности ... заемщиков» [О кредитных историях..., 2021].

Содержание кредитной истории установлено статьей 4 Закона, изучение которой показало, что значительная часть сведений, в нем содержащаяся, относится к частной жизни, личной и семейной тайне, в том числе: фамилия, имя, отчество (п. 1. ч. 2 ст. 4 Закона); данные паспорта гражданина (п. 2. ч. 2 ст. 4 Закона); идентификационный номер налогоплательщика (п. 3. ч. 2 ст. 4 Закона); страховой номер индивидуального лицевого счета (п. 4. ч. 2 ст. 4 Закона); сведения, содержащиеся в основной части кредитной истории физического лица в отношении субъекта кредитной истории (п. 1. ч. 3 ст. 4 Закона), его обязательств (п. 2. ч. 3 ст. 4 Закона) и др.

При этом, необходимо учитывать, что в соответствии с абзацем 2 пункта 2 Определения Конституционного Суда РФ от 28 июня 2012 г. № 1253-О «лишь само лицо вправе определить, какие именно сведения, имеющие отношение к его частной жизни, должны оставаться в тайне, а потому и сбор, хранение, использование и распространение такой информации, не доверенной никому, не допускается без

согласия данного лица, как того требует Конституция Российской Федерации» [Об отказе в принятии..., 2012], что позволяет распространить на указанную категорию обозначенные в законе сведения.

Частью 1 статьи 23 Конституции РФ гарантирует каждому «неприкосновенность частной жизни, личную и семейную тайну» [Конституция РФ, 1993].

Пункт 1 статьи 152.1 Гражданского кодекса (далее – ГК РФ) устанавливает, что «не допускаются без согласия гражданина сбор, хранение, распространение и использование любой информации о его частной жизни, в частности сведений о его происхождении, о месте его пребывания или жительства, о личной и семейной жизни» [Гражданский кодекс РФ, 2021]. Таким образом, на сбор, хранение, распространение и использование сведений, содержащихся в кредитной истории, требуется согласие гражданина, которое бюро кредитных историй, даже не являющихся государственными организациями получено не было, что нарушает конституционные права граждан, признание, соблюдение и защита которых в силу статьи 2 Конституции РФ является обязанностью государства.

При этом юридическим последствием отсутствия информации о частной жизни, личной и семейной тайне физического лица становится невозможность кредитной организации получить сведения о нем из бюро кредитной истории, что не дает возможность рассчитать долговую нагрузку заемщика, а значит принять решение о выдаче ему кредита. При таких условиях полностью исключается возможность оформления на указанного человека кредита посторонними лицами при совершении него мошеннических действий.

С целью создания организационно-правового механизма обеспечения экономической безопасности граждан России от мошенничеств других физических лиц в сфере банковского кредитования предлагается на законодательном уровне предоставить гражданам возможность запрета фор-

мирования и ведения кредитной истории. Для этого необходимо предложить Правительству РФ выйти с законодательной инициативой в Государственную Думу Федерального Собрания с предложением о внесении следующих изменений в Федеральный закон «О кредитных историях»:

1. Дополнить статью 8 Федерального закона «О кредитных историях» частью 1.1 следующего содержания: «Субъект кредитной истории вправе направить в Центральный каталог кредитных историй заявление о полном удалении его кредитной истории из информационных баз данных с запретом на дальнейшее формирование и ведение его кредитных историй в бюро кредитных историй».

2. Дополнить статью 8 Федерального закона «О кредитных историях» частью 1.1 следующего содержания: «При наличии запрета гражданина на формирование или ведение его кредитных историй, зарегистрированного в Центральном каталоге кредитных историй, предоставление источниками формирования кредитной истории информации, определенной статьей 4 настоящего Федерального закона, в бюро кредитных историй не производится. Представление такой информации в нарушение настоящего закона влечет наступление ответственности в соответствии с уголовным и гражданским законодательством РФ».

3. Дополнить статью 10 Федерального закона «О кредитных историях» частью 13 следующего содержания: «Бюро кредитных историй в течение трех дней с момента регистрации в Центральном каталоге кредитных историй заявления гражданина о полном удалении его кредитной истории из информационных баз данных с запретом на дальнейшее формирование и ведение его кредитных историй в бюро кредитных историй обязано полностью удалить его кредитную историю из информационных баз данных».

4. Дополнить статью 10 Федерального закона «О кредитных историях» частью 14 следующего содержания: «Бюро

кредитных историй в случае получения от источника формирования кредитной истории информации, определенной статьей 4 настоящего Федерального закона, в отношении гражданина, заявление которого о полном удалении его кредитной истории из информационных баз данных с запретом на дальнейшее формирование и ведение его кредитных историй в бюро кредитных историй зарегистрировано в Центральном каталоге кредитных историй, обязано незамедлительно удалить полученную информацию и письменно проинформировать её отправителя об установленном запрете в её предоставлении».

С практической точки зрения возможность обеспечения гражданином своей экономической безопасности от рассматриваемых посягательств видится в следующем. Заинтересованное лицо через специализированную форму Единого портала государственных услуг направляет соответствующее заявление в Центральный каталог кредитных историй, которое размещается в базе данных и в автоматизированном режиме предоставляется бюро кредитных историй и источникам формирования кредитных историй.

Указанное, по нашему мнению, позволит создать организационно-правовой механизм, позволяющий фактически при нулевых расходах бюджета обеспечить экономическую безопасность граждан России от мошеннических действий других лиц, предотвращая саму возможность незаконного банковского кредитования с последующим завладением привлеченными кредитными ресурсами.

Учитывая очередность сроки рассмотрения законопроектов, граждане Российской Федерации уже в настоящее время могут реализовать свои конституционные права на неприкосновенность частной жизни, личную и семейную тайну.

Реализация этого права возможна в результате судебной защиты гражданских прав в соответствии с частью 1 статьи 11 ГК РФ путем «восстановления положения,

существовавшего до нарушения права, и пресечения действий, нарушающих право или создающих угрозу его нарушения» (ст. 12 ГК РФ). Право было нарушено в момент сбора информации о частной жизни гражданина, соответственно, восстановление положения, существовавшего до нарушения права, подразумевает удаление всей информации из его кредитной истории, а пресечения действий, нарушающих право или создающих угрозу его нарушения, предусматривает наложение судебного запрета на получение информации, подлежащей включению в кредитную историю гражданина и её хранение.

Заключение

Подводя итог проведенному исследованию, отметим, что в настоящее время сложилась ситуация, при которой действующие механизмы не позволяют в полной мере защитить граждан Российской Федерации от противоправных действий других физических лиц, направленных на завладение мошенническим путем денежных средств, в том числе полученными по навязанным им кредитам.

Решение указанной проблемы видится в реализации гражданами добровольного права запрета на формирование их кредитных историй, без доступа к которой кредитные организации не смогут выдать им кредит, что исключает возможность завладения посторонними полученными денежных средств.

Реализация указанного права основана на создании организационно-правового механизма обеспечения экономической безопасности, включающего расширение информационной базы данных Центрального каталога кредитных историй сведениями о наличии заявлений граждан о полном удалении их кредитных историй из информационных баз данных с запретом на дальнейшее формирование и ведение его кредитных историй в бюро кредитных историй, подаваемых через Единый портал государственных услуг.

Список литературы

1. Аксенова Л.Ю., 2020. Установление отдельных обстоятельств при расследовании мошенничеств в сфере кредитования // Алтайский юридический вестник. 2020. № 4 (32): 111-117.
2. Акимова Е.Н., Мелихова Ю.М., 2020. Некоторые аспекты мошенничества в сфере личных финансов // В сборнике: Современное образование: векторы развития. Роль социально-гуманитарного знания в подготовке педагога. Материалы V международной конференции. Под общей редакцией М.М. Мусарского, Е.А. Омельченко, А.А. Шевцовой. 2020: 132-137.
3. Алёшина-Алексеева Е.Н., 2019. Отграничение мошенничества в сфере кредитования (ст. 159.1 УК РФ) от незаконного получения кредита (ст. 176 УК РФ) // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2019. № 2 (82): 124-130.
4. Балакина П.А., Козликина Е.В., 2020. Мошенничество со стороны кредитных брокеров при содействии в получении кредита // В сборнике: Юридическая наука в XXI веке: актуальные проблемы и перспективы их решений. Сборник научных статей по итогам работы одиннадцатого круглого стола со Всероссийским и международным участием. 2020: 95-97.
5. Батюкова В.Е., 2020. Криминологическая характеристика преступлений, совершаемых в банковской сфере // Закон и право. 2020. № 11: 105-107.
6. Безверхов А.Г., Элекина С.В., 2019. Уголовно-правовая характеристика мошенничества в сфере кредитования // В сборнике: Актуальные вопросы права в банковской сфере. Материалы Международного правового банковского форума Научное издание. Ответственные редакторы С.И. Ашмарина, А.В. Павлова. 2019: 42-50.
7. Босых А.И., 2007. Расследование мошенничества, связанного с получением потребительского кредита // диссертация на соискание ученой степени кандидата юридических наук / Кубанский государственный университет. Краснодар, 2007.
8. Гарифуллина Р.Ф., Хакимова Э.Р., 2021. Разграничение незаконного получения кредита от мошенничества по признакам субъективной стороны преступления // Евразийский юридический журнал. 2021. № 7 (158): 302-303.
9. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ (ред. от 21.12.2021) // Российская газета, N 238-239, 08.12.1994.
10. Жакун В.А., 2019. Проблемы квалификации мошенничества в сфере кредитования // Научное образование. 2019. № 3 (4): 60-66.
11. Иногамова-Хегай Л.В., 2019. Уголовно-правовое противодействие преступлениям в сфере кредитования // В сборнике: Актуальные вопросы права в банковской сфере. Материалы Международного правового банковского форума Научное издание. Ответственные редакторы С.И. Ашмарина, А.В. Павлова. 2019: 137-143.
12. Ишигеев В.С., Трухин В.П., 2007. К вопросу о предмете мошенничества при получении кредита // Бизнес в законе. 2007. № 1: 144-145.
13. Карепанов Н.В., Карепанов Г.Н., 2009. Проблемы разработки частной методики расследования мошенничества, связанного с получением кредита в банке // Российское право: образование, практика, наука. 2009. № 5-6 (58-59): 77-80.
14. Касьяник А.И., 2015. Отграничение выманивания кредита или субсидии от мошенничества // Законность и правопорядок. 2015. № 1 (33): 51-56.
15. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) // Официальный интернет-портал правовой информации <http://www.pravo.gov.ru>, 04.07.2020.
16. Кочкин И.В., Буянский С.Г., 2016. Обеспечение экономической безопасности в сфере кредитования // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 3: Экономика. Экология. 2016. № 2 (35): 83-89.
17. Куприянов Д.Ю., 2021. Способы фиксации электронных следов при расследовании мошенничества в денежно-кредитной сфере // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. 2021. № 4-4 (55): 45-49.
18. Мадатова О.В., 2021. О необходимости введения добровольного запрета на выдачу кредитов // Финансы и кредит. 2021. Т. 27. № 3 (807): 523-539.

19. Насуфович Д.Р., 2020. О некоторых вопросах разграничения кредитного мошенничества и незаконного получения кредита // Альманах молодого исследователя. 2020. № 8: 51-53.
20. О видах активов, характеристиках видов активов, к которым устанавливаются надбавки к коэффициентам риска, и о применении к указанным видам активов надбавок при определении кредитными организациями нормативов достаточности капитала: Указание Банка России от 20.04.2021 № 5782-У (ред. от 24.11.2021) // Вестник Банка России, № 43, 08.07.2021.
21. Состояние преступности в Российской Федерации за январь-декабрь 2021 г. [электронный ресурс]. Режим доступа: <https://media.mvd.ru/files/application/2315310> (дата обращения 11.02.2022 г.)
22. О кредитных историях: Федеральный закон от 30.12.2004 № 218-ФЗ (ред. от 02.07.2021) // Российская газета, № 2, 13.01.2005.
23. Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Супруна Михаила Николаевича на нарушение его конституционных прав статьей 137 Уголовного кодекса Российской Федерации: Определение Конституционного Суда РФ от 28 июня 2012 г. № 1253-О [электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/70105530/#review> (дата обращения 12.02.2022 г.).
24. Сочилина Е.Н. Методика расследования мошенничества в сфере денежного обращения, кредита и банковской деятельности // диссертация на соискание ученой степени кандидата юридических наук / Московский университет МВД РФ им. В.Я. Кикотя. Москва, 2006.
25. Стрельникова Е.И., Горбатов А.В., 2018. Обеспечение экономической безопасности в системе интернет-банкинга коммерческого банка // В сборнике: Современное научное знание: приоритеты и тенденции. Сборник статей Международной научно-практической конференции. 2018: 298-308.
26. Терехов А.М., Бобырева А.Д., Невская Д.А., 2020. Актуальные проблемы личной финансовой безопасности // В сборнике: Актуальные проблемы современной науки: взгляд молодых ученых. Материалы Международной научно-практической конференции. Материалы Круглого стола. 2020: 109-112.
27. Щегердюкова Н.Г., 2017. Разграничение незаконного получения кредита и мошенничества на основе анализа судебной практики // Научный журнал. 2017. № 6-1 (19): 103-105.
28. Эндреев А.М., 2020. К вопросу о значении оперативно-розыскной деятельности в расследовании мошенничества в сфере кредитования // Молодой ученый. 2020. № 52 (342): 269-272.
1. Aksenova L.Yu., (2020) The establishment of individual circumstances in the investigation of fraud in the field of lending // *Altai Legal Bulletin*. 2020. No. 4 (32). pp. 111-117. (in Russian).
2. Alyoshina-Alekseeva E.N., (2019). Delineation of fraud in the field of lending (Article 159.1 of the Criminal Code of the Russian Federation) from illegal loan receipt (Article 176 of the Criminal Code of the Russian Federation) // *Bulletin of the St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia*. 2019. No. 2 (82). pp. 124-130. (in Russian).
3. Andreev A.M., (2020). On the question of the importance of operational investigative activities in the investigation of fraud in the field of lending // *Young scientist*. 2020. No. 52 (342). pp. 269-272. (in Russian).
4. Akimova E.N., Melikhova Yu.M., (2020). Some aspects of fraud in the field of personal finance // In the collection: *Modern education: vectors of development. The role of social and humanitarian knowledge in teacher training. Materials of the V International Conference*. Under the general editorship of M.M. Musarsky, E.A. Omelchenko, A.A. Shevtsova. 2020. pp. 132-137. (in Russian).
5. About credit histories: Federal Law No. 218-FZ of 30.12.2004 (ed. dated 02.07.2021) // *Rossiyskaya Gazeta*, No. 2, 13.01.2005. (in Russian).
6. Balakina P.A., Kozlikina E.V., (2020). Fraud on the part of credit brokers with assistance in obtaining a loan // In the collection: *Legal science in the XXI century: current problems and prospects for their solutions. Collection of scientific articles based on the results of the eleventh round table with All-Russian and international participation*. 2020. pp. 95-97. (in Russian).
7. Batyukova V.E., (2020). Criminological characteristics of crimes committed in the

banking sector // Law and Law. 2020. No. 11. pp. 105-107. (in Russian).

8. Bezverkhov A.G., Elekina S.V., (2019). Criminal and legal characteristics of fraud in the field of lending // In the collection: Current issues of law in the banking sector. Materials of the International Legal Banking Forum Scientific Publication. Responsible editors S.I. Ashmarina, A.V. Pavlova. 2019. pp. 42-50. (in Russian).

9. Bosykh A.I., (2007). Investigation of fraud related to obtaining consumer credit // Dissertation for the degree of Candidate of Legal Sciences / Kuban State University. Krasnodar, 2007. (in Russian).

10. Garifullina R.F., Khakimova E.R., (2021). Differentiation of illegal loan receipt from fraud on the grounds of the subjective side of the crime // Eurasian Law Journal. 2021. No. 7 (158). pp. 302-303. (in Russian).

11. Inogamova-Hegai L.V., (2019). Criminal law counteraction to crimes in the sphere of crediting // In the collection: Current issues of law in the banking sector. Materials of the International Legal Banking Forum Scientific Publication. Responsible editors S.I. Ashmarina, A.V. Pavlova. 2019. pp. 137-143. (in Russian).

12. Ishigeev V.S., Trukhin V.P., (2007). On the subject of fraud in obtaining a loan // Business in law. 2007. No. 1. pp. 144-145. (in Russian).

13. Karepanov N.V., Karepanov G.N., (2009). Problems of developing a private methodology for investigating fraud related to obtaining a loan from a bank // Russian law: education, practice, science. 2009. No. 5-6 (58-59). pp. 77-80. (in Russian).

14. Kasyanik A.I., (2015). Delineation of loan or subsidy extortion from fraud // Legality and law and order. 2015. No. 1 (33). pp. 51-56. (in Russian).

15. Kochikin I.V., Buyansky S.G., (2016). Ensuring economic security in the field of lending // Bulletin of the Volgograd State University. Series 3: Economics. Ecology. 2016. No. 2 (35). pp. 83-89. (in Russian).

16. Kupriyanov D.Yu., (2021). Methods of fixing electronic traces in the investigation of fraud in the monetary sphere // International Journal of Humanities and Natural Sciences. 2021. No. 4-4 (55). pp. 45-49. (in Russian).

17. Madatova O.V., (2021). On the need to introduce a voluntary ban on the issuance of

loans // Finance and credit. 2021. Vol. 27. No. 3 (807). pp. 523-539. (in Russian).

18. Nasufovich D.R., (2020). On some issues of distinguishing between credit fraud and illegal obtaining of a loan // Almanac of a young researcher. 2020. No. 8. pp. 51-53. (in Russian).

19. On the types of assets, characteristics of the types of assets to which surcharges to risk coefficients are established, and on the application of surcharges to these types of assets when determining capital adequacy ratios by credit institutions: Instruction of the Bank of Russia dated 04/20/2021 No. 5782-U (ed. dated 11/24/2021) // Bulletin of the Bank of Russia, No. 43, 08.07.2021. (in Russian).

20. On Refusal to Accept for Consideration the Complaint of citizen Suprun Mikhail Nikolaevich for Violation of His Constitutional Rights by Article 137 of the Criminal Code of the Russian Federation: Ruling of the Constitutional Court of the Russian Federation dated June 28, 2012 No. 1253-About [electronic resource]. Access mode: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/70105530/#review> (accessed 12.02.2022). (in Russian).

21. Shchegerdyukova N.G., (2017). Differentiation of illegal loan receipt and fraud based on the analysis of judicial practice // Scientific Journal. 2017. No. 6-1 (19). pp. 103-105. (in Russian).

22. Sochilina E.N., (2006). Methodology of fraud investigation in the sphere of money circulation, credit and banking // dissertation for the degree of Candidate of Legal Sciences / Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation named after V.Ya. Kikot. Moscow, 2006. (in Russian).

23. Strelnikova E.I., Gorbatov A.V., (2018). Ensuring economic security in the Internet banking system of a commercial bank // In the collection: Modern scientific knowledge: priorities and trends. Collection of articles of the International Scientific and Practical Conference. 2018. pp. 298-308. (in Russian).

24. Terekhov A.M., Bobyreva A.D., Nevskaya D.A., (2020). Actual problems of personal financial security // In the collection: Actual problems of modern science: the view of young scientists. Materials of the International Scientific and Practical Conference. Materials of the Round Table. 2020. pp. 109-112. (in Russian).

25. The Civil Code of the Russian Federation (part one) of 30.11.1994 No. 51-FZ (ed. of 21.12.2021) // Rossiyskaya Gazeta, N 238-239, 08.12.1994.

26. The Constitution of the Russian Federation (adopted by popular vote on 12.12.1993 with amendments approved during the all-Russian vote on 01.07.2020) // Official Internet portal of Legal Information <http://www.pravo.gov.ru>, 04.07.2020. (in Russian).

Информация о конфликте интересов: авторы не имеют конфликта интересов для декларации.

Conflicts of Interest: the author has no conflict of interest to declare.

Мадатова Оксана Владимировна, доцент, кандидат экономических наук, доцент кафедры бизнес-процессов и экономической

безопасности, Академии маркетинга и социально-информационных технологий – ИМСИТ», (Краснодар, Россия)

Oksana V. Madatova, Associate Professor, Candidate of Economic Sciences, Associate Professor of the Department of Business Processes and Economic Security, Academy of Marketing and Social and Information Technologies - IMSIT, (Krasnodar, Russia)

Писаренко Кристина Валерьевна, доктор экономических наук, доцент, проректор по качеству образования, Академии маркетинга и социально-информационных технологий – ИМСИТ», (Краснодар, Россия)

Kristina V. Pisarenko, Doctor of Economics, Associate Professor, Vice-Rector for Quality of Education, Academy of Marketing and Socio-Information Technologies – IM-SIT", (Krasnodar, Russia)

УДК 336.71

DOI: 10.18413/2409-1634-2022-8-1-0-9

¹Захид Фаррух Мамедов,
²Эльхан Нариман
оглы Велиев,
³Вейсов Емин Назим оглы

**ОЦЕНКА НАЦИОНАЛЬНОГО БАНКОВСКОГО
СЕКТОРА АЗЕРБАЙДЖАНА:
СТАНОВЛЕНИЕ И РАЗВИТИЕ**

¹Азербайджанский государственный экономический университет, г. Баку, Азербайджан
AZ1001, Баку, ул. Истиглалият, д. 6, Азербайджан

²Центр «Бизнес-консалтинг», AZ1000, Азербайджан, г. Баку, ул. Низами, д. 102а

³Белорусский Государственный Экономический Университет, 220070, Республика Беларусь,
г. Минск, пр. Партизанский, д. 26

e-mail: : Prof.zahid.mamed@gmail.com, : e-valiyev@yahoo.com, Emin.veys@mail.ru

Аннотация. Быстро меняющиеся внешние условия и необходимость обеспечения финансовой стабильности заставляют переоценить политику, проводимую центральным Банком Азербайджана для защиты банковского сектора от внешних шоков и сформулировать предложения по ее совершенствованию. В связи с усилением действия внешних шоков после 2014 г. (Начиная с 2014 года из-за резкого падения цен на нефть и экономического кризиса, пережитого торговыми партнерами, в условиях процессов, протекающих в стране, таких, как снижение темпа экономического прироста, институциональных и структурных реформ, дефицита платежного баланса и ненефтяного бюджета, изменений в финансовом и банковском секторах, возникла потребность в разработке нового подхода инновативности и экономического развития сектора финансовых услуг в Азербайджане) тема работы приобретает особую актуальность. Слабая научная разработанность исследуемой проблемы обусловила ее актуальность, цели и задачи, а также необходимость ее дальнейшего изучения.

Целью работы является комплексный и всесторонний анализ и оценка деятельности банковского сектора Азербайджана, а также выработка рекомендаций по повышению эффективности и надежности функционирования банковской сектора Азербайджана в соответствии с национальными интересами. Исследования показывают, что, Азербайджану нужна систематическая программа развития банковского сектора, учитывающая вехи, новые вызовы, приоритеты экономики и извлеченные уроки.

Ключевые слова: Центральный Банк Азербайджана, Банковский сектор Азербайджана, «долларизация экономики», система регулирования и надзора на рынке финансовых услуг, влияние COVID-19 на финансовый сектор.

Информация для цитирования: Мамедов З. Ф., Велиев Э. Н. оглы, Вейсов Е. Н. оглы. Оценка Национальный банковский сектор Азербайджана: становление и развитие // Научный результат. Экономические исследования. 2022. Т. 8. № 1. С. 85-98. DOI: 10.18413/2409-1634-2022-8-1-0-9

Zahid F. Mamedov,
El'khan N. Valiev,
Emin N. Veysov

ASSESSMENT OF THE NATIONAL BANKING SECTOR IN AZERBAIJAN: FORMATION AND DEVELOPMENT

¹Azerbaijan State University of Economics, Baku, Azerbaijan, 6 Istiglaliyat St.,
Baku, AZ1001, Azerbaijan

²Consulting Business Centre, 102a Nizami St., Baku, AZ1000, Azerbaijan

³Belarus State Economic University, 26 Partizanskiy Ave., Minsk, 220070, Republic of Belarus

e-mail: Prof.zahid.mamed@gmail.com, : e-valiyev@yahoo.com, Emin.veys@mail.ru

Abstract. Rapidly changing external conditions and the need to ensure financial stability make it necessary to re-evaluate the policy pursued by the Central Bank of Azerbaijan to protect the banking sector from external shocks and formulate proposals for its improvement. Due to the increased effect of external shocks after 2014 (Since 2014, due to the sharp drop in oil prices and the economic crisis experienced by trade and partners, in the conditions of the processes taking place in the country, such as a decrease in the rate of economic growth, institutional and structural reforms, the deficit of the balance of payments and the non-oil budget, changes in the financial and banking sectors, there was a need to develop a new approach to innovation and economic development of the financial services sector in Azerbaijan) the topic of the work becomes particularly relevant. The weak scientific development of the problem under study has determined its relevance, goals and objectives, as well as the need for its further study.

The purpose of the work is a thorough and comprehensive analysis and assessment of the activities of the banking sector of Azerbaijan, as well as the development of recommendations to improve the efficiency and reliability of the functioning of the banking sector of Azerbaijan in accordance with national interests. Studies show that Azerbaijan needs a systematic program for the development of the banking sector, taking into account milestones, new challenges, economic priorities and lessons learned.

Key words: The Central Bank of Azerbaijan, the banking sector of Azerbaijan; "dollarization of the economy"; the system of regulation and supervision in the financial services market; the impact of COVID-19 on the financial sector

Information for citation: Zahid F. Mammadov, El'khan N. Valiev, Emin N. Veysov. "Assessment of the national banking sector of Azerbaijan: formation and development", *Research Result. Economic Research*, 8(1), 85-98, DOI: 10.18413/2409-1634-2022-8-1-0-9

Введение

Азербайджан является активным участником глобальных экономических процессов, в связи с этим экономика страны сильно зависит от конъюнктуры мировых рынков. С конца 2014 года экономика и банковский сектор Азербайджана и испытали воздействие ряда негативных

внешних шоков. резкое снижение цен на энергоносители на мировых товарных рынках и снижение валютных поступлений Азербайджана, что ограничило возможность финансирования модели экономического роста, реализованной за последние 10 лет. Снижение доходов от нефти тоже, в свою очередь, усилило

необходимость трансформации в новый подход к экономическому росту.

Начало периода низких цен на нефть создало серьезные вызовы для экономики Азербайджана. Так, основными каналами влияния новых условий на национальную экономику были внешний баланс (платежный баланс), внутренний баланс (государственные финансы, включая стратегические валютные резервы; спрос на частные инвестиции → экономический рост → макроэкономическая стабильность), в том числе банковско-финансовый сектор (финансовая стабильность).

Негативные последствия падения цен на нефть не остались незамеченными и для банковского сектора, который является одним из каналов финансирования совокупного частного спроса (инвестиций и большего потребления). На фоне растущих рисков отсутствие у некоторых финансовых институтов устойчивой бизнес-модели и стратегии, ориентированной на устойчивые и долгосрочные цели, а также примитивное управление рисками, затруднили адаптацию банковского сектора к новой экономической конъюнктуре и рыночным условиям и ограничили финансовое посредничество. В направлении разрешения новых вызовов были определены стратегические цели, включая меры по капитализации и оздоровлению активов банковского сектора. В частности, «Стратегическая Дорожная Карта по развитию финансовых услуг в Азербайджанской Республике» (Согласно Распоряжению Президента Азербайджанской Республики, об утверждении «Главных направлений стратегической дорожной карты по национальной экономике и основным секторам экономики» и вытекающих из этого вопросах от 16 марта 2016 года № 1897 разработана «Стратегическая Дорожная Карта по развитию финансовых услуг в Азербайджанской Республике» (далее – Стратегическая Дорожная Карта)), разработана в целях оперативной адаптации к процессам, про-

текающим в глобальной экономике и финансовых рынках, и поддержки модели постнефтяного экономического развития с учетом новых призывов и возможностей, стоящих перед финансовым сектором. Документ разработан на основе принципов гибкости, конкурентоспособности, инновативности и экономического развития сектора финансовых услуг.

История и эволюция развития банковского сектора Азербайджана

Рассматривая развитие банковской системы Азербайджана с начала 1990-х годов, можно выделить пять этапов:

1. 1990 – 1992 гг. – Период формирования национальной банковской системы (18 октября 1991 года Азербайджан восстановил свою государственную независимость). Одним из законодательных актов, принятых сразу после восстановления независимости Азербайджана, была статья 14 Конституционного закона Азербайджанской Республики «Об основах экономической независимости Азербайджанской Республики» от 25 мая 1991 года, озаглавленная «Банковская система и денежное обращение. В ней были определены правовые основы независимой банковской системы в Азербайджане, статус и полномочия Национального Банка. 7 августа 1992 года был принят первый закон, регулирующий деятельность Национального Банка, – Закон «О Национальном банке Азербайджанской Республики». Новый закон позволил Национальному Банку работать более эффективно и результативно по всем функциональным областям. Определение и реализация денежной и валютной политики, регулирование и развитие платежной системы страны, осуществление банковского надзора, поддержание и управление международными золотовалютными резервами государства – это лишь часть важных функций Национального Банка [Мамедов З.Ф., 2009].

2. 1992 – 1994 гг. – Период стремительного роста количества коммерческих банков в условиях гиперинфляции;

3. 1995-2003 гг.- Оптимизация и реструктуризация банковской системы в условиях макроэкономической стабилизации;

4. 2003-2014 гг. – Трансформация крупных валютных доходов страны в государственные инвестиции, в результате делового и потребительского спроса, а также связанные с экономическим ростом оптимистические ожидания еще более увеличили спрос на банковские услуги. позитивный момент развития банковской системы Азербайджана после глобального кризиса (2007-2009 гг.) состоял в следующем: «Быстрое укрепление маната подтолкнуло процесс «девалютизации» сбережений населения, что поддержало рост ресурсной базы банков и удлинение сроков привлекаемых средств; Рост показателей внешней платежеспособности Азербайджана в сочетании с либерализацией валютного законодательства и укреплением маната стимулировали приток капиталов, резко повысили привлекательность банковского сектора для иностранных инвесторов; Снижение уровня инфляции, рост конкуренции, обусловленный открытием ключевых сегментов национального финансового рынка, дали импульс быстрому развитию новых перспективных видов финансовых услуг» [Ибиш Дж, Мамедов З.Ф, Зейналов В., 2010].

За этот период финансовая глубина (ВВП активов/ненефтяного сектора) достигла 77%, а кредитный портфель возрос в 30 раз.

5. 2014 г по настоящее время – Резкое снижение цен на нефть и экономический кризис, с которым сталкиваются торговые партнеры, на фоне происходящих в стране процессов, в частности понижения темпа экономического прироста, институциональных и структурных реформ, дефицита платежного баланса и ненефтяного бюджета, изменений в финансовом и банковском секторах, спровоцировало в Азербайджане необходимость в новом подходе инновативности и экономического разви-

тия сектора финансовых услуг» [Мамедов З.Ф., Намазов В.Ф., 2021].

В 2016 году в рамках экономических и институциональных реформ в стране были внесены изменения в полномочия Центрального банка. Так, в соответствии с поправками к Закону Азербайджанской Республики «О Центральном банке Азербайджанской Республики», принятыми 4 марта 2016 года, функции лицензирования и регулирования банковской деятельности, контроль над банковской деятельностью были переданы вновь созданной структуре.

После этого полномочия Центрального банка были сосредоточены в основном на денежно-кредитной политике, поддержке макроэкономической политики и политики финансовой стабильности, обеспечении регулирования и развития межбанковских централизованных и других нелицензионных платежных систем, а также организации наличного денежного обращения.

Распоряжением Президента Азербайджанской Республики от 28 ноября 2019 года «О совершенствовании системы регулирования и надзора на рынке финансовых услуг» полномочия органа по надзору за финансовым рынком, определенные законами Азербайджанской Республики, включая его обязанности и права в области лицензирования, регулирование и надзора на рынке финансовых услуг, защиты прав инвесторов и потребителей финансовых услуг, были переданы в Центральный банк Азербайджанской Республики.

На основе подкрепления принципов, форм и методов банковского развития новыми законами банковской системы была подготовлена благоприятная почва для оптимальной защиты прав и интересов вкладчиков и кредиторов, а также для осуществления банковского контроля на основе Базельских принципов и повышения надежности Азербайджанской банковской системы в целом.

В результате реализации эффективных мер за вышеуказанный период банковская система Азербайджанского государства оказалась устойчивой относительно к экономическим потрясениям различного рода в условиях мирового рынка.

Влияние COVID-19 (пандемии) на финансовый сектор страны. COVID-19 способствовал финансовой несостоятельности банков и компаний ряда стран, массовой безработице, переживанию мировой экономикой периода застоя и, как следствие, переходу глобальной экономики к спаду.

Пандемия пришла в Азербайджан позже, чем в другие страны, но стало наблюдаться явление удешевления цен на энергоносители. Успехи в поддержании макроэкономической стабильности в Азербайджане и решения, принятые для предотвращения глобальных рисков, ограничили риски увеличения глобальной волатильности для азербайджанского рынка [Мамедов З.Ф., 2020.].

Согласно Распоряжению Президента Азербайджана О ряде мер по снижению негативного влияния пандемии коронавируса (COVID-19) и вызванных ею резких колебаний, происходящих на мировых энергетических рынках и рынках акций, на экономику Азербайджанской Республики, макроэкономическую стабильность, вопросы занятости в стране и субъектов предпринимательства, были созданы четыре Рабочие группы (Официальный сайт президента...).

Рабочей группе, действующей под руководством председателя Центрального Банка, было поручено осуществить оценку предполагаемого негативного влияния пандемии на финансовый сектор и макроэкономическую среду Азербайджана, подготовить и представить Кабинету Министров предложения в связи с подлежащими принятию дополнительными мерами для поддержки стабильности курса азербайджанского маната и потребительских цен, для сохранения

макроэкономической стабильности в стране.

Рабочей группе, созданной под руководством председателя Центрального Банка, было поручено осуществить оценку предполагаемого негативного влияния пандемии на финансовый сектор и макроэкономическую среду Азербайджана, в том числе:

–Поддержка стабильности курса азербайджанского маната;

–Поддержка стабильности потребительских цен

–Сохранение макроэкономической стабильности в стране.

В настоящее время как социальная, так и бюджетная, денежная политика в Азербайджане главным образом направлены на нейтрализацию доходов населения и бизнеса, пострадавших от пандемии.

Основная цель мер, предпринимаемых Правительством и Центральным Банком, заключается в оздоровлении финансовой системы в целом и защите интересов потребителей, в частности их вкладов в банках, и предотвращении угрозы их потери, создании возможностей для их свободного использования.

Для поддержки финансовой стабильности банковской системы, был принят ряд предупредительных мер по иммунизации до того, как стали ощущаться последствия кризиса. То есть, если можно так выразиться, в период экономического и кредитного бума принимались меры контрциклического пруденциального регулирования. Так, в годы бума роста высокими темпами банковских активов, Центральный Банк банки в условиях активного диалога:

–призвал к осторожной кредитной политике;

–обеспечил повышение уровня капитализации и резервирования;

–ужесточил нормативы пруденциального регулирования;

–применил обязательные резервы по иностранным займам.

Новые траектории развития финансового сектора.

В целом, по данным Центрального Банка Азербайджана, к концу 2020 года в стране действовали 26 банков, 27 страховых организаций, 91 небанковская кредитная организация, 42 кредитных союза, 63 национальных оператора почтовой связи Azərpoçt, 5 инвестиционных компаний [7,1082].

Кредитные организации занимают доминирующее положение в финансовой системе. Доля банков и небанковских кредитных организаций в совокупных активах финансовой системы в 2015 году составила 88 процентов и 9,7 процента соответственно, а доля страховых компаний в совокупных активах – 2,3 процента.

Среднегодовые темпы роста страхового сектора в Азербайджане с 2010 по 2015 год составили 20%. В 2015 году объем страховых премий увеличился и составил 444 миллиона азербайджанских манатов. Однако доля страховых премий в ВВП составляет всего 0,8%. Уровень высокой зависимости от банковского сектора представляет собой серьезный риск для страховых компаний. Эффективное функционирование страхового рынка в Азербайджане зависит, прежде всего, от наличия необходимой нормативной базы. Рынок страхования регулируется на основании ряда нормативных актов, в том числе Гражданского кодекса Азербайджанской Республики, соответствующих законов («страховая деятельность», «медицинское страхование граждан», «обязательное страхование пассажиров»), решений и распоряжений правительства Азербайджана и Центрального банка в качестве регулятора рынка.

В настоящее время на страховом рынке Азербайджана действуют 20 страховых и одна перестраховочная компания, 4 из них являются компаниями по страхованию жизни.

Около 73% (414,9 миллиона манатов) всех собранных на рынке сборов приходится на добровольное страхование, а 27% (153,6 миллиона манатов) – на сегмент обязательного страхования. Доля добровольного страхования по выплатам составила 73,5% (137,3 миллиона манатов), а доля обязательного страхования – 26,5% (49,6 миллиона манатов). При этом сборы десяти ведущих страховых компаний составили 508,99 миллиона манатов (89,54% от общего объема страховых премий).

К концу 2020 года ожидается продолжение развития рынка страхования в Азербайджане, особенно за счет страхования недвижимости и сельскохозяйственного страхования. У правительства уже есть дорожная карта по этому направлению. Исходя из ожидаемого увеличения суммы банковских кредитов на следующий год, особенно для розничного автомобильного рынка, то можно прогнозировать позитивный рост в области услуг по страхованию КАСКО.

Страхование интеллектуальной собственности, которое было введено в прошлом году, все еще не пользуется большой популярностью среди местных организаций. Эксперты считают, что продукт может быть интересен иностранным компаниям, которые экспортируют различную продукцию в Азербайджан и борются с контрафактом.

Некоторые иностранные компании, работающие в Азербайджане, такие как Unilever, уже приобрели этот страховой продукт. Для органического роста страхования по интеллектуальной собственности необходимо упростить процесс получения патентов, что собственно позволит увеличить количество интеллектуальной собственности в целом.

Закон об Аграрном страховании в Азербайджане был принят в июне 2019 года. Следовательно, важно применять модель аграрного страхования, которая соответствует характеристикам местного страхового рынка, сельского хозяйства и государственной политики. Через год после

вступления закона в силу, в январе 2020 года, был запущен Фонд Аграрного Страхования. Цель Фонда является обеспечение организации, развития и устойчивости системы аграрного страхования.

Рынок капитала регулируется Центральным Банком Азербайджанской Республики, который является мегарегулятором всего финансового рынка (банки, институты рынка капитала и страховые компании). Все ценные бумаги дематериализованы на 99% и хранятся в Национальном Депозитарном Центре (НДЦ), которая также действует как центральная клиринговая и расчетная организация. Расчет осуществляется по принципу DVP, где члены НДЦ выступают в качестве расчетного агента.

Существует только один регулируемый рынок, организованный Бакинской Фондовой Биржей (БФБ). Бакинская фондовая биржа – это закрытая акционерная обществу, принадлежащая 20-и акционерам, в основном местным банкам и инвестиционным компаниям, а также Стамбульской Бирже (Borsa Istanbul). 15 февраля 2000 года при учредительстве нескольких крупных банков и финансовых структур была создана Бакинская фондовая биржа, считающаяся основной торговой инфраструктурой на рынке ценных бумаг. Его основная функция заключается в организации купли-продажи всех видов ценных бумаг, предусмотренных законодательством страны. Также был реорганизован Национальный Депозитарный Центр, начали появляться брокерские и дилерские институты – посредники современного фондового рынка. Техническая инфраструктура для торговли основана на торговой системе Корейской Биржи (Exture), разработанной компанией KOSCOM (подразделение Корейской Биржи).

На конец 2020 года на рынке ценных бумаг Азербайджана действуют 7 инвестиционных компаний (ЗАО «Инвестиционная компания PSG-Kapital», Инвестиционная компания “Kapital

Menecment”, Инвестиционная компания “Invest-Az”, Инвестиционная компания “AzFinance”, Инвестиционная компания “Unicapital”, ЗАО Инвестиционная компания “PAŞA Kapital”, ЗАО Инвестиционная компания “Xalq Kapital”, ЗАО Инвестиционная компания “BTV Kapital”) и большинство из них являются производными от банков предприятиями.

В республике действуют 3 компании с депозитарными лицензиями: закрытые акционерные общества «Бакинская Фондовая Биржа» и «Национальный Депозитарный Центр», а также Общество с Ограниченной Ответственностью Korporeyt Trast Eucensi”.

Торговля на фондовой бирже осуществляется инвестиционными компаниями, которые являются членами БФБ.

Рынок облигаций имеет значительный удельный вес в общем обороте биржи, включая государственные облигации, выпущенные Министерством Финансов, ноты Центрального Банка и облигации, выпущенные Государственным Ипотечным Фондом. Годовая процентная ставка по государственным облигациям в национальной валюте составляет около 8,5% в среднем (выпускаются сроком на 1,2,3 и 5 лет). Размещение (первичный рынок) и вторичные торги по всем государственным облигациям происходят на платформе БФБ.

В 2019 году Черноморский Банк Торговли и Развития выпустил 2-летние облигации в национальной валюте на 10 млн., с годовой ставкой 9,25%, для поддержки местных проектов.

В настоящее время удельный вес рынка государственных ценных бумаг на рынке ценных бумаг в Азербайджане составляет 54,3%, из которых до 92% составляют краткосрочные ноты, а доля рынка корпоративных ценных бумаг составляет всего 9%.

Из проведенного нами исследования видно, что за последние годы в уровне развития рынка ценных бумаг республики достигнут значительный прогресс, наряду

с положительными количественными показателями наблюдаются и значительные качественные изменения.

Основная часть

С конца 2014 года наблюдалось резкое снижение цен на энергоносители на мировых товарных рынках и снижение валютных поступлений Азербайджана, что ограничило возможность финансирования модели экономического роста, реализованной за последние 10 лет. Снижение доходов от нефти тоже, в свою очередь, усилило необходимость трансформации в новый подход к экономическому росту. Негативные последствия падения цен на нефть не остались незамеченными и для банковского сектора, который является одним из каналов финансирования совокупного частного спроса (инвестиций и большего потребления).

В целях минимизации негативного воздействия резкого падения цен на нефть на глобальных товарных рынках на внешне- и внутриэкономический баланс Азербайджана, повышения международной конкурентоспособности экономики страны, а также обеспечения целостности резервов страны в иностранной валюте Правление Центрального Банка Азербайджанской Республики Постановлением от 21 декабря 2015 года отказалось от режима фиксированного обменного курса, и началось введение режима плавающего регулируемого обменного курса.

На фоне растущих рисков отсутствие у некоторых финансовых институтов устойчивой бизнес-модели и стратегии, ориентированной на устойчивые и долгосрочные цели, а также примитивное управление рисками, затруднили адаптацию финансовой системы к новой экономической конъюнктуре и рыночным условиям и ограничили финансовое посредничество. В направлении разрешения новых вызовов были определены стратегические цели, включая меры по реструктуризации и капитализации банков, оздоровлению активов, развитию страхового

рынка, усилению финансовой инклюзивности.

Растущая чувствительность финансовых институтов к рискам в текущей экономической среде и появление новых зон риска вызвали необходимость совершенствования практики управления рисками в этом секторе. Например, в «AtaBank»-е, закрытом в мае 2020 года, удельный вес проблемных кредитов в общем кредитном портфеле банка достигла 88% [Мамедов З.Ф., 2020].

За последние четыре года закрылись 15 банков. «В течение 2016-2017 годов были отозваны лицензии Yunayted Kredit Bank, Bank of Azerbaijan, Gencebank, Teknikabank, Parabank, Zaminbank, Kredobank, Dekabank, Atrabank, Кавказского банка развития, Bank Standard и DəmirBank».

«Ситуация с пандемией, карантином, а вместе с тем и падение цен на нефть, еще больше осложнила жизнь всем банкам страны. Соответственно, в рамках продолжающейся реформы по оздоровлению банковского сектора и развития кредитования 27 апреля 2020 г. решением правления ЦБА в ОАО Atabank, AGBank, NBC Bank и Amrah Bank назначены временные администраторы, а затем, 28 апреля и 12 мая 2020 г., все четыре банка были ликвидированы и подали заявления о банкротстве».

Исходя из данных по банковской системе за 2020 год, в Азербайджане средний уровень достаточности капитала был равен 18%, в то время как, по Базельской методике минимальный уровень составляет 8%, а по условиям ЦБА -12%.

В настоящее время из 26 банков, действующих в Азербайджане, в 12 – присутствует иностранный капитал. В семи из них участие зарубежного капитала составляет от 50 до 100 процентов, в 14 банках – до 50 процентов. В стране действуют филиалы двух зарубежных банков. В стране также осуществляют свою деятельность два местных филиала НБ Ирана и НБ Пакистана.

«Интерес международных финансо-

вых институтов и зарубежных банков к азербайджанскому банковскому рынку не перестает расти. Из-за повышения инвестиционной привлекательности банковского рынка страны в Центральный банк Азербайджана (ЦБА) продолжают поступать обращения от желающих инвестировать в банковскую систему страны» [Иностранные банки..., 2022].

«Центробанк Азербайджана, в свою очередь, заинтересован во вхождении на отечественный банковский рынок "брендовых" банков и всегда поддерживал выход иностранных банков на местный рынок. На сегодня в Азербайджане нет ограничений для участия зарубежного капитала в банковском секторе» [Иностранные банки..., 2022].

В целом, участие в банковском секторе банков с иностранным капиталом способствует повышению конкурентоспособности, применению новых технологий, улучшению применения стандартов корпоративного управления, что в итоге приводит к улучшению качества оказываемых услуг и предоставлению надежных банковских продуктов.

«В Азербайджане также действуют пять представительств иностранных банков. Среди них есть – Commerzbank, Citi bank, Societe Generale. В будущем возможно преобразование этих представительств в дочерние банковские структуры. Надо сказать, что иностранные банки или банки с участием иностранного капитала сегодня занимают до 50 процентов банковского рынка Азербайджана» [Банковский рынок..., 2022].

Присутствие иностранных инвесторов в структуре собственности азербайджанских банков следует рассматривать в качестве важнейшего фактора, оказывающего самое значительное воздействие на их конкурентоспособность и возможности капитализации в условиях либерализации рынка банковских услуг.

К тому же уже обсуждаются возможности создания в Баку одного из региональных финансовых центров, региональ-

ного центра по исламскому банкингу. «Азербайджан активно расширяет сотрудничество с Исламским Банком Развития (IDB) для внедрения в систему исламского банка в Азербайджане» [Мамедов З.Ф., 2018.].

Правительство Азербайджана и Исламский банк развития подписали грантовое соглашение, предусматривающее предоставление технической помощи в целях подготовки законодательной базы, касающейся исламского финансирования (В 1991-2018 гг. Исламский банк развития выделил Азербайджану кредитов на сумму \$1,387 млрд. Отметим, что на подготовку правовой базы для исламского финансирования). Соглашение ставит целью исследование банковского законодательства и анализ возможностей внедрения в Азербайджане основных норм исламского банкинга (Исламский банк развития (ИБР) предоставил Азербайджану техническую помощь в размере 200 тысяч долларов. Техническую помощь предусматривает анализ банковского законодательства и изучение возможностей внедрения в Азербайджане принципов исламского банкинга).

По состоянию на 1 января 2020 г. в Азербайджане в целом по банковскому сектору уровень достаточности капитала (отношения собственного капитала по активам) составила 18% (минимум уровень по методике Базеле – 8%, ЦБА установлен 12%). Он характеризует надежно обеспеченность активов банка его собственным капиталом. Он также отметил, что на сегодняшний день банковский сектор в основном оценивается по объему адекватного капитала, который в Азербайджане составляет 4,7 миллиарда манатов.

Адекватность капитала банковского сектора на сегодняшний день составляет примерно 23%, что в 2,3 раза выше нормативных требований. Капитальный буфер сектора составляет 2,2 млрд манатов. В целом, банковский сектор обладает достаточной ликвидностью. На сегодняшний день ликвидные средства банков превы-

шают 9 млрд манатов, что составляет 29% активов банковского сектора.

Среди отечественной банковской системы, исходя из величины активов, можно выделить три основополагающих кредитно-финансовых учреждения, это «Международный банк Азербайджана» (Вопрос приватизации Межбанка обсуждается с 1999 года. Она даже несколько раз планировалась. Но в итоге банк все еще остается в собственности государства.), «Pasha Bank» и «Kapital Bank».

Таким образом, неотложной задачей современного периода является формирование основных принципов стратегии Азербайджана относительно обеспечения эффективной и безопасной интеграции отечественной экономики в глобальное финансовое пространство. Эта стратегия должна сконцентрироваться на решении внутренних для Азербайджана задач по активизации привлечения иностранного капитала, отвечать внешнеполитическим и экономическим целям государства, а также обеспечивать сохранение национальной финансовой безопасности страны.

Эффективными средствами укрепления банковских систем и стимулирования процесса консолидации стали меры по реструктуризации, а также ужесточение требований к минимальному капиталу и повышение коэффициентов достаточности капитала.

Цифровая трансформация банковского сектора Азербайджана.

Цифровая трансформация является приоритетным направлением Национальной стратегии по развитию информационного общества в Азербайджанской Республике на 2014-2020 годы. Цифровые технологии во многом рассматриваются как важный стратегический вектор в национальной политике по диверсификации экономики [Аббасов А., Мамедов З.Ф., 2019].

Реализация цифрового потенциала в финансовом и банковском секторах в первую очередь ведет к повышению степени прозрачности, доступности, интегра-

ции, эффективности и гибкости. Цифровая модернизация банковского сектора неразрывно связана с внедрением банковских инноваций.

Развитие финтех для банковского сообщества Азербайджана – синоним пути к цифровизации экономики, поэтому данное направление в стране активно поддерживается, в том числе и на государственном уровне. В последние годы на банковский рынок Азербайджана активно проникают цифровые финансовые услуги.

Азербайджанские банки потратили примерно 310 млн манатов (это составляет 8% от непроцентных расходов) на внедрение финансовых технологий. Очевидно, что цифровизация требует от банков больших капиталовложений.

«Азербайджан ведет комплексную работу по расширению цифрового банкинга в стране. С этой целью была принята госпрограмма по расширению цифровых платежей в 2018-2020 годах. Распоряжением Президента Азербайджанской Республики утверждена «Государственная программа по расширению цифровых платежей в Азербайджанской Республике в 2018-2020 годах». Стратегическая цель Государственной программы заключается в значительном расширении среды безналичных платежей среди граждан, субъектов бизнеса и государственных структур, сведении до минимума объема наличного оборота и, как результат, укреплении базы финансовых ресурсов банковского сектора. Поэтому важнейшими стратегическими приоритетами в стране остаются расширение ассортимента, качества и сферы применения услуг по цифровым платежам путем усиления институциональной и правовой базы данных услуг, повышения инфраструктурных возможностей, а также обеспечения массовости их использования.

Расширение применения и использования цифровых платежей, обеспечил прозрачность экономических оборотов, способствовали сокращению расходов, связанных с наличными деньгами, операционных расходов банков и учреждений, что,

в свою очередь, придаст импульс расширению возможностей выхода налоговой базой, а также населением и учреждениями на финансовые услуги, и, как результат, – экономическому росту.

В целях расширения услуг электронных финансово-банковских услуг в рамках Государственной Программы 13 октября 2020 года Центральный Банк ввел в эксплуатацию Систему Цифровой Идентификации (СЦИ). При создании СЦИ в стране была впервые внедрена платформа блокчейна «Hyperledger Fabric» и обеспечено хранение данных в базе данных, основанной на технологии распределенного реестра, при полной конфиденциальности. При этом одной из целей были расширение охвата предлагаемых услуг электронного банкинга, выстраивание отношения «клиент-банк» в более современной плоскости, создание данных услуг на основе новейших технологических решений и вывод их на качественно новый этап и повышение в результате этого клиентской удовлетворенности.

В рамках проекта создана возможность открывать банковские счета и получать платежные карты в качестве пилотного проекта путем идентификации клиентов в соответствии с политикой «знай своего клиента» при удаленном получении финансово-банковских услуг юридическими и физическими лицами. Тем самым были обеспечены оперативный доступ к банковским услугам на расстоянии без подхода к банку, устранение необходимости предоставления требуемой информации на бумажных носителях, в том числе полнота, доступность и конфиденциальность информации. По состоянию на 01.01.2021 года 10 банков были интегрированы в платформу СЦИ.

В 2021 году для подготовки плана мер по переходу финансовой системы страны к стандарту ISO20022 были проведены вместе с представителями SWIFT – Сообщества Всемирных Межбанковских Финансовых Телекоммуникаций.

Применение международного стандарта ISO20022 в инфраструктуре НПС позволит создать единые форматы данных для обмена между участниками платежных систем, минимизировать риски при совершении платежных операций, сократить затраты ресурсов на автоматизацию (финансовые, временные, человеческие), а также создать обширную функциональность отчетности.

В настоящее время в Портале правительственных платежей (ППП) интегрированы 11 центральных органов исполнительной власти, 4 предприятия коммунальных услуг, 5 операторов стационарной и мобильной связи, 114 судебных органов, 19 страховых компаний, 1438 муниципальных органов и другие социально значимые учреждения (Портала правительственных платежей (ППП), который был создан для централизованного сбора платежей по бюджетным платежам и массовым услугам.).

Сегодня платежи по более 800 услугам осуществляется организациями, интегрированными в ППП. Оплата данных услуг может производиться в наличной и безналичной форме в 26 банках и более чем 2,5 тысячи филиалах и отделениях ООО «Azərpoçt», около 1300 платежных терминалах. Общий объем операций, совершаемых через ППП, в течение 2020 года составил 3,3 млрд. манатов, причем 54% данных операций были осуществлены в безналичной форме. Объем совершенных безналичных операций по сравнению с 2019 годом увеличился на 22%.

Банк ВТБ (Азербайджан) планирует до 2022 года создать цифровой банк и новую модель продаж в розничном бизнесе, запуск цифрового банка планируется на базе мессенджеров Facebook и Whatsapp (трансграничные операции в чат-боте): "Обеспечение 100%-й доступности продуктов и сервисов в цифровых каналах увеличит долю доход приносящих клиентов среднего и малого бизнеса с 30 до 80% в цифровых каналах.

Одним из факторов, обеспечивающих стабильные нормальные условия работы цифрового банкинга в Азербайджане является законодательство. Международный опыт показывает, что для эффективного функционирования банковской системы необходимо принять закон «О платежных услугах и платежных системах» [Мамедов З.Ф.; Велиев Е, Вейсов Е., 2021].

Заключение

Цели и задачи Центрального Банка определяются в соответствии с общим контекстом развития национальной экономики. Целью деятельности Центрального Банка является обеспечение ценовой стабильности в пределах своих полномочий, определенных законодательством, организация и обеспечение работы межбанковских централизованных и иных нелицензионных платежных систем, а также поддержание стабильности банковской системы.

В целом перед монетарным органом Азербайджана в текущей макроэкономической ситуации стоят три основные задачи: ограничение инфляции; поддержание стабильности курса национальной валюты и развитие банковского сектора и обеспечение финансовой стабильности.

В 2022 году приоритетной целью денежной политики будет ценовая стабильность, которая является основным гарантом доверия к национальной валюте. Мы считаем, что в 2022 году политика в финансовом секторе будет сосредоточена на поддержании финансовой стабильности, поддержке экономических субъектов, пострадавших от пандемии, а также на углублении финансового посредничества и рынков. Все это должно еще больше поднять роль финансового сектора в экономическом росте страны. Центральный Банк намерен коренным образом модернизировать и стандартизировать рамки деятельности, обеспечивающие управление макроэкономической и финансовой стабильностью, а также реализацию

важных функций, закрепленных законодательством.

Список литературы

1. Аббасов А., Мамедов З.Ф., 2019. Цифровизация банковского сектора: новые вызовы и перспективы // Экономика и управление. 2019. № 6 (150): 4-10.
2. Аббасбейли М., Мамедов З.Ф., 2013. Особенности деятельности центрального банка Азербайджана // Финансы и кредит. 2013. – № 47.
3. Банковский рынок Азербайджана нуждается в зарубежных игроках Режим доступа: <https://www.trend.az/business/economy/2491997.html>. (дата обращения: 01.02.2022).
4. Ибиш Дж, Мамедов З.Ф, Зейналов В., 2010. Антикризисная политика в банковской сфере: Турция, Российская Федерация и Азербайджан (сравнительный анализ) // Экономика и управление. – 2010. – № 9: 3 – 25.
5. Иностранные банки стимулируют реформы в банковском секторе Азербайджана Режим доступа: <https://www.trend.az/business/economy/2499904.html>. (дата обращения: 01.02.2022).
6. Мамедов З.Ф., 2006. Анализ и оценка банковских рисков // Известия СПбУЭФ. 2006. – № 3: 93- 102.
7. Мамедов З.Ф., 2009. Денежно-кредитная система Азербайджана // Общество и экономика. – 2009. – № 3: 82- 107.
8. Мамедов З.Ф., 2018. Исламская банковская система: новые вызовы, проблемы и перспективы развития // Экономика и Управление. 2018. № 4 (150): 4-10.
9. Мамедов З.Ф., Намазов В.Ф., 2021. Финансовый рынок Азербайджана: новые тренды и перспективы // Финансы и кредит. 2021. Т. 27. № 5 (809): 1074-1092.
10. Мамедов З.Ф., 2020. Банковский сектор Азербайджана: новые тренды и перспективы // Российский научный журнал (РНЖ) «Экономика и управление». 2020. – Том 26. № 7: 775-783.
11. Мамедов З.Ф.; Велиев Е, Вейсов Е., 2021. Перспективы развития цифрового банкинга в Азербайджане // Информация и инновации. 2021, Т. 16, № 3.
12. Официальный сайт президента Азербайджанской республики. Режим доступа:

<https://ru.president.az/articles/3622>. (дата обращения: 01.02.2022).

13. Рустамов Э. С., 2010. Глобальный кризис и антикризисная политика Центрального банка Азербайджана // Деньги и Кредит. – 1/2010: 27-35.

14. Рустамов Э., 2010. Макроэкономическая политика и институциональное развитие в нефтеэкспортирующих странах (на примере Азербайджана) // Автореферат – диссертации на соискание ученой степени доктора экономических наук. Москва – 2010: 48.

15. Mamedov Z. F., Gasimov A., (2020). Islamic financial system: key trends and prospects // Economic and Social Development (Book of Proceedings), 70 th International Scientific Conference on Economic and Social Development – XX International Social Congress (ISC 2020). – Baku, 25-26 June, 2021: 459-466.

References

1. Abbasov A., Mammadov Z.F., (2019). Digitalization of the banking sector: new challenges and prospects // Economics and management. 2019. № 6 (150): 4-10. (in Russian).

2. Abbasbeyli M., Mammadov Z.F., (2013). Features of the activity of the Central Bank of Azerbaijan // Finance and credit. 2013. – No. 47. (in Russian).

3. Azerbaijan's banking market needs foreign players Access mode: <https://www.trend.az/business/economy/2491997.html>. (Accessed 01 February 2022).

4. Ibish J., Mammadov Z.F., Zeynalov V., (2010). Anti-crisis policy in the banking sector: Turkey, the Russian Federation and Azerbaijan (comparative analysis) // Economics and management. – 2010. – № 9: 3 – 25. (in Russian).

5. Foreign banks stimulate reforms in the banking sector of Azerbaijan Access mode: <https://www.trend.az/business/economy/2499904.html>. (Accessed 01 February 2022).

6. Mammadov Z.F., (2006). Analysis and assessment of banking risks // Izvestiya SPbUEF. 2006. – № 3: 93- 102. (in Russian).

7. Mammadov Z.F., 2009. Monetary system of Azerbaijan // Society and economy. – 2009. – № 3: 82- 107. (in Russian).

8. Mammadov Z.F., (2018). Islamic banking system: new challenges, problems and development prospects // Economics and Management. 2018. № 4 (150): 4-10. (in Russian).

9. Mammadov Z.F., Namazov V.F., (2021). Financial market of Azerbaijan: new trends and

prospects // Finance and Credit. 2021. Т. 27. № 5 (809): 1074-1092. (in Russian).

10. Mammadov Z.F., (2020). The banking sector of Azerbaijan: new trends and prospects // Russian Scientific Journal (RNJ) "Economics and Management". 2020. – Volume 26. No 7: 775-783. (in Russian).

11. Medov Z.F.; Veliev E., Veisov E., (2021). Prospects for the development of digital banking in Azerbaijan // Information and innovations. 2021, Vol. 16, No. 3.

12. Official website of the President of the Republic of Azerbaijan. Access mode: <https://ru.president.az/articles/3622> . (Accessed 01 February 2022).

13. Rustamov E. S., (2010). Global crisis and anti-crisis policy of the Central Bank of Azerbaijan // Money and Credit. – 1/2010: 27-35.

14. Rustamov E., (2010). Macroeconomic policy and institutional development in oil exporting countries (on the example of Azerbaijan) // Abstract – dissertations for the degree of Doctor of Economics. Moscow – 2010: 48. (in Russian).

15. Mammadov Z. F., Gasimov Sh., (2020). Islamic financial system: key trends and prospects // Economic and Social Development (Collection of Materials), 70th International Scientific Conference on Economic and Social Development – XX International Social Congress (ISC 2020). – Baku, June 25-26, 2021: 459-466.

Информация о конфликте интересов:

авторы не имеют конфликта интересов для декларации.

Conflicts of Interest: the authors have no conflict of interest to declare.

Мамедов Захид Фаррух, доктор экономических наук, профессор, заслуженный учитель Азербайджана; Директор департамента «Организация и управление научной деятельностью» Азербайджанского Государственного Экономического Университета (UNEC), проф. кафедры «Финансы и финансовых институтов» UNEC, "Институт Систем Управления" НАНА.

Zakhid F. Mamedov, Doctor of Economics, Professor, Honored Teacher of Azerbaijan; Director of the Department "Organization and Management of Scientific Activities" of the Azerbaijan State University of Economics (UNEC), Professor of the Department "Finance and Finan-

cial Institutions" of UNEC, "Institute of Management Systems" of ANAS.

Валиев Эльхан Нариман оглы, кандидат экономических наук, директор Центра «Бизнес-консалтинг» (Баку, Азербайджан)

El'khan N. Valiev, Candidate of Sciences (Economics), Director of the Consulting Business Centre (Baku, Azerbaijan)

Вейсов Эмин Назим оглы, магистрант кафедры экономики и управления Белорусский государственный экономический университет 220070, Республика Беларусь, г. Минск

Emin N. Veysov, Postgraduate Student of the Department of Economics and Management, Belarus State Economic University (Minsk), Republic of Belarus

УДК 338.43.02

DOI: 10.18413/2409-1634-2022-8-1-0-10

Соловьева Н.Е.

**ФИНАНСОВЫЙ МЕХАНИЗМ ОСУЩЕСТВЛЕНИЯ
ГОСУДАРСТВЕННОЙ ПОДДЕРЖКИ
АГРОПРОИЗВОДИТЕЛЕЙ**

Белгородский государственный национальный исследовательский университет, Россия,
308015, г. Белгород, ул. Победы, 85

e-mail: solovjeva@bsu.edu.ru

Аннотация.

В статье рассмотрены мероприятия государственной поддержки для агропроизводителей, где раскрыта характеристика элементов финансового механизма. Сформулированы факторы и особенности влияющие на воспроизводство АПК, а также перечислены проявления отраслевых особенностей финансового механизма в агропроизводстве.

Автор уделяет большое внимание наиболее эффективным инструментам, унифицированным формам и методам поддержки, которые учитывают принципы льготного кредитования, уменьшение налогооблагаемой базы, различные компенсации по затратам, оказывающие влияние на создание и модернизацию объектов АПК в современных условиях.

При проведении анализа исследования использовались статистические данные, которые позволили сделать вывод о том, что с помощью гос поддержки могут быть достигнуты такие цели как: развитие экономического роста сельскохозяйственного производства, решение продовольственной безопасности государства, увеличение вклада аграрного сектора в российскую экономику.

Ключевые слова: агропромышленный комплекс, агропроизводство, государственная поддержка, кредитование, лизинг, сельскохозяйственная продукция, субсидии, сельскохозяйственный товаропроизводитель, финансовый механизм.

Информация для цитирования: Соловьева Н.Е. Финансовый механизм осуществления государственной поддержки агропроизводителей // Научный результат. Экономические исследования. 2022. Т. 8. № 1. С. 99-108. DOI: 10.18413/2409-1634-2022-8-1-0-10

Natalia E. Solovjeva

**A FINANCIAL MECHANISM OF STATE SUPPORT
FOR AGRICULTURAL PRODUCERS**

Belgorod State National Research University, 85 Pobedy St., Belgorod, 308015, Russia

e-mail: solovjeva@bsu.edu.ru

Abstract.

The article considers the measures of state support for agricultural producers, where the characteristics of the elements of the financial mechanism are revealed. The factors and features influencing the reproduction of the agro-industrial com-

plex are formulated, as well as the manifestations of the sectoral features of the financial mechanism in agricultural production are listed.

The author pays great attention to the most effective tools, unified forms and methods of support that take into account the principles of preferential lending, reduction of the tax base, various cost compensations that affect the creation and modernization of agricultural facilities in modern conditions.

During the analysis of the study, statistical data were used, which allowed us to conclude that with the help of state support, such goals as the development of economic growth of agricultural production, solving the food security of the state, increasing the contribution of the agricultural sector to the Russian economy can be achieved.

Key words: agro-industrial complex; agricultural production; state support; lending; leasing; agricultural products; subsidies; agricultural commodity producer; financial mechanism

Information for citation: Solovjeva N.E. "A financial mechanism of state support for agricultural producers", *Research Result. Economic Research*, 8(1), 99-108, DOI: 10.18413/2409-1634-2022-8-1-0-10

Введение

В Российской Федерации в связи с пандемией, санкциями и другими актуальными проблемами большое внимание уделяется развитию агропромышленного комплекса страны, так как от него на прямую зависит продовольственная безопасность целого государства. Необходимость эффективного функционирования и наращивание экспорта сельскохозяйственной продукции считается одной из главных задач агропромышленного комплекса Российской Федерации. Добиться поставленных задач без государственной поддержки очень сложно, практически невозможно, поэтому государство оказывает различные меры стимулирующего характера для дальнейшего эффективного функционирования и развития агропромышленного комплекса Российской Федерации.

В настоящее время в Российской Федерации функционируют бюджетные инструменты поддержки агропроизводителей, которые формируются за счет средств федерального и регионального бюджетов в форме субсидий, дотаций и т.д., образуя финансовый механизм государственной поддержки аграриев.

Изучением актуальных вопросов государственной поддержки агропроизводи-

телей занимались такие ученые как И. А. Алтухов, А. В. Гордеев, В.А. Горемыкин, М. И. Козырь, Л.Ф. Кормаков, А.Р. Кулов, О. А. Фролова и многие другие. Несмотря на значительное число исследователей-ученых, такое направление как финансовый механизм государственной поддержки требует дальнейшего исследования.

Целью исследования является проведение анализа и совершенствование методов и направлений финансового механизма осуществления государственной поддержки агропроизводителей в Российской Федерации.

Объектом исследования выступали взаимоотношения органов государственной власти и агропроизводителей, которые складываются в процессе их взаимодействия.

В ходе исследования были использованы методы экономико-статистического и системно-структурного анализа, сравнительный и графический методы, где обработка информации и расчеты выполнялись с применением прикладных программ Microsoft Office.

Основная часть

Повышение действий экономической интеграции Российской Федерации в ми-

ровом сообществе на фоне геополитического кризиса, пандемии, санкций обуславливают важность вопроса по обеспечению продуктового продовольствия, конкурентоспособности отечественного сельскохозяйственного производства и экспорта. Обеспечение конкурентных преимуществ сельскохозяйственных предприятий во многом обусловлено состоянием воспроизводственных процессов в отрасли.

В настоящее время сельское хозяйство и сельскохозяйственные товаропроизводители нуждаются в государственной поддержке в связи с этим одним из актуальных вопросов становится привлечение финансов и инвестиций в агропроизводство, а следовательно, формируется необходимость в разработке современного

и эффективного финансового механизма государственной поддержки [Vaganova O.V., Solovjeva N.E., Lesovik R.V., Lesovaya S.L., 2020].

Вопрос преобразования действующего финансового механизма для эффективного развития агропромышленной отрасли в условиях кризиса и санкционного давления является сложным процессом, т.к. развитие сельского хозяйства на прямую зависит от разнообразия форм организации финансово-экономических отношений, использования различных финансовых инструментов и методов, формирующих финансовый механизм, который должен быть направлен в первую очередь на финансовое обеспечение воспроизводственных процессов в АПК (рис. 1).

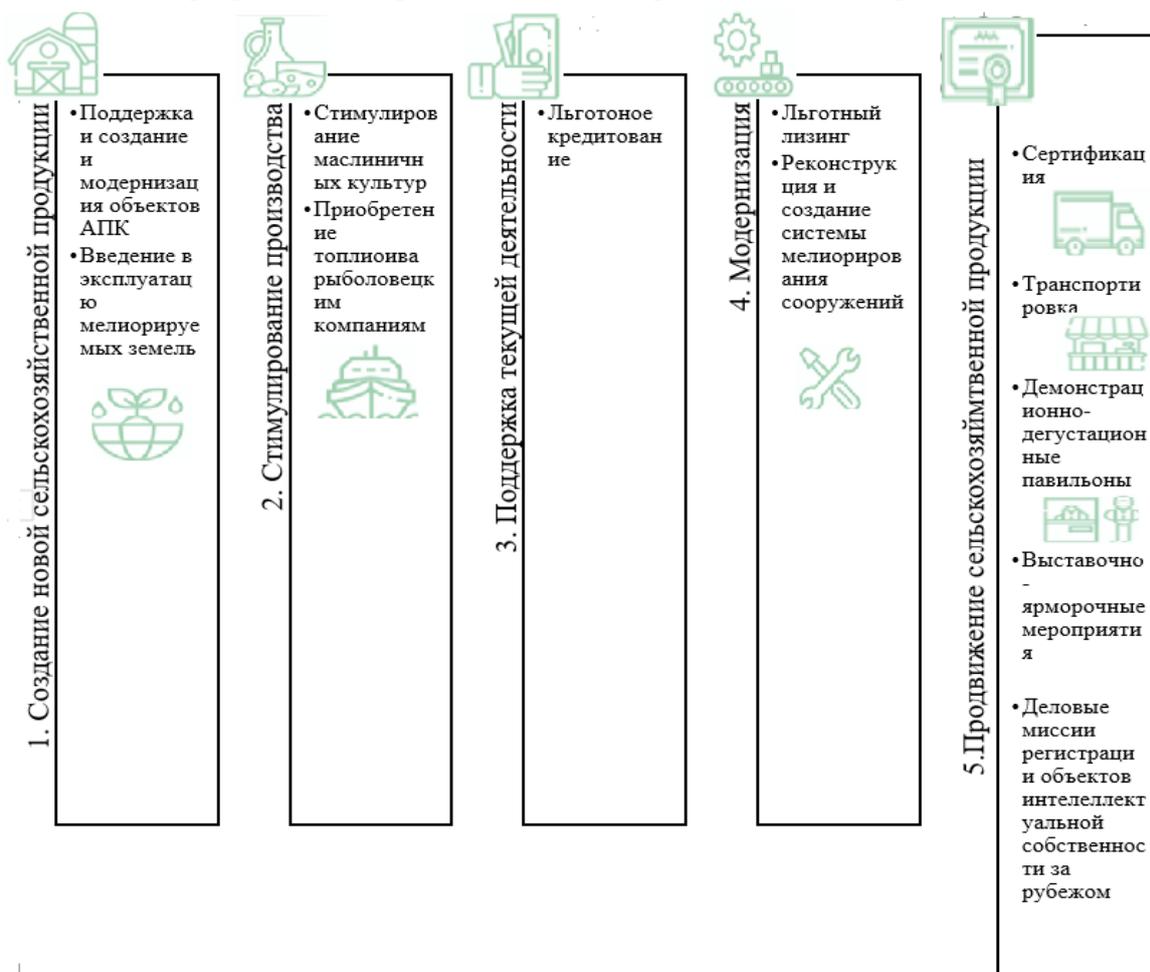

Рис. 1. Финансовые инструменты государственной поддержки на различных этапах производственного цикла агропромышленной продукции

Fig. 1. Financial instruments of state support at various stages of the production cycle of agro-industrial products

Определив инструменты государственной поддержки на различных этапах производственного цикла агропромыш-

ленной продукции, необходимо выделить их особенности и специфику организации деятельности рис. 2.

Рис. 2. Факторы и особенности, влияющие на производственный цикл агропромышленной продукции

Fig. 2. Factors and features affecting the production cycle of agro-industrial products

Исследование показывает, что факторы и особенности производственного цикла агропромышленной продукции могут быть положительными и отрицательными. Так, например, территориальное разнообразие природно-климатических условий позволяет улучшить качество сельскохозяйственной продукции или производства, или наоборот, ухудшить и повысить себестоимость [Паспорт. Информация по госпрограмме, 2022]. Также можно утверждать, что инновационная открытость может положительно влиять на развитие агротехнопарка и бизнесинкубатора, или наоборот, негативно воздействовать на недоразвитый технико-

технологический комплекс. Отмеченные факторы и особенности могут оказывать существенное влияние на заключительный этап – получение прибыли, способствовать расширению или уменьшению производства, влиять на инвестирование и финансирование деятельности АПК. Поэтому проявляется необходимость в формировании взаимосвязанных отношений между агропроизводителями и государством, которые должны носить предписывающий характер в виде распоряжений, отражая степень государственной поддержки [Маслова В.В., 2016]. Например, выделяют субсидии сельскохозяйственным товаропроизводителям, только тем, кто

заклучает договора по страхованию от неурожая. Страхование в данном виде деятельности является необходимым условием, которое может нейтрализовать риски и снизить непредвиденные затраты, связанные с сезонностью, неравномерностью во времени [Човган Н.И., Акупиян О.С.,

2018]. Все это формирует дополнительные затраты, связанные с уплатой страховых взносов. Поэтому при формировании финансового механизма необходимо выявить отраслевые особенности в сельском хозяйстве.

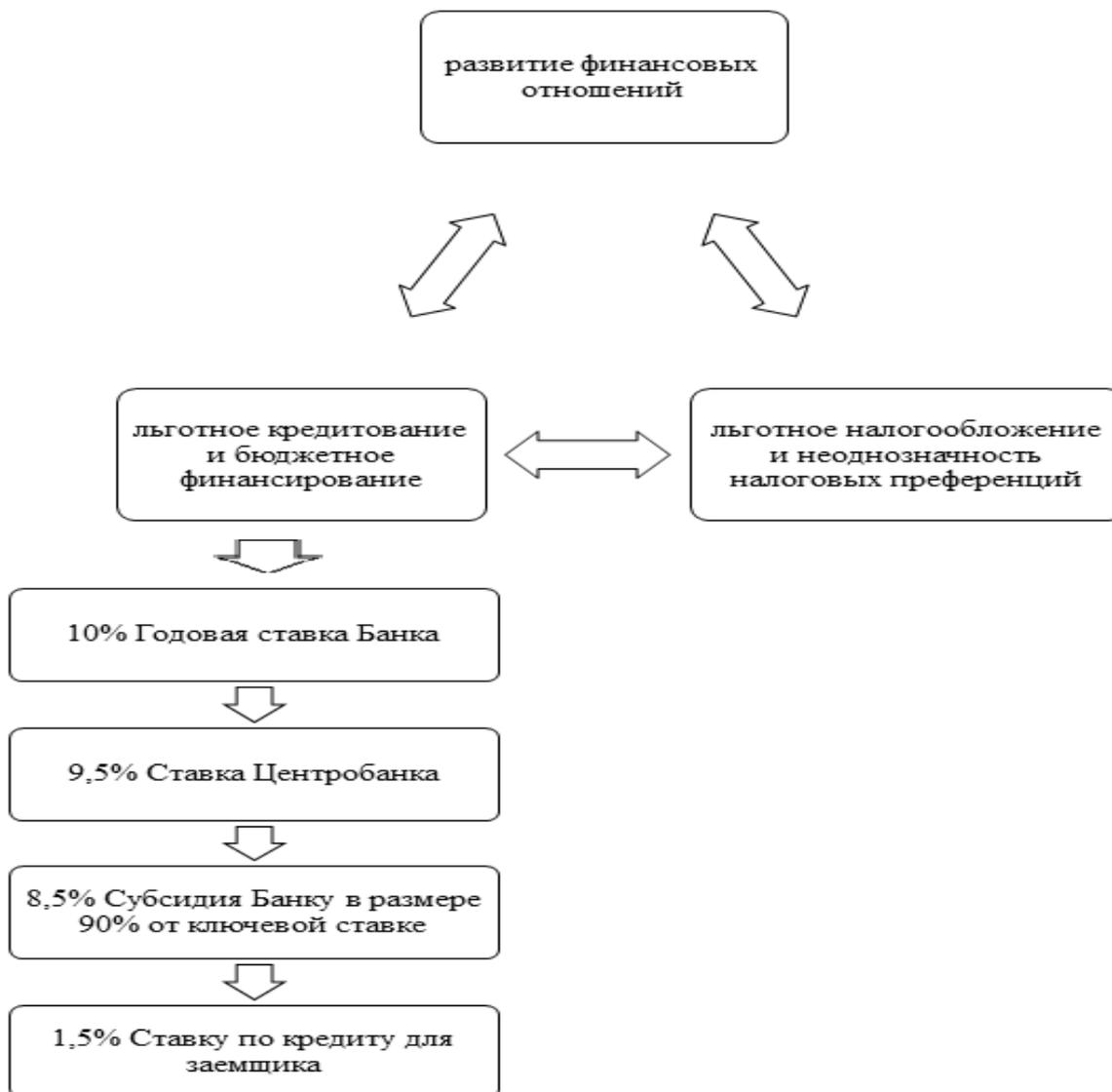

Рис. 3. Отраслевые особенности финансового механизма в агрпроизводстве

Fig. 3. Manifestations of sectoral features of the financial mechanism in agricultural production

Учитывая отраслевые особенности финансового механизма в агрпроизводстве, финансовые отношения должны учитывать бартерные сделки, неденежные расчеты. Более того, финансовый механизм должен строиться на льготном кредитовании, уменьшении налогооблагаемой

базы. Уже сегодня Правительством РФ введен в действие механизм господдержки кредитования субъектов АПК по льготной ставке, а также директивное бюджетное финансирование, где государство осуществляет финансирование агропромышленного производства за счет средств фе-

дерального бюджета, бюджетов субъектов Российской Федерации и внебюджетных источников [Болдырева И.А., Андрищенко О.Г., Митрофанова И.А., 2017.].

Следует более подробно остановиться на льготном кредитовании. В 2019 году было перечислено субсидий по льготному кредитованию – 66,17 млрд. рублей, а в 2020 году – 61,83 млрд. рублей (более 22 тысяч кредитных договоров) [Постановление Правительства РФ от 18 марта 2021 г. № 415].

В 2021 году структура господдержки состояла из 4,1 млрд. рублей, из них федеральный бюджет 3,4 млрд. рублей и 0,5 млрд. рублей областной бюджет, из них 525,9 млн. рублей компенсирующие субсидии, 400,5 млн. рублей стимулирующие субсидии [Аналитический вестник №9 (769), 2021].

В деятельности агропромышленного комплекса существуют как положительные, так и отрицательные факторы, например, высокие импортные пошлины и квоты на сельхозпродукцию и продукцию питания, ограничения на ввоз.

Введение ограничений на ввоз агропродукции из Европейского союза как ответный ход России на их санкции, дают возможность развиваться агропромышленной отрасли, но нельзя забывать о геополитике и трудностях присущих отрасли и о возможных рисках [Ваганова О.В., Соловьева Н.Е., Евдокимов С.В., 2020]. Если рассматривать объемы инвестиций в аграрный сектор экономики, то он занимает низкий удельный вес в структуре вложений в основной капитал в экономике РФ, составляя всего лишь 3,6-3,8% (таблица 1).

Таблица 1

Инвестиции в основной капитал агропромышленной отрасли по видам экономической деятельности, млрд. руб.

Table 1

Investments in fixed assets of the agro-industrial sector by type of economic activity, billion rubles.

	2017 г.	2018 г.	2019 г.	2020 г.
Всего в том числе:	160207,3	17782,0	19329,0	20118,4
Сельское хозяйство, лесное хозяйство, охота, рыболовство из них:	705,5	781,5	844,2	855,9
Лесоводство и лесозаготовки	25,4	37,4	48,8	44,0
Рыболовство и рыбоводство	28,7	36,8	45,0	68,1

Из таблицы наглядно видно, что объемы инвестиций в сельское хозяйство низкие, что говорит об ограниченности источников финансирования. Поэтому, для привлечения финансовых вложений в агропромышленную отрасль Правительство РФ сформировало инвестиционные программы, которые должны содействовать

реализации стратегически важных проектов [Пояснительная записка к проекту..., 2018]. Программы реализуют эффективную инвестиционную политику в сфере агропромышленного комплекса и отражены в денежном эквиваленте по видам экономической деятельности в таблице 2.

Таблица 2
 Вложение инвестиций по основным видам экономической деятельности млн. руб. (2020 г.)
 Table 2

Investment in the main types of economic activity million rubles (2020)

	всего	В том числе	
		долгосрочные	краткосрочные
Финансовые вложения – всего в том числе:	306 081 363	32 544 095	273 537 268
Сельское хозяйство, лесное хозяйство, охота, рыболовство в том числе:	2 297 256	143 715	2 153 541
Растениеводство и животноводство, охота и предоставление соответствующих услуг	1 734 679	82 419	1 652 260
лесоводство и лесозаготовки	28 420	2 325	26 095
рыболовство и рыбоводство	534 157	58 971	475 186

Рассматривая методы и инструменты господдержки, следует проанализировать

бюджетное финансирование в виде оформления дотаций и выдачи субсидий.

Таблица 3
 Объемы бюджетных ассигнований по госпрограмме «Развития сельского хозяйства и регулирования рынков сельскохозяйственной продукции, сырья и продовольствия», млн. руб.

The volume of budget allocations under the state program "Development of agriculture and regulation of agricultural products, raw materials and food markets"

2018 г	2019 г	2022 г	2021 г	2022 г	2023 г	2024 г	2025 г	Всего
241 986,1	311 557,7	746 756,6	731 797,7	811 733,1	842 243,7	846 588,3	745 600,1	745 600,1

Такое количество бюджетных ассигнований будет способствовать достижению поставленных целей:

1. Увеличение объема экспорта продукции агропромышленного комплекса (в сопоставимых ценах) до 34 млрд. долларов США к концу 2024 года.

2. Увеличение произведенной добавленной стоимости, создаваемой в сельском хозяйстве, к 2025 году до 4650,1 млрд. рублей.

3. Достижение индекса физического объема инвестиций в основной капитал сельского хозяйства (без субъектов малого и среднего предпринимательства) к 2025 году в размере 118,2 процента по отношению к уровню 2017 года [Ключевые пока-

затели эффективности реализации государственных программ, 2022].

4. Обеспечение продовольственной независимости Российской Федерации в соответствии с Доктриной продовольственной безопасности Российской Федерации, утвержденной Указом Президента Российской Федерации от 21 января 2020 г. № 20 "Об утверждении Доктрины продовольственной безопасности Российской Федерации", с учетом экономической и территориальной доступности продукции агропромышленного комплекса (индекс производства продукции сельского хозяйства в хозяйствах всех категорий (в сопоставимых ценах) в 2025 году составит 114,6 процента к уровню 2017 года) [Министерство сельского хозяйства, 2022].

Государственная программа является основным программным документом, определяющим цели, задачи и основные направления развития сельского хозяйства и регулирования агропродовольственного рынка, финансовое обеспечение, механизмы реализации предусмотренных мероприятий и показатели их результативности [Национальный доклад, 2018].

В 2020 году на социально-экономическую ситуацию в стране значи-

тельное влияние оказала пандемия коронавирусной инфекции и связанные с ней ограничительные карантинные меры. Они повлекли за собой снижение доходов и платежеспособного спроса населения, оказали негативное влияние на экономическую ситуацию в целом. Поэтому следует уделить особое внимание процессу реализации Государственной программы в сложившейся ситуации, оценив эффективность ее инструментов и механизмов.

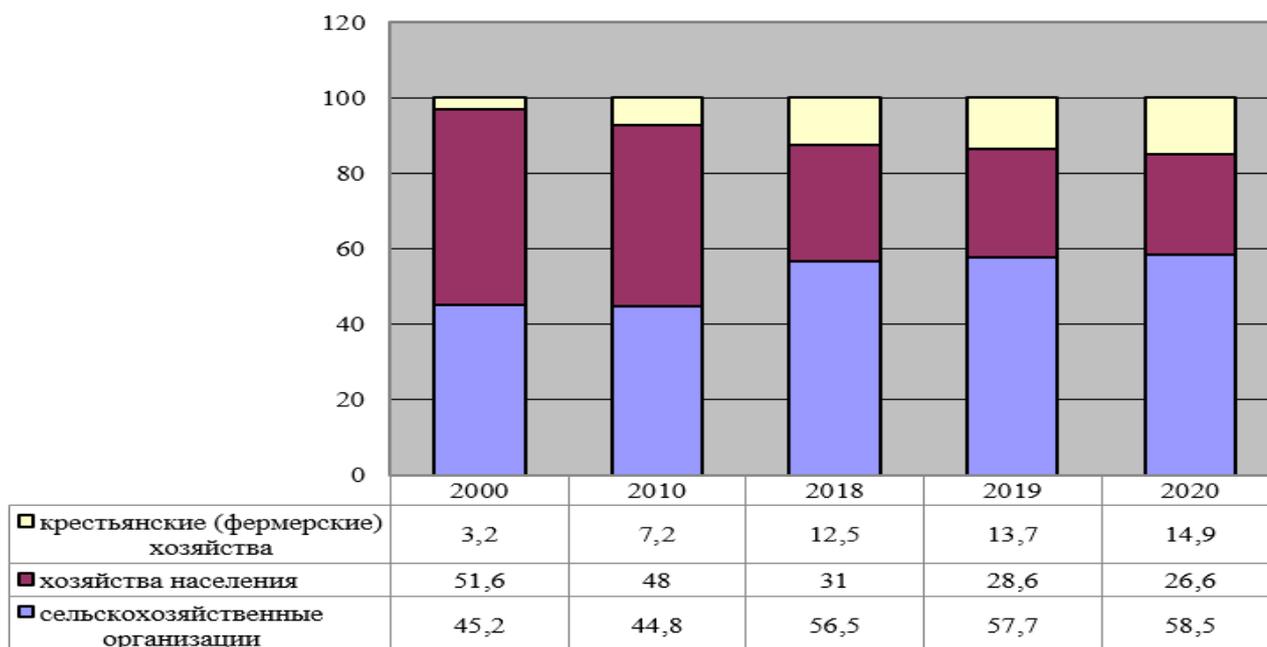

Рис. 4. Структура продукции сельского хозяйства по категориям хозяйств в фактических действовавших ценах (включая индивидуальных предпринимателей)

Fig. 4. Structure of agricultural products by categories of farms in actual prices (Including individual entrepreneurs)

По данным статуправления видно, что с каждым годом производство сельскохозяйственной продукции увеличивается в крестьянских (фермерских) хозяйствах и сельскохозяйственных организациях. Следовательно, агробизнес постепенно развивается и увеличивает количество изготавливаемой сельскохозяйственной продукции, что позволит обеспечить потребности граждан в продуктах питания, и гарантирует продуктовую безопасность в стране.

Заключение

В заключение можно сделать вывод, что государственная поддержка агропромышленного комплекса имеет свои особенности и специфику, которые необходимо учитывать при формировании инвестиционной политики. На сегодняшний день государство разработало много мер и программ поддержки агропромышленного комплекса, но в связи с постоянно меняющимися условиями функционирования необходимо разрабатывать унифицированные формы и методы поддержки, для

этого необходимо четко представлять производственный цикл агропромышленной продукции. Современный механизм финансирования агропромышленного комплекса учитывает принципы льготного кредитования, и уменьшения налогооблагаемой базы, но этих инструментов недостаточно для эффективного и ускоренного развития исследуемой отрасли. Необходимо более точно определить структуру сельского хозяйства по категориям и выявить наиболее нуждающиеся в гос поддержке.

Список литературы

1. Аналитический вестник №9 (769). О ходе реализации государственной программы развития сельского хозяйства и регулирования рынков сельскохозяйственной продукции, сырья и продовольствия. – Москва, 2021. Режим доступа: <http://council.gov.ru/media/files/d4ApG8Uw6BKngDd1JO>. (Дата обращения: 12.02.2022).

2. Болдырева И.А., Андрищенко О.Г., Митрофанова И.А., 2017. Финансовый механизм функционирования АПК: структурно-уровневый аспект// Экономика, вчера, сегодня, завтра, Т7, №28, 2017: 250-264.

3. Ваганова О.В., Соловьева Н.Е., Евдокимов С.В., 2020. Обзор изменений в области налогообложения сельскохозяйственных товаропроизводителей в России // Научный результат. Экономические исследования. 2020. Т. 6. № 36. С. 3-12. DOI: 10.18413/2409-1634-2020-6-3-0-1.

4. Ключевые показатели эффективности реализации государственных программ. 2022. Режим доступа: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/70528718>. (Дата обращения: 11.02.2022).

5. Маслова В.В., 2016. Инструменты финансирования инвестиционных проектов в АПК // Никоновские чтения, М., 2016. Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/instrumenty-finansirovaniya-investitsionnyh-proektov-v-ark/viewer>. (Дата обращения: 12.02.2022).

6. Министерство сельского хозяйства Российской Федерации. 2022. Режим доступа: <https://mcx.gov.ru/upload/iblock>. (Дата обращения: 12.02.2022).

7. Национальный доклад "О ходе и результатах реализации в 2017 году Государственной программы развития сельского хозяйства и регулирования рынков сельскохозяйственной продукции, сырья и продовольствия на 2013-2020 годы"-2018 (1/2). Режим доступа: <https://carbofood.ru/novosti-mukomolnoj-i-xlebopekarnoj-promyshlennosti/nacionalnyi-doklad-o-hode-i-rezultatah-realizacii-v-2017>. (Дата обращения: 11.02.2022).

8. Паспорт. Информация по госпрограмме. Перечень государственных программ. Госпрограммы. Официальный портал Госпрограмм РФ. 2022. Режим доступа: https://tstprograms.economy.gov.ru/Portal/pilot_program/25/passport. (Дата обращения: 11.02.2022).

9. Постановление Правительства РФ от 18 марта 2021 г. № 415 "О внесении изменений в Государственную программу развития сельского хозяйства и регулирования рынков сельскохозяйственной продукции, сырья и продовольствия" (документ не вступил в силу). Режим доступа: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202103250013>. (Дата обращения: 11.02.2022).

10. Пояснительная записка к проекту Постановления Правительства Российской Федерации "О внесении изменения в постановление Правительства Российской Федерации от 14 июля 2012 г. № 717" (подготовлен Минсельхозом России 14.09.2018). Режим доступа: <https://base.garant.ru/70210644/>. (Дата обращения: 11.02.2022).

11. Човган Н.И., Акупиан О.С., 2018. Инвестиционное обеспечение аграрного сектора экономики: проблемы и решения. Режим доступа: <http://www.e-rej.ru/Articles/2018/Chovgan.pdf>. (Дата обращения: 12.02.2022).

12. Vaganova O.V., Solovjeva N.E., Lesovik R.V., Lesovaya S.L., 2020. Digital Transformation of Russias Agricultural Sector // Utopia y Praxis Latinoamericana. 2020. Vol. 25. No. Extra 12. Pp. 397-406.

References

1. Analytical Bulletin No. 9 (769) On the implementation of the State program for the development of agriculture and regulation of agricultural products, raw materials and food markets.

– Moscow, 2021. Access mode: <http://council.gov.ru/media/files/d4ApG8Uw6BKngDd1JO>. (Accessed 12 February 2022). (in Russian)

2. Boldyreva I.A., Andryushchenko O.G., Mitrofanova I.A., (2017). The financial mechanism of the functioning of the agro-industrial complex: a structural-level aspect // Economics, yesterday, today, tomorrow, Vol. 7, No. 28, 2017: 250-264. (in Russian)

3. Chovgan N.I., Akupiyani O.S., (2018). Investment support of the agricultural sector of the economy: problems and solutions. Access mode: <http://www.e-rej.ru/Articles/2018/Chovgan.pdf>. (Accessed 12 February 2022).

4. Decree of the Government of the Russian Federation No. 415 dated March 18, 2021 "On Amendments to the State Program for the Development of Agriculture and Regulation of Agricultural Products, Raw materials and Food markets" (the document has not entered into force). Access mode: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202103250013>. (Accessed 02 November 2022). (in Russian)

5. Explanatory Note to the draft Decree of the Government of the Russian Federation "On Amendments to the Decree of the Government of the Russian Federation No. 717 dated July 14, 2012" (prepared by the Ministry of Agriculture of the Russian Federation on 09/14/2018). Access mode: <https://base.garant.ru/70210644/>. (Accessed 11 February 2022). (in Russian)

6. Key performance indicators for the implementation of state programs. 2022. Access mode: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/70528718>. (Accessed 02 November 2022). (in Russian)

7. Maslova V.V., (2016). Instruments for financing investment projects in the agro-industrial complex // Nikonovskie readings, M., 2016. Access mode: <https://cyberleninka.ru/article/n/instrumenty-finansirovaniya-investitsionnyh-proektov-v-apk/viewer>. (Accessed 12 February 2022). (in Russian)

8. Ministry of Agriculture of the Russian Federation. 2022. Access mode:

<https://mcx.gov.ru/upload/iblock>. (Accessed 12 February 2022). (in Russian)

9. National report "On the progress and results of the implementation in 2017 of the State Program for the Development of Agriculture and regulation of agricultural products, raw materials and food markets for 2013-2020"-2018 (1/2). Access mode: <https://carbofood.ru/novosti-mukomolnoj-i-xlebopekarnoj-promyshlennosti/nacionalnyi-doklad-o-hode-i-rezultatah-realizacii-v-2017>. (Accessed 02 November 2022). (in Russian)

10. Passport. Information on the state program. List of state programs. State programs. The official portal of State Programs of the Russian Federation. 2022. Access mode: https://tstprograms.economy.gov.ru/Portal/pilot_program/25/passport. (Accessed 02 November 2022). (in Russian)

11. Vaganova O.V., Solovjeva N.E., Yevdokimov S.V., (2020). Overview of changes in the taxation of agricultural producers in Russia, Research Result. Economic Research, 6(3), 3-12, DOI: 10.18413/2409-1634-2020-6-3-0-1. (in Russian)

12. Vaganova O.V., Solovjeva N.E., Lesovik R.V., Lesovaya S.L., (2020). Digital Transformation of Russia's Agricultural Sector // Utopia y Praxis Latinoamericana. 2020. Vol. 25. No. Extra 12. Pp. 397-406.

Информация о конфликте интересов: авторы не имеют конфликта интересов для декларации.

Conflicts of Interest: the author has no conflict of interest to declare.

Соловьева Наталья Евгеньевна, доцент, кандидат экономических наук, доцент кафедры инновационной экономики и финансов, Института экономики и управления, НИУ «БелГУ», (г. Белгород, Россия).

Natalia E. Solovjeva, Associate Professor, Candidate of Economic Sciences, Associate Professor of the Department of Innovative Economics and Finance, Institute of Economics and Management, NRU "BelSU", (Belgorod, Russia).

**МИРОВАЯ ЭКОНОМИКА
WORLD ECONOMY**

УДК 339.924

DOI: 10.18413/2409-1634-2022-8-1-0-11

Аржаев Ф. И.

**ЕВРАЗИЙСКИЙ БАНК РАЗВИТИЯ КАК КОНСОЛИДИ-
РУЮЩИЙ ФИНАНСОВЫЙ ИНСТРУМЕНТ**

Лаборатория анализа и отраслевой динамики ИПЭИ РАНХиГС,
пр. Вернадского, д. 82, Москва, 119571.

e-mail: fifiar@yandex.ru

Аннотация.

Евразийская интеграция сегодня – одна из наиболее важных стратегий развития России и союзных ей стран. При этом ключевым и наиболее эффективным направлением этой интеграции является экономическое. Исключительная важность ЕАЭС для реализации целей устойчивого и динамичного развития России и членов Союза диктует необходимость формирования эффективных механизмов экономической интеграции. В этом контексте Евразийский банк развития (ЕАБР) находится в фокусе интересов всех стран ЕАЭС как ключевой финансовый институт Союза. Целью статьи является выявить потенциал развития ЕАБР как интегрирующего финансового механизма ЕАЭС и предложить пути повышения его эффективности в качестве такого механизма. Основными результатами исследования являются: доказательство недостаточно эффективного использования потенциала ЕАБР как экономического института и как инструмента интеграции ЕАЭС, выявление потенциала Банка в качестве стимула интеграции ЕАЭС, в частности, в сфере технологической конвергенции, стимулирования устойчивого развития и зеленых финансов и разработка программы развития института в условиях ограниченного финансирования его развития.

Ключевые слова: Евразийский банк развития, Евразийская интеграция, экономическая эффективность, стратегия, геоэкономика

Информация для цитирования: Аржаев Ф. И. Евразийский банк развития как консолидирующий финансовый инструмент Евразийской инициативы: роль, возможности, перспективы // Научный результат. Экономические исследования. 2022. Т. 8. № 1. С. 109-120. DOI: 10.18413/2409-1634-2022-8-1-0-11

Fedor I. Arzhaev

EURASIAN DEVELOPMENT BANK AS A CONSOLIDATING FINANCIAL INSTRUMENT OF THE EURASIAN INITIATIVE: ROLE, OPPORTUNITIES, PROSPECTS

Laboratory of Analysis and Industry Dynamics of IPEI RANEPА
82 Vernadsky Ave., Moscow, 119571, Russian Federation

e-mail: fifiar@yandex.ru

Abstract.

Eurasian integration nowadays is one of the most important geopolitical solutions for the development of Russia and its allied countries. At the same time, the key and most effective direction of this integration is economic. The EAEU is extremely important for achieving the goals of sustainable and dynamic development. Russia and the members of the Union dictate the need to form effective mechanisms for economic integration. In this context, the Eurasian development bank (EADB) is in the focus of the interests of all the EAEU countries as a key financial institution of the Union. The purpose of the article is to identify the development potential of the EADB as an integrating financial mechanism of the EAEU and to put forward the options to improve its effectiveness as such a mechanism. The main results of the study include: the evidence of insufficient use of the EDB's potential as an economic institution and as a tool for the integration of the EAEU, the identification of the Bank's potential as an incentive for the integration of the EAEU, in particular, in the field of technological convergence, promotion of sustainable development and green finance, and the development of a program for the development of the institute in conditions of limited financing for its development.

Key words: Eurasian development bank; Eurasian integration; economic effectiveness; strategy; geoeconomics

Information for citation: Arzhaev F. I. "Eurasian development bank as a consolidating financial instrument of the Eurasian Initiative: role, opportunities, prospects", *Research Result. Economic Research*, 8(1), 109-120, DOI: 10.18413/2409-1634-2022-8-1-0-11

Введение

Евразийская инициатива (идея создания Большого евразийского партнерства), концептуально выдвинутая на XX Петербургском международном экономическом форуме В.В. Путиным, имеет большое значение как для России, так и для других стран ЕАЭС [Латухина К., 2016; Новости ООН, 2015].

Данная инициатива обосновывает необходимость расширения многопрофильного сотрудничества с акцентом на

экономическое взаимодействие на пространстве Евразии, при том понимании, что ЕАЭС рассматривается как один из центров формирования более широкого интеграционного контура с перспективой подключения к нему на каком-то этапе Индии, Пакистана, Ирана, стран АСЕАН и ЕС. Не случайно уже порядка 40 государств и объединений поставили вопрос о расширении связей с ЕАЭС [Косов Ю. и Фролов В., 2015].

Вместе с тем развитие интеграции в ЕАЭС тормозится рядом процессов, связанных с различным экономическим состоянием стран Союза, противоречиями в стратегическом видении роли своей страны в развитии ЕАЭС, а также снижением темпов экономического роста России как основного драйвера развития экономик организации [Беделадзе Д., Белоусова Д., 2020; Воробьев А., 2020].

Для стимулирования как российской экономики, так и экономик других стран-членов ЕАЭС в его рамках сформирован специализированный финансовый институт – Евразийский банк развития, который учрежден с целью финансирования важных проектов для экономического и социального развития стран-членов ЕАЭС. Исходя из вышесказанного, замедление экономической интеграции на пространстве Союза в определенной мере вызвано недостаточной отдачей от деятельности ЕАБР.

Проблема исследования заключается в отсутствии желаемого экономического результата от деятельности евразийских институтов, откуда объект исследования – экономические результаты функционирования ЕАЭС, а предмет – роль ЕАБР в достижении этих результатов.

Целью статьи является выявить потенциал развития ЕАБР как интегрирующего финансового механизма ЕАЭС и предложить пути повышения его эффективности в качестве такого механизма.

Для достижения цели реализованы следующие задачи: 1) определены слабые стороны деятельности ЕАБР на современном этапе; 2) проведено сравнение общепринятых практик деятельности банков развития и ЕАБР; 3) выявлены основные положительные эффекты от трансформации институциональной модели ЕАЭС; 4) предложены шаги по повышению эффективности деятельности Банка. Для решения предложенных задач автором была использована следующая методология.

Анализ деятельности ЕАБР предполагает комплексный подход. Общая методология исследования заключается в:

1) выявлении геополитического и геоэкономического значений ЕАБР для стран ЕАЭС; 2) фиксации значимых характеристик банка развития, которым должен соответствовать ЕАБР; 3) предложении реальных шагов к повышению эффективности Банка.

Эмпирическая оценка деятельности ЕАБР проводилась с точки зрения того, насколько Банк может использовать те преимущества, которые характерны для банков развития как типа международных финансовых институтов, в целом. При этом учитывалась и особая политическая роль ЕАБР для стран ЕАЭС.

Экономический потенциал ЕАБР описывается при помощи объема кредитных средств, которые Банк выделял на развитие стран ЕАЭС. Расчет производился по году начала проекта в случае, если он длился более 1 года. Аналогичный подход использован и при анализе деятельности ЕФСР. Прогнозирование результатов деятельности Банка не представляется возможным в силу подавляющего влияния внешних и независимых от экономической ситуации факторов – для доказательства этой гипотезы проведен корреляционный анализ результатов деятельности Банка и ВВП стран ЕАЭС.

На основании полученных результатов автором предложены меры по повышению эффективности деятельности Банка в современных условиях, не требующие значительных финансовых вложений со стороны стран-участниц ЕАЭС.

Основная часть

Геополитическое значение ЕАЭС и роль ЕАБР в его достижении. Реализация национальных целей и задач стран-членов ЕАЭС, которые во многом совместимы и взаимодополняемы, требует активного финансового сотрудничества. Для оценки того, насколько ЕАБР способствует интеграционным процессам необходимо соотнести основные цели финансового сотрудничества в рамках ЕАЭС с текущими показателями деятельности ЕАБР.

В соответствии с позицией Евразийской экономической комиссии—предполагается гармонизация финансовой политики государств-членов, формирование общего рынка аудиторских и страховых услуг, а также гармонизация валютного контроля и регулирования на территории Союза, формирование единых баз данных кредитных историй, проведение мероприятий по совместной борьбе с отмыванием доходов, легализацией финансовых активов и пр. Также существуют инициативы по гармонизации налогового законодательства, использования таможенных доходов, а также по мониторингу показателей устойчивого развития стран ЕАЭС [8].

Таким образом деятельность ЕАБР находится практически вне этой концепции, за исключением содействия устойчивому развитию. Более того, большая часть

инициатив, направленных на устойчивое развитие, подпадает под деятельность Евразийского фонда стабилизации и развития (ЕФСР), так как содействие устойчивому развитию предполагает помощь в реализации социально-значимых проектов, которые при прочих равных условиях не могут быть профинансированы рыночными методами [14], что относится к компетенциям ЕФСР.

Таким образом, как ЕАБР, так и ЕФСР являются нишевыми механизмами стимулирования отдельных проектов ЕАЭС, при этом обладают в большей степени политическим значением, нежели являются реальными драйверами экономик Союза.

Рассмотрим объем кредитования ЕАБР и финансирования ЕФСР, отраженный на рисунке 1.

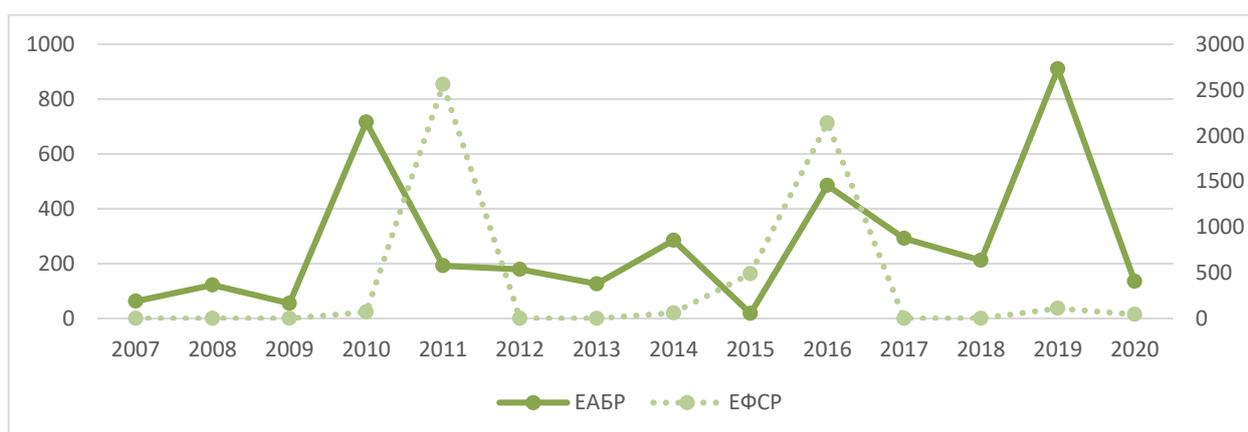

Рис.1. Объем финансовых операций Евразийских финансовых институтов (млн. долл. США)

Fig.1. Volume of financial transactions of Eurasian financial institutions (USD million)

Источник: составлено автором на основе: Проекты ЕАБР – Евразийский банк развития (<https://eabr.org/>), Проекты ЕФСР – Евразийский банк развития (<https://eabr.org/>).

Рисунок 1 демонстрирует, что деятельность ЕАБР неравномерна и находится в прямой зависимости от развития экономик стран-членов ЕАЭС – чем они лучше развиваются, тем больше кредитов выдает ЕАБР. С учетом же портфеля организации по отраслям, где доминирует нефтегазовый сектор, сфера транспорта и в меньшей степени инфраструктуры, можно сделать ряд важных выводов по деятельности ЕАБР. Во-первых, институт зависим от

решений стран-членов ЕАЭС, в современном его виде не сможет выполнять функции финансового интегратора. Объем кредитования за 13 лет вырос, однако сохранение пиковых и провальных периодов доказывает политически мотивированный характер предпринимаемых им действий по кредитованию, так как они совпадают с успехами и неудачами российской экономики [Manurung H., 2016]. Во-вторых, деятельность ЕФСР также исключительно не-

однородна и пики финансовых показателей достигаются за счет двух финансовых кредитов республике Беларусь – основно-

му партнеру России. Это доказывает политический компонент в деятельности ЕАБР.

Рис. 2. Портфель ЕАБР относительно отрасли кредитования
 Fig. 2. EDB's portfolio in relation to the lending industry

Источник: составлено автором на основе: Годовой отчет ЕАБР – ЕАБР (<https://eabr.org/>).

В-третьих, оба представленных механизма финансирования развития не в достаточной мере отвечают критериям содействия устойчивому развитию. Их кредитный портфель не сбалансирован ни относительно отрасли кредитования (рисунок 2), ни относительно страны-

реципиента (рисунок 3), более того, получателями финансовых средств от ЕАБР в первую очередь являются крупные транснациональные компании (ТНК), что, безусловно, выгодно для страны их резидентства, однако вызывает сомнения с точки зрения содействия устойчивому развитию.

Рис. 3 Портфель ЕАБР относительно страны-реципиента инвестиций
 Fig. 3. EDB's portfolio in relation to the lending industry

Источник: составлено автором на основе: Годовой отчет ЕАБР – ЕАБР (<https://eabr.org/>).

Таким образом, в текущем формате взаимодействия в ЕАЭС и функциони-

рования его институтов, таких как ЕАБР, не стоит ожидать радикального изменения

экономической ситуации в Союзе или же роста активности финансовой интеграции благодаря деятельности ЕАБР и ЕФСР.

Потенциал ЕАБР как финансового института. ЕАБР как региональный банк развития обладает большим потенциалом стимулирования роста экономик стран-членов ЕАЭС, и его реализация на современном этапе развития евразийской интеграции представляется сложной по причинам, перечисленным выше. Однако провести анализ этого потенциала необходимо для определения реальной стратегии дальнейшего развития института.

ЕАБР обладает возможностями привлечения финансовых ресурсов в страны, для которых стоимость капитала на мировом финансовом рынке высока, по более низкой процентной ставке. Это может быть реализовано при помощи инструментария выпуска долговых ценных бумаг банка, расширения уставного капитала, прочих механизмов финансирования, например, создания дополнительных аффилированных фондов, как в случае с ЕАБР и ЕФСР. Таким образом, институциональная структура и функционал банка развития могут привлечь инвестиции в РФ и другие страны ЕАЭС, наиболее подверженные негативному влиянию санкций ЕС и США [Платонова И., 2021].

Второй реальной задачей любого банка развития является стимулирование устойчивого развития. В случае с банками, созданными развивающимися странами, например, Азиатским банком инфраструктурных инвестиций и Новым банком развития БРИКС, речь идёт о приоритетном кредитовании проектов в сфере зелёной энергетики, социального развития, развития наиболее значимых отраслей экономики, обладающих синергетическим эффектом для остальной части национальной экономики, среди которых в первую очередь стоит развитие инфраструктуры. Стоит отметить, что именно такой подход позволяет считать банки развития теми институтами, которые реально способны содействовать достижению странами целей

устойчивого развития, провозглашенными ООН. В то же время, появление новых финансовых инструментов в области зелёных облигаций, стандартов зелёных финансов в целом снижают стоимость заёмных средств для институтов развития. Таки образом снижаются и финансовые риски предоставления кредитования странам-членам финансовых институтов, которые нуждаются в финансировании.

В случае с ЕАБР использование инструментов, стимулирующих устойчивое развитие, носит эпизодический характер и несистемно. При этом критериев, определяющих характер проектов, финансируемых ЕАБР, в открытом доступе нет, что указывает не только на непрозрачность процесса оценки проектов, но и на то, что в современном состоянии ЕАБР не может использовать преимущества дешевого привлечения средств на устойчивое развитие. Отметим, что развитие зелёной энергетики в Казахстане и Киргизии в значительной мере улучшило бы их экономику [Тянь Е., 2018], тогда как развитие инфраструктуры актуально для всех стран ЕАЭС [Likhacheva A., Makarov I. and Pestich A., 2018].

Третьим важным преимуществом банков развития является гибкость их финансовой политики и, как минимум, декларируемая аполитичность и стремление к более справедливой и рыночной модели оценки проектов и содействия развитию. Отмечено, что эффективность проектов менее политизированных банков, например, АБИИ, выше, чем максимально направленных на достижение политических задач, таких как ЕБРР или в меньшей степени Международная ассоциация развития (МАР) и группа Всемирного банка в целом.

Как было сказано выше, в деятельности ЕАБР присутствует ярко выраженная политическая мотивированность, его цели и задачи подчинены интересам евразийской интеграции, тогда как чисто экономические задачи уходят на второй план. Тем не менее, обладая достаточно боль-

шим для регионального банка уставным капиталом и опытом в реализации сложных проектов на территории ЕАЭС, страны которого значительно отличаются по уровню экономического развития (например, приоритетный сектор экономики Армении – сельскохозяйственный и сфера услуг, в России – топливно-энергетический комплекс, тяжелая промышленность, ресурсный экспорт и военно-промышленный комплекс, в Белоруссии – сельскохозяйственный комплекс и легкая промышленность, в Казахстане – добыча и экспорт полезных ископаемых) [Terzyan A., 2018], ЕАБР может способствовать устойчивому росту экономик стран ЕАЭС, однако в том случае, если его деятельность будет менее политизирована и зависима от инвестиций в институт из стран с наибольшим участием в капитале Банка [Mostafa G., Mahmood M., 2018].

Отдельно стоит отметить, что ЕАБР в части расширения уставного капитала сегодня не предпринимает значительных усилий, более того, ЕФСР под управлением Банка в значительной мере не выполняет своих функций из-за недостаточности капитала.

Четвёртое важное достижение банков развития в содействии укреплению экономик стран-членов – поощрение обмена технологий и поддержка инновационных проектов. В рамках реализации работ по проектам, финансируемым банками развития, часто привлекаются иностранные специалисты и используются технологические решения. Таким образом, происходит конвергенция технологий между странами-членами банков. При этом банки развития содействуют не только развитию технологий реального сектора, но и, как финансовые институты высокого класса, финансового сектора и институтов передового финансирования, в том числе финтех.

Несмотря на то, что развитие финансов и финансовых рынков в странах ЕАЭС высокое, в частности, если речь идёт о

цифровизации банковского сектора, в развитии потребительского финтеха Россия опережает многие развитые страны, а ЕАЭС в целом за счёт развития национальной системы платежей «Мир» обладает большим потенциалом для дальнейшего технологического обмена, ЕАБР не служит проводником финансовых инноваций и не стимулирует развитие высоких технологий в странах Союза. С учетом развитой технологической базы данное направление деятельности Банка в значительной мере поспособствовало бы дальнейшей и более глубокой интеграции экономик стран ЕАЭС.

Пятым важным элементом деятельности банков развития является усиление интеграции в регионе. Так, АБИИ был создан для финансирования проектов китайской инициативы «Один пояс, один путь», который в результате деятельности АБИИ должен был получать большой приток капитала, в итоге проект разросся и трансформировался из торгового в торгово-инвестиционный. Именно подобная трансформация позволяет говорить о существовании потенциала дальнейшей интеграции стран проекта.

В случае ЕАБР Банк существует вне системы отношений ЕАЭС, с реальностью и задачами инициативы евразийской интеграции его роднит только название и регион деятельности. В то же время в случае нормального функционирования Банка ЕАЭС имел бы большие перспективы в сфере расширения «второго контура» евразийской интеграции, представленного сейчас зонами свободной торговли.

Перспективы и предложения для усиления интегрирующей роли ЕАБР. Выше были указаны потенциальные направления развития ЕАБР как банка развития. Тем не менее, стоит признать, что деятельность ЕАБР во многом зависит от того, насколько успешны экономики стран ЕАЭС (рисунок 4).

Рис. 4. ВВП стран ЕАЭС (долл. США), Киргизия и Армения по вспомогательной оси
 Fig. 4. GDP of the EAEU countries (US dollars), Kyrgyzstan and Armenia on the auxiliary axis
 Источник: составлено автором на основе: ВВП в текущих ценах – Data Worldbank
 (<https://data.worldbank.org/>)

Таким образом, если сравнить динамику ВВП на рисунке 4 и деятельность ЕАБР и ЕСФР, становится очевидным, что максимальный объем кредитов выдавался в условиях подъема экономик стран-членов, тогда как минимальный в периоды их падения. При этом, отметим, что корреляционный анализ развития экономик стран-членов ЕАЭС и кредитования ЕАБР, представленный в таблице, выявил ряд закономерностей, доказывающих обособленное положение ЕАБР от всех механизмов Союза.

Такой анализ развития экономик стран-членов ЕАЭС и кредитования ЕАБР, представленный в таблице, выявил ряд закономерностей, доказывающих обособленное положение ЕАБР от всех механизмов Союза.

Корреляционный анализ экономик стран ЕАЭС и кредитования ЕАБР

Таблица

Correlation analysis of the economies of the EAEU countries and EDB lending

Table

	Россия	Киргизия	Казахстан	Беларусь	Армения
Армения	0,35029747	0,83108313	0,47002446	0,463429	-
Беларусь	0,87522301	0,50604896	0,87880409	-	0,463429
Казахстан	0,86058859	0,69543139	-	0,87880409	0,47002446
Киргизия	0,42124659	-	0,69543139	0,50604896	0,83108313
Россия	-	0,42124659	0,86058859	0,87522301	0,35029747
ЕАБР	-0,0336667	0,11480536	0,0019684	-0,1860051	-0,0375307

Источник: рассчитано автором

Таблица 1 позволяет сделать вывод о том, что: 1) существует ядро евразийской интеграции даже в рамках ЕАЭС (это страны-члены бывшего Таможенного Союза), 2) Армения и Киргизия обладают похожей динамикой ВВП, 3) ЕАБР не участвует в развитии экономик Союза или же его инструментария и финансовых возможностей не хватает на какие-либо изменения, так как его деятельность не коррелирует ни с одной экономикой ЕАЭС.

Таким образом, на основании вышесказанного можно заключить, что ЕАБР нуждается в структурной институциональной трансформации, которая затронет не только его финансовые механизмы, но и мандат.

В рамках этого направления деятельности автором выделен ряд мер, позволяющий повысить эффективность деятельности ЕАБР. Первым и основным элементом трансформации следует считать пересмотр основ деятельности Банка. Должны быть установлены такие цели, как содействие долгосрочному устойчивому развитию, основанному на инновационных технологиях, стимулирование сотрудничества в сфере унификации финансового законодательства в ЕАЭС, продвижение передовых финансовых технологий и прикладная направленность кредитования Банка, кредитование социально значимых проектов на основе принципов ESG, отказ от политической составляющей выдаваемых кредитов и расширение кредитного портфеля в сфере зелёной энергетики, социально значимой инфраструктуры и содействия экономическому развитию стратегически важных отраслей промышленности ЕАЭС.

Как очевидно из предложенных изменений целей деятельности ЕАБР, необходимо расширить его полномочия для выполнения заданных целей. Банк должен иметь возможность влиять на денежно-кредитную политику его членов, а также согласовывать экономическую политику стран ЕАЭС (хотя сегодня это не относится к его функциям).

Третьей важной задачей является формирование пула приоритетных проектов от каждой страны ЕАЭС. На основании предложенных проектов формируется кредитный портфель Банка. При этом, каждый из предложенных и принятых проектов должен соответствовать критериям стимулирования устойчивого развития экономики, принципам ESG, а также реализовываться на конкурентной основе, т.е. следует отказаться от выделения финансовых ресурсов на поддержку конкретного предприятия отрасли, а финансировать отрасль в целом. Это поможет избежать возможного нецелевого использования средств и предвзятости при выборе того или иного проекта.

Четвёртая задача – трансформация механизма привлечения средств самим Банком. На сегодняшний день ЕАБР не использует современные финансовые инструменты международного кредитования, особенно те, которые набирают популярность в связи с переходом к посткоронавирусной экономике – зелёные финансы [12]. Сегодня наиболее влиятельные мировые организации используют именно инструментальный зелёных или устойчивых финансов для инвестиций и для развития экономик после кризиса, вызванного COVID-2019.

Пятой задачей ЕАБР является развитие партнёрских отношений с другими банками развития. Уже упоминавшиеся ранее АБИИ и НБР активно сотрудничают с другими банками развития в реализации региональных проектов. Через использование этого инструмента ЕАБР получит возможность реализовывать более крупные проекты на территории ЕАЭС с меньшими (распределёнными) рисками и меньшими издержками.

На сегодняшний день ЕФСР имеет значительный перекося использования в сторону поддержки Белоруссии. Выделение 4,5 млрд. долл. США на развитие экономики одной страны при общем объеме выделенных средств, не превышающем 5,5 млрд. долл. США, указывает на то, что этот

механизм либо полностью подчиняется задачам поддержания лояльности Белоруссии целям ЕАЭС, либо экономически несостоятелен. Как первое, так и второе создает необходимость либо инкорпорации Фонда в структуру Банка в его новом виде, либо упразднения этого механизма.

Контроль за деятельностью ЕАБР неочевиден и непрозрачен. Необходимо создать систему оперативного мониторинга его деятельности, (в идеальной ситуации – в реальном времени). Эту функцию предлагается возложить на специальную межстрановую комиссию, созданную на основе служб финансового и налогового контроля стран-членов ЕАЭС.

Одной из важнейших задач ЕАБР на сегодняшний день должно стать преобразование его деятельности с тем, чтобы Банк стал консолидирующим и стимулирующим фактором интеграции на евразийском пространстве. Расширение функционала НСПК «Мир», продвижение расчётов в национальных валютах, расширение сотрудничества со странами, с которыми заключены соглашения о свободной торговле, а также привлечение их к финансовому сотрудничеству с ЕАБР – именно эти цели в долгосрочном периоде являются приоритетными для формирования стратегии развития Банка.

Заключение

Евразийская интеграция сегодня находится на этапе выбора стратегии дальнейшего развития, в которой значительную роль должны сыграть ее финансовые институты. Современный формат деятельности ЕАБР недостаточно эффективен для достижения целей укрепления финансового сотрудничества и углубления интеграции на пространстве ЕАЭС.

Авторами выявлен ряд проблем в деятельности ЕАБР, среди которых необходимо выделить ключевой недостаток – непрозрачность и экономическую неэффективность деятельности Банка и управляемого им ЕФСР. Эта проблема проистекает

из политизированности деятельности Банка и отсутствия у него реальных механизмов воздействия на экономику стран-членов ЕАЭС. Недостаточный экономический потенциал ЕАБР и нежелание привлекать финансовые ресурсы при помощи новых финансовых инструментов не позволяют ему встать в один ряд с наиболее влиятельными региональными банками развития, в том числе теми, которые созданы по инициативе развивающихся стран. При этом его зависимость от экономического состояния стран-членов ЕАЭС, выражающаяся в отказе от реализации проектов в условиях кризиса (хотя с точки зрения экономической целесообразности именно содействие развитию экономик и может стимулировать их выход из кризиса) отрицательно сказывается на его функциональной эффективности.

На основании анализа основных направлений деятельности банков развития автором выделено несколько основных направлений, позволяющих считать международные банки развития исключительно эффективными финансовыми структурами. ЕАБР обладает достаточным институциональным функционалом для того, чтобы на территории ЕАЭС реализовывать все эти направления, однако в силу выявленных недостатков неэффективно использует свой потенциал. В случае изменения характера деятельности и мандата Банка развитие евразийской интеграции будет гораздо эффективнее и быстрее, более того, ЕАБР станет консолидирующим механизмом финансовой интеграции на пространстве ЕАЭС.

Разработано несколько приоритетных мер для повышения эффективности деятельности Банка в современных условиях. Во-первых, автором предложено изменить целеполагание деятельности ЕАБР в сторону увеличения влияния параметров ESG и экономических выгод от проекта для экономики страны на принятие решения о кредитовании. Во-вторых, расширение мандата Банка для того, чтобы он мог согласовывать меры экономической и фи-

нансовой политики стран-членов ЕАЭС необходимо при изменении целеполагания. В-третьих, новая политика предоставления на рассмотрение проектов должна отсекаать те из них, которые направлены на поддержку отдельно взятых предприятий, а не отраслей в целом. Большее значение экономической составляющей этих проектов и отказ от политизации деятельности Банка также исключительно важны. В-четвёртых, предлагается пересмотреть функционал и эффективность ЕФСР, так как на сегодняшний день деятельность Фонда непрозрачна и политизирована.

В целом стоит отметить, что финансовая интеграции на пространстве ЕАЭС необходима и исключительно важна, более того, ЕАБР представляет собой необходимый институт для дальнейшего развития Союза. В этой связи несмотря на все недостатки его функционирования ЕАБР необходимо рассматривать как обязательную часть стратегии дальнейшей интеграции в ЕАЭС.

Список литературы

1. Беделадзе Д., Белоусова Д., 2020. Торгово-экономическое сотрудничество республики Казахстан с КНР и влияние этого на развитие интеграции в формате ЕАЭС. Постсоветские исследования. № 3(2): 145-154. DOI: 10.24411/2618-7426-2020-00015
2. Воробьев А., 2020. ЕАЭС: интеграция по-постсоветски. РСМД. URL: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/eaes-integratsiya-po-postsovetski/> (Дата обращения: 19 апреля 2021).
3. Косов Ю. и Фролов В., 2015. О перспективах расширения Евразийского экономического союза. Управленческое консультирование. № 11: 59-65.
4. Латухина К., 2016. Владимир Путин: Проект "большой Евразии" открыт и для Европы. Российская газета. URL: <https://rg.ru/2016/06/19/reg-szfo/vladimir-putin-proekt-bolshoj-evrazii-otkryt-i-dlia-evropy.html> (Дата обращения: 18 апреля 2021).
5. Новости ООН, 2015. Казахстан призывает «сплотиться вокруг идеи Большой Евразии». Новости ООН. URL:

<https://news.un.org/ru/story/2015/09/1271561>
(Дата обращения: 19 апреля 2021)

6. Платонова И., 2021. Влияние финансовых санкций на привлечение иностранных инвестиций в российскую экономику. Инвестиционный, финансовый и управленческий анализ. № 3(9): 117-121. DOI: 10.34670/AR.2019.90.10.012.
7. Тянь Е., 2018. Взаимоотношения Китайской Народной Республики и Республики Казахстан на примере сотрудничества в сфере образования. Международные отношения. № 4(4): 8-17. DOI: 10.7256/2454-0641.2018.4.27722.
8. Хулхачиев Б., 2015. Финансовая политика в рамках евразийской интеграции. ЕЭК. URL: http://www.eurasiancommission.org/ru/Documents/EEC_finpolit_150629_2.pdf (Дата обращения: 26 апреля 2021).
9. Likhacheva, A., Makarov, I. and Pestich, A. (2018) Building a Common Eurasian Infrastructure: Agenda for the Eurasian Economic Union. International Organisations Research Journal. №13(3): 97-112. DOI: 10.17323/1996-7845-2018-03-06.
10. Manurung, H. (2016) Russia Interests & the Effect of the Eurasian Economic Union (EAEU) on Global Economic Integration, 2015-2016. SSRN Electronic Journal. URL: https://papers.ssrn.com/sol3/papers.cfm?abstract_id=3134787 (Дата обращения: 26 апреля 2021). DOI: <http://dx.doi.org/10.2139/ssrn.3134787>.
11. Mostafa, G., Mahmood, M. (2018) Eurasian Economic Union: Evolution, challenges and possible future directions. Journal of Eurasian Studies. № 9(2): 163-172. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.euras.2018.05.001>.
12. Semenova, N., Eremina, O., Skvortsova, M. (2020) Green Financing in Russia: Current Status and Development Prospects. Finance: Theory and Practice. № 24(2): 39-49. DOI: <https://doi.org/10.26794/2587-5671-2020-24-2-39-49>.
13. Terzyan, A. (2018) The anatomy of Russia's grip on Armenia: Bound to persist?. CES Working Papers. № 2(10): 234-250.
14. Vinokurov, E. (2017) Eurasian Economic Union: Current state and preliminary results. Russian Journal of Economics. № 3(1): 54-70. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.ruje.2017.02.004>.

References

1. Bedeladze, D., Belousova, D. (2020) Torgovo-ekonomicheskoe sotrudnichestvo Respubliki Kazahstan s KNR i vlijanie etogo na razvitie integratsii v formate EAES [Trade and economic relations between Kazakhstan and PRC and its influence on the EAEU integration development]. *Postsovetskie issledovanija*. № 3(2). pp.145-154. DOI: 10.24411/2618-7426-2020-00015
2. Vorob'ev, A. (2020) EAES: integratsija po-postsovetski [Integration in the post-soviet way]. *RSMD*. URL: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/eaes-integratsiya-po-postsovetski/> (Accessed 19 April 2021).
3. Kosov, Ju., Frolov, V. (2015) O perspektivah rasshirenija Evrazijskogo ekonomicheskogo sojuza [On the prospects of EAEU proliferation]. *Upravlencheskoe konsul'tirovanie*. № 11. pp.59-65.
4. Latuhina, K. (2016) Vladimir Putin: Proekt "bol'shoj Evrazii" otkryt i dlja Evropy [Vladimir Putin: Big Eurasia project is open for Europe]. *Rossijskaja gazeta*. URL: <https://rg.ru/2016/06/19/reg-szfo/vladimir-putin-proekt-bolshoj-evrazii-otkryt-i-dlia-evropy.html> (Accessed 18 April 2021).
5. Novosti OON (2015) Kazakhstan prizyvaet «splotit'sja vokrug idei Bol'shoj Evrazii» [Kazakhstan calls for “uniting around Big Eurasia idea”]. *Novosti OON*. URL: <https://news.un.org/ru/story/2015/09/1271561> (Accessed 19 April 2021)
6. Platonova, I. (2021) Vlijanie finansovyh sanktsij na privlechenie inostrannyh investitsij v rossijskuju ekonomiku. [The influence of the financial sanctions on the attraction of the FDI in the Russian economy]. *Investitsionnyj, finansovyj i upravlencheskij analiz*. № 3(9). pp.117-121. DOI: 10.34670/AR.2019.90.10.012.
7. Tjan' E. (2018) Vzaimootnoshenija Kitajskoj Narodnoj Respubliki i Respubliki Kazahstan na primere sotrudnichestva v sfere obrazovaniya [The PRC – Kazakhstan relations on the example of education cooperation]. *Mezhdunarodnye otnoshenij*. № 4(4). pp. 8-17. DOI: 10.7256/2454-0641.2018.4.27722.
8. Hulkhachiev, B. (2015) Finansovaja politika v ramkah evrazijskoj integratsii [Financial policy in the framework of the Eurasian integration]. *EJEK*. URL: http://www.eurasiancommission.org/ru/Document/s/EEC_finpolit_150629_2.pdf (Accessed 26 April 2021).
9. Likhacheva, A., Makarov, I., Pestich, A. (2018) Building a Common Eurasian Infrastructure: Agenda for the Eurasian Economic Union. *International Organisations Research Journal*. № 13(3). pp. 97-112. DOI: 10.17323/1996-7845-2018-03-06.
10. Manurung, H. (2016) Russia Interests & the Effect of the Eurasian Economic Union (EAEU) on Global Economic Integration, 2015-2016. *SSRN Electronic Journal*. URL: https://papers.ssrn.com/sol3/papers.cfm?abstract_id=3134787 (Accessed 26 April 2021). DOI: <http://dx.doi.org/10.2139/ssrn.3134787>
11. Mostafa, G., Mahmood, M. (2018) Eurasian Economic Union: Evolution, challenges and possible future directions. *Journal of Eurasian Studies*. № 9(2). pp. 163-172. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.euras.2018.05.001>.
12. Semenova, N., Eremina, O., Skvortsova, M. (2020) Green Financing in Russia: Current Status and Development Prospects. *Finance: Theory and Practice*. № 24(2), pp. 39-49. DOI: <https://doi.org/10.26794/2587-5671-2020-24-2-39-49>.
13. Terzyan, A. (2018) The anatomy of Russia's grip on Armenia: Bound to persist? *CES Working Papers*. № 2(10), pp. 234-250.
14. Vinokurov, E. (2017) Eurasian Economic Union: Current state and preliminary results. *Russian Journal of Economics*. № 3(1). pp. 54-70. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.ruje.2017.02.004>.

Информация о конфликте интересов: авторы не имеют конфликта интересов для декларации.

Conflicts of Interest: the author has no conflict of interest to declare.

Аржаев Федор Игоревич, кандидат экономических наук, эксперт лаборатории анализа данных и отраслевой динамики ИПЭИ РАНХиГС (Москва, Россия)

Fedor I. Arzhaev, Candidate of Economic Sciences, Expert of the Laboratory of Data analysis and Industry Dynamics of IPEI RANEPА (Moscow, Russia)

УДК 338.2

DOI: 10.18413/2409-1634-2022-8-1-0-12

¹Тинякова В.И.,
²Лавриненко Я.Б.,
³Чемерис О.С.

**ИССЛЕДОВАНИЕ УРОВНЯ ИННОВАЦИОННОСТИ
СТРАН МИРА ВО ВЗАИМОСВЯЗИ С ИХ РАСХОДАМИ
НА ВЫСШЕЕ ОБРАЗОВАНИЕ**

¹ Государственный университет управления,
109542, Россия, Москва, Рязанский проспект, д. 99

² Воронежский государственный технический университет,
394000, Россия, Воронежская обл., Воронеж, Московский просп., д. 14

³ Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого
195251, Россия, Санкт-Петербург, ул. Политехническая, д. 29

e-mail: tviktoria@yandex.ru, yaroslav_lav1@bk.ru, o.s.pogarskaya@gmail.com

Аннотация.

Большинство стран мира, преследуя цель поддержания и ускорения темпов своего инновационного развития, расходуют значительные средства на науку и высшее образование, тем самым создавая сбалансированные национальные инновационно-экономические системы. Для количественной оценки результативности этих расходов в статье произведен анализ 132 стран рейтинга Global Innovation Index (ГИИ). В ходе исследования была выявлена сильная корреляционная связь между величиной государственных расходов на одного студента и уровнем инновационности экономик государств. Был сформирован ТОП-20 стран по величине расходов на одного студента и расходов высшего образования на одного гражданина этой страны. В результате выявлено, что наиболее эффективно расходуют свои средства на эти цели Великобритания, Сингапур, Германия, Израиль и Япония.

Ключевые слова: инновационная экономика, государственные расходы, высшее образование, инновации, инновационная активность, эффективность.

Информация для цитирования: Тинякова В.И., Лавриненко Я.Б., Чемерис О.С. Исследование уровня инновационности стран мира во взаимосвязи с их расходами на высшее образование // Научный результат. Экономические исследования. 2022. Т.8. № 1. С. 121- 133. DOI: 10.18413/2409-1634-2022-8-1-0-12

¹Victoria I. Tinyakova,
²Olga S. Chemeris,
³Yaroslav B. Lavrinenko

**STUDY OF THE LEVEL OF INNOVATION
OF COUNTRIES OF THE WORLD IN RELATION
TO THEIR EXPENDITURES ON HIGHER EDUCATION**

¹ State University of Management, 99 Ryazansky Prospekt, Moscow, 109542, Russia

²Voronezh State Technical University, 394000, Russia, Voronezh Region,
Voronezh, Moskovsky Ave., 14

³Peter the Great St. Petersburg Polytechnic University 29 Polytechnicheskaya St.,
St. Petersburg, 195251, Russia

e-mail: tviktoria@yandex.ru, yaroslav_lav1@bk.ru, o.s.pogarskaya@gmail.com

Abstract.

Most countries of the world, pursuing the goal of maintaining and accelerating the pace of their innovative development, spend significant funds on science and higher education, thereby creating balanced national innovation and economic systems. To quantify the effectiveness of these expenditures, the article analyzes 132 countries of the Global Innovation Index (GII) ranking. The research revealed a strong correlation between the amount of public expenditure per student and the level of innovativeness of national economies. The top 20 countries were formed by the amount of expenditure per student and higher education expenditure per citizen of this country. As a result, it was found that the UK, Singapore, Germany, Israel and Japan are the most efficient in spending their funds for these purposes.

Key words: innovation economy, government spending, higher education, innovation, innovation activity, efficiency.

Information for citation: Tinyakova V. I., Lavrinenko Y. B., Chemeris O. S., “Study of the level of innovation of countries of the world in relation to their expenditures on higher education”, *Research Result. Economic Research*, 8(1), 121-133, DOI: 10.18413/2409-1634-2022-8-1-0-12

Введение

В течение последних десятилетий прослеживается тенденция к глобальному изменению развития многих государств. В последнее время наблюдается повышенный интерес ученых и специалистов-практиков к выявлению факторов и условий, обеспечивающих инновационное развитие страны. Важным показателем её конкурентоспособности и будущего благополучия является уровень инновационности её экономики. На фоне глобализации (в т.ч. цифровизации) в мире возникает существенная необходимость в организации сбалансированных национальных инновационно-экономических систем [По-

гарская О. С., 2013], которые подкрепляются созданием и последующим устойчивым развитием концепции Тройной спирали. Она основана на исследованиях сложного взаимодействия трех главных социальных института: университеты – бизнес – государство. Схема взаимодействия участников концепции Тройной спирали представлена на рисунке.

Ключевым элементом инновационной концепции являются именно вузы, которые выступают не только как центры науки и высшего образования, но и как наиболее важные субъекты инновационной деятельности. Важный акцент здесь стоит сделать именно на функционирова-

нии данных субъектов потенциального формирования устойчивой государствен-

ной инновационной структуры.

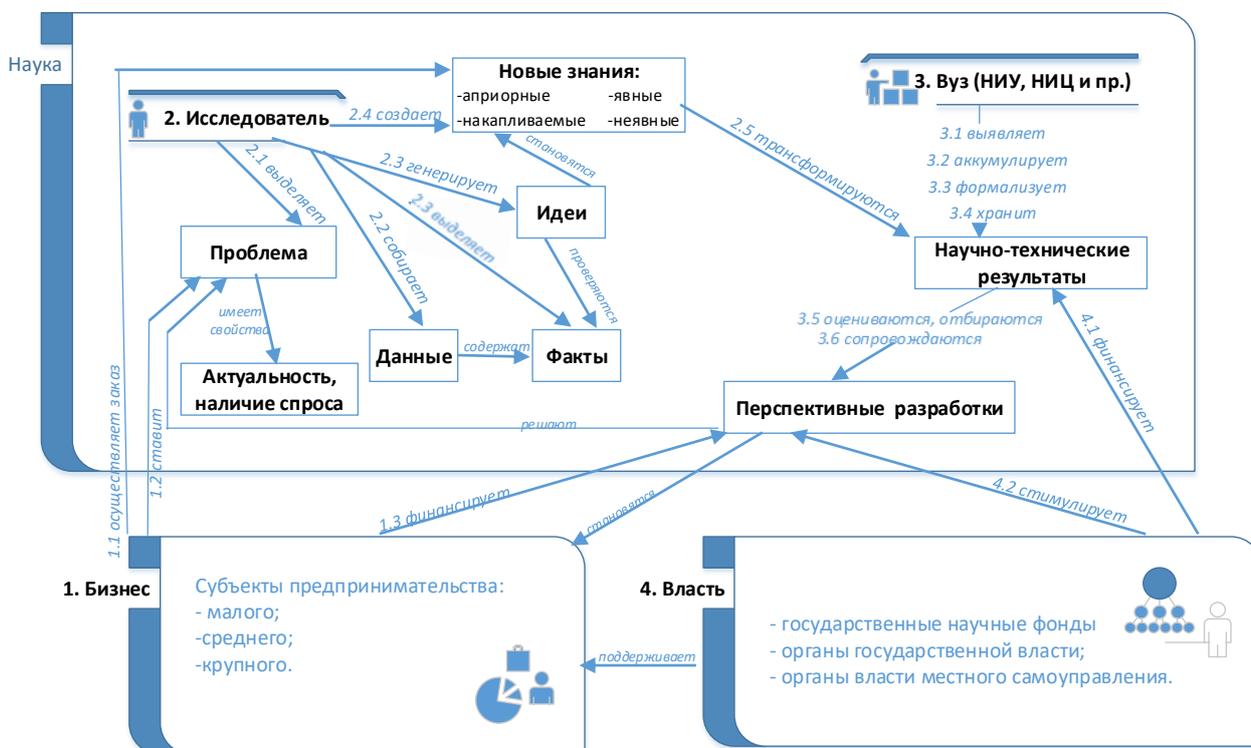

Рис. Схема взаимодействия участников инновационной концепции Тройной спирали [Тинякова В. И., 2018]

Fig. Scheme of interaction between participants of the Triple Helix innovation concept [Тинякова В. И., 2018]

С целью оценки уровня инновационной активности конкретной страны в сравнении с другими странами ежегодно, начиная с 2007 г., формируется глобальный индекс инноваций – Global Innovation Index. Многие страны мира в ходе разработки стратегий развития принимают во внимание полученные в этом рейтинге баллы, стремясь улучшить свои позиций в рейтинге Global Innovation Index, который базируется на двух субиндексах: вложения в инновации и инновационная продукция. Субиндексы формально отражают разные потоки: входа и выхода инноваций в экономике. Субиндекс вложений в инновации включает в себя: институты развития, человеческий капитал и исследования, инфраструктуру, рыночные условия и бизнес-опыт. Субиндекс инновационной про-

дукции: результаты в области знаний и технологий, инновационные продукты и сервисы.

Основная часть

Цель настоящего исследования заключается в изучении влияния государства на инновационное развитие через государственные расходы на высшее образование. Отличительная особенность данного исследования состоит в использовании Глобального инновационного индекса, который применяется в качестве своеобразного инструмента для измерения уровня инновационности экономики страны, а также для выявления факторов, оказывающих на него влияние.

Кроме того, в работе поставлена цель оценки эффективности государственных расходов на высшее образование в пара-

дигме государственной инновационной экономики. Важным представляется определить не только те страны, которые в большом объеме расходуют средства, но и те, которые расходуют эти средства наиболее эффективно.

Схожими проблемами в своих исследованиях занимались такие ученые, как:

– Jovanka Damoska Sekuloska, которая рассматривала высшее образование как основу для повышения инновационного потенциала, однако её исследование ограничивалось рядом балканских и восточноевропейских стран: Албания, Босния и Герцеговина, Македония, Черногория, Сербия, Чехия, Польша, Венгрия, Словения и Словакия. Автор использовала в качестве базы исследования индекс высшего образования и глобальный инновационный индекс. Индекс высшего образования учитывается при расчёте Global Innovation Index, поэтому присутствует взаимное влияние. В своём исследовании автор выявила влияние высшего образования на инновации в экономике, определила, что уровень развития экономики и уровень корреляции между индексами высшего образования и инноваций находятся в прямой зависимости. Чем более инновационно развита экономика, тем теснее связь между экономикой и инновациями.

– совместное исследование коллектива авторов (Юрий Чентуков, Владимир Омельченко, Ольга Захарова, Тамара Николенко), которые аналогично занимаются оценкой корреляции между индексом U21 higher education competitiveness и рядом других макропоказателей экономик государств. В своей работе они анализируют лишь 11 стран и приходят к выводу, что имеется высокая корреляция между индексом quality index of higher education и рядом выбранных показателей из Global Innovation Index. Недостаток работы снова в небольшой выборке (11 стран) и использовании показателей, которые зависимы от итогового Global Innovation Index.

– авторы Agostino Menna, Philip R. Walsh, Homeira Ekhtari оценивали корреляцию

составляющих Global Innovation Index из 770 показателей и 242 взаимосвязей между ними, что свидетельствует о том колоссальном объёме работы, который был проделан учеными. Однако в исследовании они снова включили лишь 35 стран из OECD. В ходе проведения исследования авторы сделали вывод о том, что большой входной объём данных показал невысокий уровень корреляции с итоговым Global Innovation Index.

В статье ниже представлены результаты авторского исследования взаимосвязи между количеством баллов, которые набрали страны в рамках рейтинга Global Innovation Index, и рядом показателей, связанных с государственными расходами на образование в целом, высшее образование в частности, и на научные исследования.

В настоящем исследовании использовались данные TheWorldBank, UNESCO и официальных порталов отдельных правительств. Анализу подверглись 132 государства, которые входят в индекс GlobalInnovationIndex-2021. Понимая процесс развития инноваций как длительный эволюционный процесс, невозможно использовать данные за один выбранный год, как единственный критерий эффективности деятельности правительства в области инноваций, поэтому авторы исследования учитывали среднее число баллов каждой страны из рейтинга GI за 4 года: с 2018 по 2021 гг.

Другой проблемой, которая возникла в процессе отбора данных, стал недостаток исходной информации по отдельным странам. Информационную базу исследования составили данные TheWorldBank, однако даже эту обширную базу нельзя назвать полной. Информация по некоторым годам отсутствовала, а по некоторым странам приходилось использовать альтернативные источники и правительственные отчёты.

Данные за период 2014-2020 гг. от TheWorldBank брались в усредненном варианте, при этом в отдельных случаях период усреднения начинался с 2005 г. Чаще

всего, отсутствие данных наблюдалось у наименее экономически и инновационно развитых стран, что обеспечило минимальное влияние на результаты общих расчётов.

Из множества показателей исходными авторы выбрали следующие:

- Расходы на начальное образование (% от государственных расходов на образование);
- Расходы на среднее образование (% от государственных расходов на образование);
- Расходы на высшее образование (% от государственных расходов на образование);
- Государственные расходы на образование, всего (% от ВВП);
- Расходы на исследования и разработки (% от ВВП);
- Расходы (% от ВВП), ВВП (текущие

долл. США);

- ВВП на душу населения (текущий долл. США);
- Население, всего;
- Студенты, всего.

Наибольшее затруднение вызвал поиск информации о показателе «Студенты, всего». Во-первых, не существует единой базы данных по количеству студентов в каждой стране. Во-вторых, различаются подходы к оценке числа студентов по странам. В некоторых странах учитывается не общее число студентов, а число зачисленных студентов на первый курс. В других странах отсутствует учёт числа студентов как таковой или исследователи не смогли получить достоверные данные.

Сформированные исходные данные для проведения расчетов представлены в табл. 1.

Таблица 1

Государственные расходы на образование, высшее образование и исследования в расчете одного человека и расходы на одного студента

Table 1

Public spending on education, higher education, and research per person and per student

1	2	3	4	5	6	7	1	2	3	4	5	6	7
1	Switzerland	3 872	999	2 522,2	13 302	24 957	67	Saudi Arabia	1 137	-	85,8	5 753	-
2	Sweden	3 748	996	1 759,8	17 291	17 749	68	Colombia	271	56	13,7	1 693	1 089
3	United States	2 694	737	1 463,6	12 712	19 724	69	Tunisia	264	68	26,3	1 124	2 773
4	Netherlands	2 673	829	936,8	19 755	17 147	70	Kuwait	2 145	699	49,5	12 046	-
5	United Kingdom	2 304	471	709,3 876	16	8 410	71	Belarus	303	58	38,4	1 775	2 011
6	Finland	3 061	916	1 534,2	17 669	13 589	72	Peru	185	28	5,7	1 047	-
7	Singapore	1 499	527	1 099,5	7 066	2 029	73	Brunei	1 099	276	95,2	-	-
8	Denmark	4 636	1 321	1 668,9	22 608	24 090	74	Bosnia and Herzegovina	-	-	7,3	1 793	-
9	Germany	2 074	548	1 206,6	12 511	16 984	75	Morocco	155	31	19,4	776	-
10	Korea, Rep.	1 159	237	943,1	5 715	6 156	76	Panama	337	75	16,7	1 543	-
11	Israel	1 978	322	1 474,3	12 991	7 413	77	Argentina	537	104	57,7	2 561	2 613
12	Hong Kong	1 388	437	291,3	4 845	35 965	78	Bahrain	573	140	22,6	-	-
13	France	2 187	509	874,1	18 914	12 764	79	Jamaica	276	52	-	1 351	-

1	2	3	4	5	6	7
14	Ireland	2 965	663	846,5	21 223	19 922
15	Japan	1 416	286	1 317,2	6 609	9 914
16	China	238	50	113,3	1 043	1 286
17	Canada	2 262	807	813,4	8 050	14 089
18	Luxembourg	4 260	367	1 576,0	41 377	8 272
19	Norway	5 974	1 768	1 444,5	29 602	36 796
20	Iceland	4 184	814	1 325,7	20 416	10 200
21	Austria	2 584	761	1 342,5	21 677	17 465
22	Belgium	2 840	626	982,5	18 871	8 112
23	Australia	2 677	644	1 148,1	13 757	13 574
24	Estonia	913	216	258,7	6 188	6 086
25	Czech Re- public	850	184	315,0	6 699	4 558
26	New Zea- land	2 387	594	454,9	12 175	10 502
27	Malta	1 454	287	151,4	11 825	7 838
28	Cyprus	1 353	303	96,6	9 652	6 983
29	Spain	1 300	294	369,7	9 438	10 824
30	Italy	1 454	270	431,8	14 644	5 785
31	Slovenia	1 240	273	467,3	9 842	5 978
32	Portugal	1 101	210	281,0	9 218	5 330
33	Hungary	662	127	166,4	6 037	2 378
34	Malaysia	469	141	100,6	1 766	6 958
35	United Arab Emirates	1 240	-	345,1	1 658	0
36	Slovak	674	153	119,8	6 683	3 296
37	Latvia	731	135	82,9	6 195	3 535
38	Bulgaria	290	50	45,4	2 401	1 809
39	Poland	636	141	104,5	4 574	3 232
40	Lithuania	671	163	126,6	4 913	4 769
41	Croatia	579	119	112,9	5 386	5 961
42	Greece	843	304	178,4	11 329	8 982
43	Vietnam	84	13	6,8	-	1 866
44	Thailand	208	38	24,0	991	1 558
45	Ukraine	186	57	22,3	1 109	1 567
46	Russia	440	96	118,1	2 865	4 466
47	Turkey	360	115	80,5	3 244	1 826
48	Romania	323	81	43,8	3 072	2 989
49	Montenegro	-	-	39,7	-	-
50	India	51	15	11,1	232	374
51	Chile	565	115	47,0	2 619	1 913

1	2	3	4	5	6	7
80	Oman	800	138	35,8	-	-
81	Kazakhstan	280	36	16,9	1 479	-
82	Jordan	126	26	21,8	1 101	-
83	Azerbaijan	136	17	10,5	1 168	-
84	Kenya	74	11	7,6	289	-
85	Albania	150	30	5,1	1 005	-
86	Indonesia	98	14	5,5	477	1 197
87	Dominican Republic	200	29	-	938	-
88	Lebanon	154	43	-	1 925	-
89	Paraguay	166	39	4,1	654	573
90	Sri Lanka	65	12	3,8	541	-
91	Tanzania	32	8	3,4	123	-
92	Kyrgyz	64	8	1,7	276	-
93	Trinidad and Tobago	705	-	11,7	5 219	-
94	Egypt	105	-	13,6	819	-
95	Botswana	544	176	29,4	2 021	-
96	Uzbekistan	106	-	3,2	269	-
97	Rwanda	26	5	4,3	122	-
98	Ecuador	243	87	16,2	-	-
99	Namibia	412	100	12,1	1 504	902
100	Senegal	64	18	5,7	251	350
101	El Salvador	129	12	3,6	788	-
102	Cabo Verde	175	27	2,4	875	-
103	Tajikistan	36	3	0,8	0	-
104	Cambodia	18	1	1,2	119	-
105	Guatemala	107	13	1,5	446	-
106	Pakistan	29	7	4,3	-	-
107	Honduras	123	19	0,6	465	-
108	Nepal	29	3	1,6	121	-
109	Ghana	93	20	5,1	339	-
110	Bolivia	185	-	4,0	607	-
111	Uganda	16	2	2,1	85	-
112	Malawi	19	5	-	77	-
113	Madagascar	13	1	0,4	46	-
114	Côte d'Ivoire	117	19	-	248	-
115	Cameroon	41	4	-	173	-
116	Zimbabwe	53	10	-	213	-
117	Algeria	262	71	13,2	-	-

1	2	3	4	5	6	7
52	Serbia	248	71	44,1	2 331	-
53	Costa Rica	606	127	45,0	2 454	5 262
54	Mongolia	159	18	7,1	799	326
55	Mexico	465	91	39,4	2 026	2 778
56	Moldova	193	33	10,3	825	1 583
57	Philippines	76	9	3,1	363	-
58	Georgia	114	14	8,3	975	1 299
59	South Africa	395	51	55,3	2 058	1 140
60	Brazil	528	93	107,3	3 135	1 719
61	Qatar	2 473	-	338,8	-	-
62	North Macedonia	162	-	15,2	1 433	-
63	Iran	185	46	23,7	968	1 167
64	Uruguay	542	131	51,1	4 049	-
65	Mauritius	355	30	27,3	1 802	795
66	Armenia	100	12	8,4	771	394
66	Armenia	100	12	8,4	771	394

1	2	3	4	5	6	7
118	Bangladesh	21	3	-	102	-
119	Nigeria	70	-	3,0	-	-
120	Mali	27	5	2,7	97	-
121	Mozambique	30	4	1,6	106	-
122	Burkina Faso	30	5	1,6	92	-
123	Lao PDR	40	7	-	-	-
124	Ethiopia	28	12	1,6	58	-
125	Zambia	50	7	2,1	251	-
126	Benin	35	7	0,0	-	-
127	Togo	27	5	1,6	99	-
128	Niger	17	2	-	-	-
129	Guinea	17	6	-	-	-
130	Myanmar	25	4	0,5	198	-
131	Angola	68	-	0,8	526	-
132	Yemen	61	-	-	-	-
132	Yemen	61	-	-	-	-

Примечания к таблице 1. В таблице использованы следующие обозначения столбцов: 1 – средняя позиция страны за 2018-2021 гг.; 2 – страна; 3 – образование на душу населения (в долларах); 4 – высшее образование на душу населения (в долларах); 5 – расходы на исследования и разработки на душу населения (в долларах); 6 – расширение на душу населения (в долларах); 7 – высшее образование на одного студента (в долларах).

В таблице 1 представлена информация о 132 странах, что является своего рода уникальным набором данных. В ходе настоящего исследования был проведен регрессионный анализ с целью установления взаимосвязи между суммой получен-

ных страной баллов в рейтинге GlobalInnovationIndex и содержащимися в табл. 1 показателями.

В табл. 2 представлены показатели, оценивающие качество установленных взаимосвязей.

Таблица 2

Результаты регрессионного анализа

Table 2

Results of regression analysis

	Множественный R	R-квадрат	Нормированный R-квадрат	Стандартная ошибка
Образование на душу населения (в долл. США)	0,7695	0,5922	0,5891	7,9045
Высшее образование на душу населения (в долл. США)	0,7438	0,5533	0,5498	8,2731
Расходы на исследования и разработки на душу населения (текущие долл. США)	0,8603	0,7401	0,7381	6,3102
Экспансия на душу населения (в долл. США)	0,7995	0,6392	0,6364	7,4354
Третичное образование на одного студента (текущие долл. США)	0,7568	0,5727	0,5694	8,0914

Данные табл. 2 позволяют сделать вывод о существовании достаточно высокой связи между анализируемыми показателями. Наиболее высокая корреляция бы-

ла обнаружена между государственными расходами на научные исследования и разработки и количеством баллов, которые набрала страна в Глобальном инновацион-

ном индексе. Авторы исследования подтвердили выдвинутую гипотезу о влиянии высшего образования на уровень инновационности экономики страны, в частности, на позиции стран в рейтинге GlobalInnovationIndex.

Важной составляющей исследования стала кропотливая работа по сбору данных относительно численности студентов по странам для последующих расчётов. В итоге была обнаружена сильная связь между ним и инновационностью экономики.

Анализируя табл. 3, можно отметить, что по отдельным странам наблюдается определенное несоответствие между объемом расходуемых средств и занимаемыми ими позициями в рейтинге ГИ. Примером служит Кувейт с 11 местом по затратам на высшее образование и 70 место в рейтинге ГИ. Другой пример – это Испания, которая

занимает 15 место в тратах на одного студента, но только 29 место в рейтинге ГИ. Различия в уровне затрат государств на образование, высшее образование (в расчете на одного человека) и государственных расходов (в расчете на 1 студента), которые нашли отражения в табл. 4, говорят о разной их эффективности.

Интересным примером эффективности государственных расходов является Великобритания, которая по затратам не входит даже в ТОП-10 стран, но при этом занимает 5 место в рейтинге инновационности экономики. Другим положительным примером служит Южная Корея и Китай. С другой стороны, мы наблюдаем показатели у Норвегии, которая по 3 из 4 показателей находится на первом месте по затратам, но в рейтинге ГИ занимает лишь 19 место.

Таблица 3

ТОП-20 стран из рейтинга ГИ

Table 3

Top 20 countries in the ranking

1.1	1.2	1.3	1.4	1.5	2.1	2.2	2.3	2.4	2.5
1	51,05	19	Norway	36 796	1	51,05	19	Norway	1 768
2	54,53	12	Hong Kong	35 965	2	57,92	8	Denmark	1 321
3	66,81	1	Switzerland	24 957	3	66,81	1	Switzerland	999
4	57,92	8	Denmark	24 090	4	63,08	2	Sweden	996
5	54,26	14	Ireland	19 922	5	58,72	6	Finland	916
6	60,78	3	United States	19 724	6	60,53	4	Netherlands	829
7	63,08	2	Sweden	17 749	7	50,95	20	Iceland	814
8	50,82	21	Austria	17 465	8	53,06	17	Canada	807
9	60,53	4	Netherlands	17 147	9	50,82	21	Austria	761
10	57,52	9	Germany	16 984	10	60,78	3	United States	737
11	53,06	17	Canada	14 089	11	31,82	70	Kuwait	699
12	58,72	6	Finland	13 589	12	54,26	14	Ireland	663
13	49,74	23	Australia	13 574	13	49,74	23	Australia	644
14	54,32	13	France	12 764	14	49,75	22	Belgium	626
15	46,88	29	Spain	10 824	15	48,84	26	New Zealand	594
16	48,84	26	New Zealand	10 502	16	57,52	9	Germany	548
17	50,95	20	Iceland	10 200	17	58,15	7	Singapore	527
18	54,21	15	Japan	9 914	18	54,32	13	France	509
19	37,73	42	Greece	8 982	19	60,25	5	United Kingdom	471
20	60,25	5	United Kingdom	8 410	20	54,53	12	Hong Kong	437
...
36	36,94	46	Russia	4 466	51	36,94	46	Russia	96

Примечание к таблице 3. В таблице использованы следующие обозначения столбцов: 1.1 – место стран с наибольшими государственными расходами на одного студента; 1.2 и 2.2 – баллы страны в рейтинге ГИ; 1.3 и 2.3 – место страны в рейтинге ГИ; 1.4 и 2.4 – страны рейтинга ГИ; 1.5 – государственные расходы страны на одного студента в долл. США; 2.5 – государственные расходы на высшее образование в расчете на одного человека.

Оценивая расходы на высшее образование и их эффективность, следует отметить, что бесспорными лидерами являются Великобритания, Сингапур, Германия, Южная Корея, Израиль, Япония. Выявив страны, которые эффективнее других расходуют средства на высшее образование и студентов и находятся в числе лучших, возможно перенять их опыт развития и повышения инновационной активности. Каждая страна имеет свой путь и свои особенности становления инновационной экономики, но роль университетов на этом пути, несомненно, велика.

В рейтинге с Россией соседствуют страны, которые расходуют меньше госу-

дарственных средств, но находятся в рейтинге выше. Одними из примеров являются Украина и Таиланд. С другой стороны, пример Греции, расходующей на высшее образование в 3,2 раза больше, чем Россия, но в рейтинге находится выше всего на четыре позиции или один балл.

Каждая страна имеет свою эффективность государственных расходов относительно GlobalInnovationIndex. В таблице 4 представлены результаты расчета сравнительной эффективности (путём соотношения средних государственных расходов на высшее образование в расчете на человека и средних расходов на одного студента).

Таблица 4

Эффективность «балла» GII относительно государственных расходов на высшее образование и студентов

Table 4

The effectiveness of the GII "score" relative to public spending on higher education and students

1	2	3	4	1	2	3	4
1	Switzerland	15,0	373,6	26	New Zealand	12,2	215,0
2	Sweden	15,8	281,4	27	Malta	5,9	162,6
3	United States	12,1	324,5	28	Cyprus	6,4	148,2
4	Netherlands	13,7	283,3	29	Spain	6,3	230,9
5	United Kingdom	7,8	139,6	30	Italy	5,9	125,7
6	Finland	15,6	231,4	31	Slovenia	6,1	133,5
7	Singapore	9,1	34,9	32	Portugal	4,7	119,7
8	Denmark	22,8	416,0	33	Hungary	2,9	54,8
9	Germany	9,5	295,3	34	Malaysia	3,3	163,6
10	Korea, Rep.	4,1	107,7	35	United Arab Emirates	-	-
11	Israel	5,8	134,1	36	Slovak	3,6	78,1
12	Hong Kong	8,0	659,6	37	Latvia	3,2	84,4
13	France	9,4	235,0	38	Bulgaria	1,2	43,7
14	Ireland	12,2	367,2	39	Poland	3,5	79,4
15	Japan	5,3	182,9	40	Lithuania	4,0	117,9
16	China	0,9	23,8	41	Croatia	3,1	155,7
17	Canada	15,2	265,6	42	Greece	8,1	238,1
18	Luxembourg	7,1	159,2	43	Vietnam	0,4	49,5
19	Norway	34,6	720,8	44	Thailand	1,0	41,4
20	Iceland	16,0	200,2	45	Ukraine	1,6	42,4
21	Austria	15,0	343,6	46	Russian Federation	2,6	120,9
22	Belgium	12,6	163,0	47	Turkey	3,1	49,5
23	Australia	12,9	272,9	48	Romania	2,2	82,0
24	Estonia	4,3	122,5	49	Montenegro	-	-
25	Czech Republic	3,8	93,2	50	India	0,4	10,4

Примечание к таблице 6. В таблице использованы следующие обозначения столбцов: 1 – место в рейтинге GII; 2 – страна; 3 – «стоимость» одного балла в соотношении с расходами на высшее образование на 1 человека, USD; 4 – «стоимость» одного балла в соотношении с расходами на 1 студента, USD

В качестве базы исследования был выбран ТОП-50 лучших экономик по версии GlobalInnovationIndex.

В большинстве стран инновации рождаются в ведущих вузах, поэтому интересным является изучение опыта самих университетов, их уровня финансирования, как государством, так и частным сектором. Внимание привлекает структура распределения расходов и уровень обеспеченности студентов и преподавателей. Всё это возможно рассмотреть в дальнейших исследованиях. Инновационность экономики является следствием инновационной активности университетов, но не только, как центров образования или науки, но и как центров создания инноваций.

Оценивая опыт ведущих инновационных экономик по развитию высшего образования и катализации инновационной деятельности университетов, возможно сформировать свой путь и минимизировать ошибки на нём.

Заключение

Выполненное настоящее исследование дополняет проведенные ранее исследования. Оно охватывает весь набор стран из рейтинга Global Innovation Index. В ходе выполнения были использованы расчетные показатели, которые не входят напрямую в рейтинг GIИ, тем самым снижая зависимость от него и повышая уровень доверия. Цель данного исследования в изучении влияния государственных расходов на высшее образование для повышения инновационности экономики в целом достигнута. Выявлена сильная корреляционная связь между расходами на высшее образование, исследования, студентов и рейтингом Global Innovation Index. Рейтинг GIИ является общепризнанным индексом инновационности экономики стран.

Современная экономика – это инновационная экономика, которую делают инновационной именно высококачественные специалисты, которых выпускают университеты. На сегодняшний день в мире нет альтернативы экономике, основан-

ной на знаниях [OurWorldinData, 2022]. Этот факт предполагает создание условий для преобразования инновационного потенциала государств в один из главных ресурсов устойчивого экономического роста. Политика Европейского Союза в области образования и науки выражена в Болонском процессе трансформации образовательных систем и процессе интенсификации трансфера знаний, заданном Лиссабонской повесткой [SekuloskaJ. D., 2014]. Университеты создают не только фундамент для будущих инноваций, но и являются центрами создания инноваций. В исследовании ходе подтвердилась гипотеза относительной эффективности государственных расходов на высшее образование. Выяснилось, какие ведущие инновационные экономики мира эффективнее расходуют средства, какие – менее эффективно.

Проведение дальнейших исследований авторы предполагают в области оценки ведущих вузов как центров инноваций: структуры их доходов и расходов, степени участия государства, уровня расходов на персонал, преподавателей и студентов.

Список литературы

1. Погарская О. С., 2013. Университетский трансфер технологий как ключевой фактор развития Российской экономики знаний / О. С. Погарская // Вестник Белгородского университета кооперации, экономики и права. – 2013. – № 4(48): 504-511.
2. Тинякова В. И., 2018. Анализ составляющих инновационного потенциала территорий / В. И. Тинякова, О. С. Чемерис // Управление городом: теория и практика. – 2018. – № 3(30): 48-58.
3. Удальцова Н. Л., 2021. Особенности становления и развития инновационной системы России в контексте "Тройной спирали" / Н. Л. Удальцова, Д. А. Крутских // Вопросы инновационной экономики. – 2021. – Т. 11. – № 1: 33-46. – DOI 10.18334/vinec.11.1.111894.
4. Bakry S. H., (2018). Innovation in higher education: towards enhancing sustainable development //The Future of Innovation and Technology in Education: Policies and Practices for Teaching and Learning Excellence. – Emerald

Publishing Limited, 2018.

5. Bate A. F., Wachira E. W., Sándor D., (2021). The Determinants of Innovation Performance; An Income Based Cross-Country Comparative Analysis Using Global Innovation Index (GII). – 2021.

6. BETA.DATALAB. Government finance. [Электронный ресурс]. – URL: data-lab.usaspending.gov. – (Дата обращения 01.02.2022).

7. Chentukov Y. et al., (2021.) Assessing the impact of higher education competitiveness on the level of socio-economic development of a country //Problems and Perspectives in Management. – 2021. – Т. 19. – №. 2. – P. 370-383.

8. Kalugin V. A., (2013). The principles and methods of the appraisal of commercialization projects of the universities innovations / V. A. Kalugin, O. S. Pogarskaya, I. Olegovna Malikhina // World Applied Sciences Journal. – 2013. – Vol. 25. – No 1. – P. 97-105. – DOI 10.5829/idosi.wasj.2013.25.01.7029.

9. Кноема. [Электронный ресурс]. – URL:knoema.com. – (Дата обращения 01.02.2022).

10. Lavrinenko, Ya. B., & Novikov, A. G., (2019). To the question of the need for changes in the innovative infrastructure of the region in the conditions of digitalization of the economy. BBC 65.0501 A 43, 203.

11. Levchenko O., Tkachuk O., Tsarenko I., (2018). The Role of Universities and their Research Work in the Generation of Innovation : дис. – ТУКЕ, 2018.

12. Menna A., Walsh P. R., Ekhtari H., (2019). Identifying enablers of innovation in developed economies: A National Innovation Systems approach //Journal of Innovation Management. – 2019. – Т. 7. – №. 1. – P. 108-128.

13. Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation. Open Data. [Электронный ресурс]. – URL: minobnauki.gov.ru/opendata. – (Дата обращения 01.02.2022).

14. Our World in Data. [Электронный ресурс]. – URL: ourworldindata.org.– (Дата обращения 01.02.2022).

15. Sekuloska J. D., (2014). Higher education as a pillar in increasing innovation capacities // Economics and Management. – 2014. – Т. 19. – №. 3. – P. 241-247.

16. Sohn S. Y., Kim D. H., Jeon S. Y., (2016). Re-evaluation of global innovation index

based on a structural equation model // Technology Analysis & Strategic Management. – 2016. – Т. 28. – №. 4. – P. 492-505.

17. Statista. Global No.1 Business Data Platform. [Электронный ресурс]. – URL: www.statista.com– (Дата обращения 01.02.2022).

18. The UNESCO Institute for Statistics. [Электронный ресурс]. – URL: data.uis.unesco.org. – (Дата обращения 01.02.2022).

19. Todeva E., (2018). The global innovation index as a measure of triple helix engagement //International Triple Helix Summit. – Springer, Cham, 2018. – P. 119-134.

20. Van Staveren I., (2013). Gender as a macroeconomic variable //New Frontiers in Feminist Political Economy. – Routledge, 2013. – P. 151-169.

21. World Bank Open Data. [Электронный ресурс]. – URL: data.worldbank.org. – (Дата обращения 01.02.2022).

22. Zhirnova G. I., Absalyamova S. G., (2013). Global innovation gap and quality of education //2013 International Conference on Interactive Collaborative Learning (ICL). – IEEE, 2013. – P. 144-145.

References

1. Bakry S. H., (2018). Innovation in higher education: towards enhancing sustainable development //The Future of Innovation and Technology in Education: Policies and Practices for Teaching and Learning Excellence. – Emerald Publishing Limited, 2018.

2. Bate A. F., Wachira E. W., Sándor D., (2021). The Determinants of Innovation Performance; An Income Based Cross-Country Comparative Analysis Using Global Innovation Index (GII). – 2021.

3. BETA.DATALAB. Government finance. [Электронный ресурс]. – URL: data-lab.usaspending.gov. – (Дата обращения 01.02.2022).

4. Chentukov Y. et al., (2021.) Assessing the impact of higher education competitiveness on the level of socio-economic development of a country //Problems and Perspectives in Management. – 2021. – Т. 19. – №. 2. – P. 370-383.

5. Kalugin V. A., (2013). The principles and methods of the appraisal of commercialization projects of the universities innovations / V. A. Kalugin, O. S. Pogarskaya, I. Olegovna

Malikhina // World Applied Sciences Journal. – 2013. – Vol. 25. – No 1. – P. 97-105. – DOI 10.5829/idosi.wasj.2013.25.01.7029.

6. Кноема. [Электронный ресурс]. – URL:knoema.com. – (Дата обращения 01.02.2022).

7. Lavrinenko, Ya. B., & Novikov, A. G., (2019). To the question of the need for changes in the innovative infrastructure of the region in the conditions of digitalization of the economy. BBC 65.0501 A 43, 203.

8. Levchenko O., Tkachuk O., Tsarenko I., (2018). The Role of Universities and their Research Work in the Generation of Innovation : дис. – TUKE, 2018.

9. Menna A., Walsh P. R., Ekhtari H., (2019). Identifying enablers of innovation in developed economies: A National Innovation Systems approach //Journal of Innovation Management. – 2019. – Т. 7. – №. 1. – P. 108-128.

10. Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation. Open Data. [Электронный ресурс]. – URL: minobrnauki.gov.ru/opendata. – (Дата обращения 01.02.2022).

11. Our World in Data. [Электронный ресурс]. – URL: ourworldindata.org.– (Дата обращения 01.02.2022).

12. Pogarskaya O. S., 2013. University technology transfer as a key factor in the development of the Russian Knowledge Economy / O. S. Pogarskaya // Bulletin of the Belgorod University of Cooperation, Economics and Law. – 2013. – № 4(48). – Pp. 504-511. (in Russian).

13. Sekuloska J. D., (2014). Higher education as a pillar in increasing innovation capacities //Economics and Management. – 2014. – Т. 19. – №. 3. – P. 241-247.

14. Sohn S. Y., Kim D. H., Jeon S. Y., (2016). Re-evaluation of global innovation index based on a structural equation model //Technology Analysis & Strategic Management. – 2016. – Т. 28. – №. 4. – P. 492-505.

15. Statista. Global No.1 Business Data Platform. [Электронный ресурс]. – URL:www.statista.com– (Дата обращения 01.02.2022).

16. Tinyakova V. I., 2018. Analysis of the components of the innovative potential of territories / V. I. Tinyakova, O. S. Chemeris // City management: theory and practice. – 2018. – № 3(30). – Pp. 48-58 (in Russian).

17. The UNESCO Institute for Statistics.

[Электронный ресурс]. – URL:data.uis.unesco.org. – (Дата обращения 01.02.2022).

18. Todeva E., (2018). The global innovation index as a measure of triple helix engagement //International Triple Helix Summit. – Springer, Cham, 2018. – P. 119-134.

19. Udaltsova N. L., 2021. Features of the formation and development of the innovation system of Russia in the context of the "Triple helix" / N. L. Udaltsova, D. A. Krutskikh // Issues of innovative economy. - 2021. - Vol. 11. - No. 1. - pp. 33-46– - DOI 10.18334/vinec.11.1.111894. (in Russian).

20. Van Staveren I., (2013). Gender as a macroeconomic variable //New Frontiers in Feminist Political Economy. – Routledge, 2013. – P. 151-169.

21. World Bank Open Data. [Электронный ресурс]. – URL: data.worldbank.org. – (Дата обращения 01.02.2022).

22. Zhirnova G. I., Absalyamova S. G., (2013). Global innovation gap and quality of education //2013 International Conference on Interactive Collaborative Learning (ICL). – IEEE, 2013. – P. 144-145.

Информация о конфликте интересов: авторы не имеют конфликта интересов для декларации.

Conflicts of Interest: the author has no conflict of interest to declare.

Тинякова Виктория Ивановна, доктор экономических наук, профессор кафедры математических методов в экономике и управлении, Государственный университет управления (Москва, Россия)

Victoria I. Tinyakova, Ph.D. in Economics, Professor, Department of Mathematical Methods in Economics and Management, State University of Management (Moscow, Russia)

Лавриненко Ярослав Борисович, кандидат экономических наук, доцент кафедры цифровой и отраслевой экономики, Воронежский государственный технический университет (Воронеж, Россия)

Yaroslav B. Lavrinenko, Candidate of Sociological Sciences, Associate professor of the Department of Digital and Branch Economy, Voronezh State Technical University (Voronezh, Russia)

Чемерис Ольга Сергеевна, кандидат экономических наук, доцент Высшей школы бизнес-инжиниринга, Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого) (С.-Петербург, Россия)

Olga S. Chemeris, Candidate of Sociological Sciences, Associated professor of the Higher School of Business Engineering, Peter the Great Saint Petersburg Polytechnic University (St. Petersburg, Russia)